

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Факультет иностранных языков
Кафедра теории и практики перевода

Ветрова Э. С.

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Учебное пособие

для студентов направления подготовки
45.03.02 Лингвистика

Донецк 2019

УДК 81'25:81–13(075.8)

ББК Ш10*70я73+Ш10*008.51я73

В 393

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 3 от 02.04.2019г.)*

Ветрова Э. С. Теория перевода и сопоставительное изучение языков:
Учебное пособие. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 167 с.

Рецензенты:

Герасименко И. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Новикова Ю. Н., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры».

Учебное пособие знакомит студентов с актуальными проблемами теории перевода и сопоставительной лингвистики. Рассматриваются основные направления и концепции современных сопоставительных и типологических исследований, устанавливается их взаимосвязь с теорией перевода, изучаются другие вопросы, необходимые для повышения теоретического уровня и профессиональных компетенций будущих переводчиков, специалистов по межкультурной коммуникации, а также аспирантов, занимающихся научными исследованиями в области сравнительно-типологического языкознания.

УДК 81'25:81–13(075.8)

ББК Ш10*70я73+Ш10*008.51я73

В 393

© Ветрова Э. С., 2019

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
§1. Лингвокультурные барьеры в современной коммуникации и способы их преодоления.....	9
1.1. Понятие лингвокультурного барьера, причины возникновения лингвокультурных барьеров.....	9
1.2. Способы преодоления лингвокультурных барьеров.....	11
1.3. Перевод как способ преодоления лингвокультурных барьеров.....	14
1.4. Языковое многообразие современного мира.....	16
1.5. Сходства и различия между языками.....	18
1.6. Современные классификации языков.....	21
Контрольные вопросы и задания к теме.....	24
§2. Сопоставительная лингвистика как самостоятельное научное направление.....	25
2.1. Сопоставительный метод в языкознании.....	25
2.2. Термин «сопоставительное языкознание» в широком и узком понимании.....	26
2.3. Проблема терминологической дифференциации научных направлений, основанных на сравнении / сопоставлении языков.....	27
Контрольные вопросы и задания к теме.....	31
§3. Из истории сопоставительных исследований. Лингвистический компаративизм и его составляющие.....	33
3.1. Предпосылки формирования сопоставительных исследований. Первый научный опыт сопоставления языков.....	33
3.2. Лингвистический компаративизм как результат изучения множества языков.....	35
3.2.1 Сравнительно-историческое языкознание как одно из направлений лингвистического компаративизма.....	35
3.2.2 Первый опыт типологических исследований.....	
Типологическая классификация языков в работах ученых XIX-XX вв.....	37
Контрольные вопросы и задания к теме.....	46
§4. Перевод и генетическое родство языков. Генеалогическая классификация языков.....	48
4.1. Влияние фактора генетического родства языков на эффективность перевода.....	48
4.2. Генеалогическая классификация языков.....	49
4.2.1 Индоевропейская семья языков.....	51
4.2.1.1 Славянская группа языков.....	52
4.2.2.2 Балтийская группа языков.....	53

4.2.2.3 Германская группа языков.....	54
4.2.2.4 Итальянская группа языков.....	56
4.2.2 Афразийская семья языков.....	59
4.2.3 Алтайская семья языков.....	60
4.2.4 Уральская семья языков.....	61
4.2.5 Кавказская семья языков.....	62
4.2.6 Другие языковые семьи.....	63
Контрольные вопросы и задания к теме.....	64
§5. Типологическая классификация языков.....	65
5.1. Лингвистическая типология как самостоятельное научное направление.....	65
5.2. Морфологические типы языков.....	66
5.2.1 Изолирующий, или аморфный, тип.....	66
5.2.2 Агглютинативный тип.....	69
5.2.3 Флективный тип.....	71
5.2.4 Полисинтетический, или инкорпорирующий, тип.....	73
5.2.5 Количественные методы в определении степени аналитизма-синтетизма языков.....	74
Контрольные вопросы и задания к теме.....	75
§6. Фонологическая типология.....	77
6.1. Языки фонемного и слогового строя.....	77
6.2. Сегментный уровень языка: вокалические и консонантные языки.....	79
6.3. Суперсегментный (просодический) уровень языка: тонические и атональные языки.....	81
6.4. Интонационно-ритмическое своеобразие языков.....	84
Контрольные вопросы и задания к теме.....	84
§7. Лексическая типология.....	85
7.1. Предмет лексической типологии.....	85
7.2. Объем словарного фонда.....	87
7.3. Семантико-тематическая структура лексики.....	88
7.4. Стилистическая дифференциация словаря.....	89
7.5. Источники пополнения лексики в различных языках. Словообразовательная типология.....	89
7.5.1 Морфемная деривация и лексикализация.....	90
7.5.2 Семантическая деривация и конверсия.....	91
7.5.3 Образование несвободных сочетаний.....	92
7.5.4 Лексические заимствования.....	93
Контрольные вопросы и задания к теме.....	94
§8. Типологические закономерности в синтаксисе.....	95
8.1. Предмет и задачи синтаксической типологии.....	95
8.2. Комплексный и универсальный характер	

функциональной категории залоговости.....	97
8.3. Синтаксические классы языков.....	97
8.3.1 Языки номинативного строя.....	98
8.3.2 Языки эргативного строя.....	98
8.3.3 Языки активного строя.....	99
8.3.4 Языки классного строя.....	100
8.3.5 Языки нейтрального строя.....	100
8.4. Контенсивная типология.....	101
8.5. Типология порядка слов.....	103
Контрольные вопросы и задания к теме.....	104
§9. Языковые универсалии.....	105
9.1. Понятие «языковые универсалии».....	105
9.2. Классификации языковых универсалий.....	106
Контрольные вопросы и задания к теме.....	109
§10. Функциональная (социальная) типология.....	110
10.1. Предмет и задачи функциональной типологии.....	110
10.2. Критерии функциональной классификации языков.....	111
10.3. Формы существования языка.....	112
10.3.1 Литературный язык.....	112
10.3.2 Национальные варианты языков.....	113
10.3.3 Просторечие.....	113
10.3.4 Диалекты.....	114
10.4. Типы языков по объему коммуникации.....	117
10.4.1. Мировые языки.....	117
10.4.2. Международные языки.....	118
10.4.3 Государственный (официальный) язык.....	119
10.4.4 Региональные языки.....	119
10.4.5 Местные языки.....	120
10.4.6 «Здоровые», «больные», исчезающие, мертвые и возрожденные языки.....	120
10.5. Языки-посредники естественного происхождения.....	124
10.5.1 Лингва франка.....	124
10.5.2 Койне.....	125
10.5.3 Пиджини.....	125
10.5.4 Креольские языки.....	126
10.5.5 Искусственные языки.....	126
10.6 Языковая ситуация. Типология языковых ситуаций.....	127
Контрольные вопросы и задания к теме.....	131
§11. Перевод и сопоставительная лингвистика: общее и различное.....	134
11.1. Предпосылки формирования теории перевода как лингвистического направления.....	134

11.2. Проблема соотношения теории перевода и сопоставительной лингвистики в современном языкознании....	139
11.3. Теория перевода и сопоставительная лексикология (семантика).....	142
11.4. Теория перевода и сопоставительная грамматика.....	149
Контрольные вопросы и задания к теме.....	155
§12. Теория перевода и сопоставительная стилистика.....	156
12.1. Сопоставительная стилистика как раздел сопоставительной лингвистики: цели и задачи, основные направления и принципы исследования.....	156
12.2. Перевод и сопоставительная стилистика: вопросы корреляции.....	159
Контрольные вопросы и задания к теме.....	163
Список рекомендованной литературы.....	164

ПРЕДИСЛОВИЕ

На современном этапе развития общества наблюдается активизация интереса ученых к сопоставительным и типологическим исследованиям, а также проблемам теории перевода и межкультурной коммуникации, что обусловлено кардинальными изменениями в социально-политической и культурной жизни общества. Расширение практики межкультурной коммуникации и увеличение количества информации на иностранных языках обуславливают потребность в осуществлении сопоставительных и типологических исследований, направленных на выявление общего и различного в языках, на определение национальной специфики языковых единиц и категорий, на описание механизмов эффективного межкультурного взаимодействия. Кроме того, изучение типологических особенностей родного и иностранного языков, установление лексических, грамматических и других соответствий между ними является лингвистической основой теории перевода, играющего важную роль в преодолении лингвокультурных барьеров и осуществлению успешного взаимодействия между представителями различных культур.

Основная цель данного учебного пособия – расширить комплекс лингвистических и переводческих компетенций студентов-магистров на завершающем этапе обучения – этапе написания магистерской работы; раскрыть существенные для процесса перевода и межкультурной коммуникации взаимосвязи между переводческой практикой и сопоставительным и типологическим изучением языков; сформировать у студентов базу знаний об объекте и эмпирической базе лингвистической типологии и сопоставительной лингвистики, о предмете и объекте сопоставительных исследований, о специфике лингвистических универсалий, о типологии языковых уровней, а также о задачах и методах исследования сопоставительной и типологической лингвистики; способствовать осмыслению и обобщению теоретических вопросов о языке, формированию у студентов научного мышления и лингвистических компетенций, а также развития их лингвистического кругозора.

Учебное пособие включает лекции, организованные по проблемно-тематическому принципу. После вводного раздела, рассматривающего общие проблемы теории перевода и сопоставительного языкознания, идут разделы, посвященные рассмотрению конкретных вопросов – таких,

как генеалогическая, типологическая и ареальная классификации языков; фонологическая, морфологическая, лексическая, синтаксическая и функциональная типологии, языковые универсалии, методика сопоставительного анализа и др. Особое внимание уделяется установлению взаимосвязей между теорией перевода и различными разделами сопоставительной лингвистики – сопоставительной лексикологией, сопоставительной грамматикой, сопоставительной стилистикой.

Каждая лекция начинается перечнем рассматриваемых в ней ключевых проблем и заканчивается вопросами для самоконтроля, ориентированными на формирование собственной научно-теоретической позиции будущих специалистов-переводчиков.

Теоретический материал, изложенный в лекциях, предполагает совершенствование умений определять теоретическое направление проводимого сопоставительного исследования; использовать изученную концептуальную базу, сопоставительные методики и терминологический аппарат в собственных научных исследованиях.

Пособие завершает список основной и дополнительной литературы, который включает работы как классиков языкознания, так и современных исследователей, занимающихся проблемами теории перевода и сопоставительной лингвистики. Рекомендованные источники позволят студентам ознакомиться с различными теоретическими концепциями и выработать собственную научную позицию по актуальным вопросам сопоставительной и типологической лингвистики.

Учебное пособие ориентировано в первую очередь на студентов-магистров, обучающихся по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика, а также аспирантов, занимающихся научными исследованиями в области типологического и сопоставительного языкознания.

§1. Лингвокультурные барьеры в современной коммуникации и способы их преодоления

Ключевые проблемы:

- понятие лингвокультурного барьера;
- способы преодоления лингвокультурных барьеров;
- перевод как способ преодоления лингвокультурных барьеров;
- языковое разнообразие современного мира, сходство и различия между языками;
- современные классификации языков.

1.1. Понятие лингвокультурного барьера, причины возникновения лингвокультурных барьеров

В настоящее время в связи с глобализацией всех сфер человеческой деятельности, интенсификацией информационных процессов, а также расширением межкультурных и межнациональных контактов актуализируется проблема *лингвокультурных барьеров*, под которыми традиционно понимаются условия или факторы, усложняющие процесс общения и препятствующие успешному обмену информацией между людьми, принадлежащими к разным культурам и говорящими на разных языках. Возникновение лингвокультурных барьеров обусловлено рядом факторов, среди которых основными являются:

1) проблемы лингвистического характера – несовпадения в структуре языков (грамматическом строе, лексическом составе, семантике тех или иных языковых единиц и т.д.);

2) проблемы экстралингвистического характера – несовпадение культурных норм, традиций, менталитета, духовных ценностей партнёров по коммуникации.

Проблемы лингвистического характера – *языковые барьеры* – часто являются первыми (и вследствие этого наиболее запоминающимися) затруднениями при межкультурном общении. Возникновение языковых барьеров обусловлено рядом причин:

1) языковые знаки, используемые для построения высказывания, в разных языках могут отличаться по своему семантическому объёму;

2) представленный в высказывании способ обобщения нового знания в знании известном (зашифрованная в высказывании логическая

операция) может не совпадать с тем способом, который обычно выбирают при построении высказывания, описывающего ту же самую ситуацию, носители другой лингвокультуры;

3) сама основа для обобщения (фрагмент реальности), к которой обращено высказывание, в различных культурах в той или иной степени может не совпадать.

Таким образом, в межкультурном общении лингвистическая компетентность как владение абстрактной системой языковых норм, используемой как средства коммуникации, выступает необходимым, но не достаточным условием ее эффективности. Участники диалога должны обладать коммуникативной компетентностью – умением использовать языковые средства в конкретных социальных ситуациях, а также когнитивной способностью продуцирования мыслей на языке общения (навыками речепроизводства).

В ситуации контакта представителей различных культур языковой барьер – не единственное препятствие на пути к взаимопониманию. Значительно усложнить процесс межкультурного общения могут особенности культур, к которым принадлежат участники общения. Если представить процесс коммуникации в виде айсберга, то его вершиной, т. е. той частью, которая лежит на поверхности и подлежит обозрению, выступают грамматика и словарь. Однако наиболее крепкой, фундаментальной частью этого айсберга является та, которая скрыта под водой, – это весь культурный фон, сведения о менталитете, традициях, нормах поведения и т. д. того или иного народа. Если ранее при изучении языков внимание было главным образом сосредоточено на освоении грамматики и словаря, то сегодня необходимым условием эффективной коммуникации является владение комплексом знаний о культуре носителей того или иного языка. По справедливому утверждению С. Г. Тер-Минасовой, «главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [Тер-Минасова, 2000: 28]. С этой точки зрения изучение иностранных языков оказывается не только путем к средству межнационального общения, но и способом познания мира, культуры, психологии и менталитета того или иного народа.

1.2. Способы преодоления лингвокультурных барьеров

Существует несколько способов преодоления межкультурных барьеров:

- 1) билингвизм и полилингвизм;
- 2) использование языков международного общения (естественных и искусственных);
- 3) перевод.

Стремление к преодолению языковых барьеров приводит к сокращению числа «малых» языков (таких, например, как фризский и фарерский в Европе), для которых основной путь выхода на международную арену – *билингвизм* (двуязычие) и / или *полилингвизм* (многоязычие).

Под *полилингвизмом* традиционно понимается использование в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства) нескольких (более двух) языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией [Зограф, 1998].

Билингвизм рассматривается как «сосуществование двух языков в рамках одного языкового (речевого) коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. Оба языка, обслуживая единый коллектив, образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в функциональном дополнении друг к другу» [Швейцер, Никольский, 1978].

По новейшим данным, около 70% населения Земного шара владеют, в той или иной степени, двумя или более языками, причем это в высшей степени характерно для многонациональных регионов, таких, например, как Кавказ, Южная Америка, Новая Гвинея, в которых принято знать несколько языков соседей или по крайней мере один язык, служащий наднациональным средством общения.

Согласно данным известного каталога языков мира «Этнолог», из 217 стран мира подавляющее большинство – многоязычные общества. Лишь в пяти странах мира зарегистрировано по одному языку, что соответствует полному отсутствию языкового разнообразия. В 147 странах мира количество живых языков составляет от 10 и более, а в 21 стране мира количество языков превышает 100. Например, Таиланд является родиной приблизительно 80 языков, а в Камеруне большинство

населения говорит на двух и более африканских языках, тогда как образованные люди владеют также французским [Атлас языков мира, 1998: 30]. Таким образом, общественное одноязычие (один народ – один язык) является скорее исключением, чем нормой. Опыт функционирования языков в многонациональных государствах показывает, что двуязычие и многоязычие – эффективный способ свободного общения разноязычных граждан одного государственного образования, духовного и нравственного сближения людей разных культур и национальностей.

Современная ситуация развития общества, отмеченная бурным научно-техническим прогрессом, информационной революцией, интенсификацией экономических, культурных, социально-политических контактов между народами, активными миграционными процессами, создает условия для развития двуязычия, при котором языки межнационального общения расширяют свои функции, становятся глобальными, приобретая новый социально-лингвистический статус мировых языков. Использование конкретного языка в международном общении обусловлено социально-историческими причинами, прежде всего его распространенностью в разных государствах и ролью этих государств в мировой политике, в мировом информационном процессе, в культуре и науке.

Языки, имеющие мировой (международный) статус образуют 2 подкласса: *естественные языки* (для которых функция международного языка является реальной, но вторичной по отношению к их основному использованию в роли национального или этнического языка) и *искусственные языки* (для которых функция международного языка является первичной, но не всегда реализованной, поскольку не все такие языки нашли применение в практике межъязыкового общения).

Международные естественные языки в Античности и Средневековье имели региональный характер, т. е. были территориально ограничены. Имелись также ограничения *социальные* (если международные языки использовались небольшими социальными группами) и *функциональные* (если языки использовались лишь в письменном виде). Так, средством общения народов Древнего Востока был *китайский язык* (в его иероглифической форме). В древних государствах Передней Азии эту функцию в разные эпохи выполняли *шумерский, аккадский и арамейский языки*. *Древнегреческий язык* стал общим языком

эллинистического мира, *латинский язык* – разноязычной Римской империи; в Средние века в Европе оба языка выполняли функции международных языков. В славянских странах в это время роль международного языка играл старославянский язык. После VIII в. (часто именовавшегося «веком французского языка») в сферу глобального использования постепенно воли английский и немецкий языки, с XX в. – русский и некоторые другие языки. В связи с расширением международных контактов в политической, торговой, научной областях, развитием средств массовой коммуникации общемирового характера (Интернет), интернационализацией культуры, общественно-политической и научной терминологии и т. п. формируется группа мировых языков. В настоящее время в состав мировых языков входят: *английский, русский, французский* и др. (см. рис. 1). Ведущее место принадлежит английскому языку. Он является родным для 500 млн. людей в 12 странах мира. Еще 600 млн. использует английский в качестве второго языка. Сегодня английский язык – это язык дипломатии, торговли и бизнеса, образования, науки и техники и других сфер человеческой жизни.

Официальные мировые языки:

- английский,
- французский,
- испанский,
- русский,
- арабский,
- китайский,
- хинди.

Любой документ в ООН распространяется на этих языках.

Рис. 1. Основные мировые языки

Международные *искусственные* языки представляют собой коммуникативные системы, специально созданные для международного общения. Попытки создания таких языков предпринимались ещё в Античную эпоху (ок. 300 до н. э. искусственный язык на базе других греческих койне был разработан Алексархом). В большом количестве проекты искусственных языков стали появляться с VIII в., что связано с сокращением международных функций латинского языка. В VII–XIX вв. создатели искусственных языков нередко исходили из критики естественных языков как якобы недостаточно совершенных орудий мышления и общения и представляли искусственные языки как универсальные, предназначенные для замены естественных.

В середине XIX в. оформилось представление о вспомогательном характере искусственного языка как специализированного средства международного общения, выступающего наряду с естественными языками. Первым искусственным языком, реализованным как в устной коммуникации, так и в литературе, стал *волапюк* (создан в 1879 г.). Этот язык, вопреки сомнениям лингвистов, доказал осуществимость практического использования искусственного языка и быстро распространился в разных странах мира, где на нём одно время издавалось несколько десятков газет и журналов. Однако вскоре волапюк уступил место более совершенной системе – языку *эсперанто*, разработанному варшавским врачом Л. Л. Заменгофом в 1887 г. В настоящее время, согласно данным Всеобщей ассоциации эсперанто, этим языком владеет в мире около 8 млн. человек. Но, по-видимому, именно искусственная изолированность эсперанто от культурных корней живых языков не позволила ему приобрести статус всемирного. Примечательно, что попытки ученых создать единую, вненациональную систему кодирования информации, подобную живым языкам или использующую принципы живых языков, не прекращаются и сегодня.

1.3. Перевод как способ преодоления лингвокультурных барьеров

Все тонкости межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными при сопоставлении иностранных языков с родным языком и чужой культуры – со своей родной культурой. Как отмечает Ю. С. Степанов, «сравнительное описание норм двух

языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, незаметные изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком» [Степанов, 1965: 120]. Культурный барьер также становится очевидным только при столкновении родной культуры с чужими, отличными от нее. Это обусловлено тем, что в рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т. п. как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого. Только выйдя за рамки своей культуры, т. е. столкнувшись с иным мировоззрением, мироощущением и т. п., можно понять специфику своего общественного сознания, можно «увидеть» различие или конфликт культур [Цит. по: Тер-Минасова, 2000].

Важную роль в осуществлении такого сопоставления играет *перевод*, под которым традиционно понимается «вид языкового посредничества, который всецело ориентирован на оригинал. Иными словами, текст оригинала и перевода признаются коммуникативно равноценными, т. е. способными выполнять одну и ту же функцию в разных условиях коммуникации. Следовательно, задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на ИЯ (исходном языке – авт.) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться с ним» [Комиссаров]. Лингвистическая теория перевода имеет дело как с текстами на ИЯ и языке перевода (ЯП), так и с самим процессом преобразования текста оригинала в текст перевода. Кроме того, благодаря переводу обеспечивается возможность межъязыковой коммуникации. А это означает, что для создания полноценного перевода переводчик должен принимать во внимание особенности как автора исходного сообщения, так и его получателя, их знания, опыт, особенности мировосприятия и другие аспекты межъязыковой коммуникации, влияющие на ход и результат переводческого процесса.

Например. Для слова *свобода* во всех языках мира есть готовое соответствие. Но представители разных культур, за плечами которых разный исторический и социальный опыт, понимают свободу по-разному. Резко отличаются представления о свободе у американцев, русских, немцев и китайцев. Так, для русского человека свобода – это в первую очередь отсутствие каких бы то ни было обязательств, возможность полностью распоряжаться собой и своим временем, отсутствие внешнего

давления; для немца свобода – это прежде всего юридическая гарантированность его прав, четкая отрегулированность правового механизма, материальная обеспеченность (русскую «свободу» немец считает разгулом). В чукотском языке понятие «свободный» вообще отсутствует, существует только «сорвавшийся с цепи».

Такое разное понимание понятия «свобода» представителями разных культур может привести к недоразумениям при контактах. Если эти контакты устные, то на переводчика, помимо перевода текста, возлагается функция консультанта по межкультурной коммуникации, если же переводится письменный текст, необходимы комментарии или примечания к тексту, инициатором которых выступает переводчик.

Люди, не знающие иностранных языков, обычно не замечают ни столкновения культур, ни конфликта языков, который проявляется на различных языковых уровнях и требует глубокого понимания для достижения коммуникативного успеха.

1.4. Языковое разнообразие современного мира

Общее число существующих в современном мире языков точно неизвестно. В научных трудах, посвященных исследованию языкового состава населения мира, фигурируют различные данные, которые варьируются в интервале от 2,5 до 7 тыс. Так, в 21-м издании крупнейшего каталога языков мира (Ethnologue: Languages of the world. Dallas, 2018) общее число языков определяется в 7 111, в работе М. Рулена, в которой осуществляется классификация языков мира (M. Ruhlen. A guide to world's languages. Vol. 1. Stanford, 1991), отмечается, что их общее количество – около 4,7 тыс. Согласно данным Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), в мире существует 2796 языков.

Отсутствие единства в определении общего количества языков обусловлено рядом факторов: 1) достаточно условными границами между языком и его диалектами, отсутствием четких критериев для их разграничения; 2) функционированием бесписьменных языков, которые в современной науке изучены недостаточно. Кроме того, число языков меняется в ходе исторического развития. Так, некоторые языки когда-то имели письменность и литературную традицию, однако впоследствии утратили исконных носителей, и стали мертвыми, например, *латинский*,

древнегреческий, а также многочисленные языки, распространенные в древности на территории Передней и Малой Азии: *шумерский*, *хеттский*, *арамейский*, *ликийский*, *фригийский* и др. Многие из этих языков, уже будучи мертвыми, еще долгое время сохраняли свои приоритетные позиции, обслуживая сферы богослужения и науки: например, *латинский* язык в средневековой Европе.

Для современного этапа развития общества характерно стремительное сокращение количества языков, что обусловлено глобализацией, расширением межкультурных контактов и развитием коммуникаций. В обновленном «Атласе мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения», издаваемом ЮНЕСКО, зафиксировано, что на грани вымирания находится 50 европейских языков, а также 2 тыс. языков Тихоокеанского региона. Ученые считают, что в ближайшие 50 лет может исчезнуть до 90% мировых языков, что представляет собой еще большую опасность, чем вымирание животных или растений. Языки умирают во всех точках земного шара, начиная с кэрнских джунглей, где на грани исчезновения находится язык *дырбал* и заканчивая островом Мэн в Ирландском море, где в 1974 году умер последний носитель местного *кельтского* языка. При этом следует отметить, что языки вымирали и ранее (например, *шумерский*, *аккадский* и др. языки), однако в современном обществе этот процесс происходит гораздо быстрее. Из-за растущей в к. XX – нач. XXI вв. глобализации и централизации жизни малочисленным языковым сообществам достаточно сложно сохранить родной язык, конкурируя с общим языком данного региона. В сложившейся ситуации необходимо сохранить максимум знаний об исчезающих языках, которые являются подтверждением богатства и разнообразия человеческой культуры.

На фоне исчезновения языков наблюдаются также процессы формирования новых и возрождения старых языков, однако это происходит достаточно редко. Среди возрожденных языков следует отметить в первую очередь *иврит* – современный модифицированный вариант древнееврейского языка, который через 2,5 тыс. лет стал средством живого общения народа. Сейчас на нем говорят около 3 млн. человек.

Удачным оказался также опыт возрождения *баскского языка* (язык жителей северо-востока Испании и юго-запада Франции), который когда-то конкурировал с двумя соседними языками – *кастильским* и

французским и был запрещен в период диктатуры, последовавшей за гражданской войной. В настоящее время баскский язык является родным по разным данным для 650 тыс. – 1 млн. человек, большая часть из которых проживает в испанской части Страны Басков, где он имеет статус официального языка.

Новые языки возникают в результате отделения от языка его различных диалектов, которые со временем обособляются настолько, что говорящие на одном диалекте зачастую не могут в полной мере понять говорящих на другом диалекте. Таковы, например, варианты *английского языка*, функционирующие в США и Австралии. Кроме того, как отмечалось выше, новые языки могут создаваться сознательно для достижения определенных прагматических целей. Так, для преодоления языковых барьеров и достижения взаимопонимания в ситуациях межэтнических контактов были созданы: *эсперанто* – искусственный международный язык; *пиджины* и *креольские языки* – упрощенные смешанные языки для общения двух или более этнических групп и др.

1.5. Сходства и различия между языками

Языковая карта современного мира неоднородна и поляризована: на одном ее полюсе находятся языки-гиганты (мировые языки), количество носителей которых находится в диапазоне от 100 миллионов до миллиарда, на другом – множество малых языков, всего с несколькими сотнями или даже десятками носителей. Впрочем, если даже язык насчитывает несколько тысяч носителей, он все равно считается малым языком. Необходимо понимать, что малое количество носителей языка – это явный показатель его неблагополучия. В самом ближайшем будущем такой язык, скорее всего, начнет испытывать колоссальное давление со стороны более мощных соседей и будет обречен на исчезновение.

Основные языки мира с количественным составом их носителей представлены на диаграмме 1.

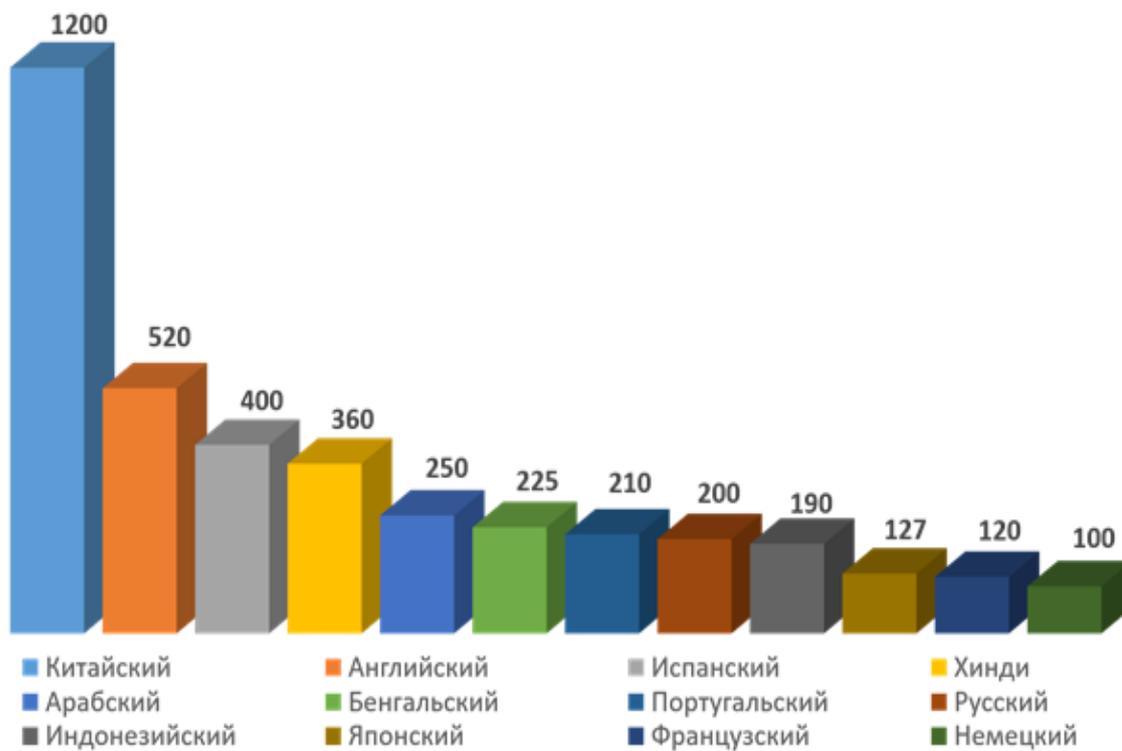

Диаграмма 1. Самые распространенные языки мира (млн. чел.)

Распространение «языков-гигантов» на карте мира представлено на рис. 1

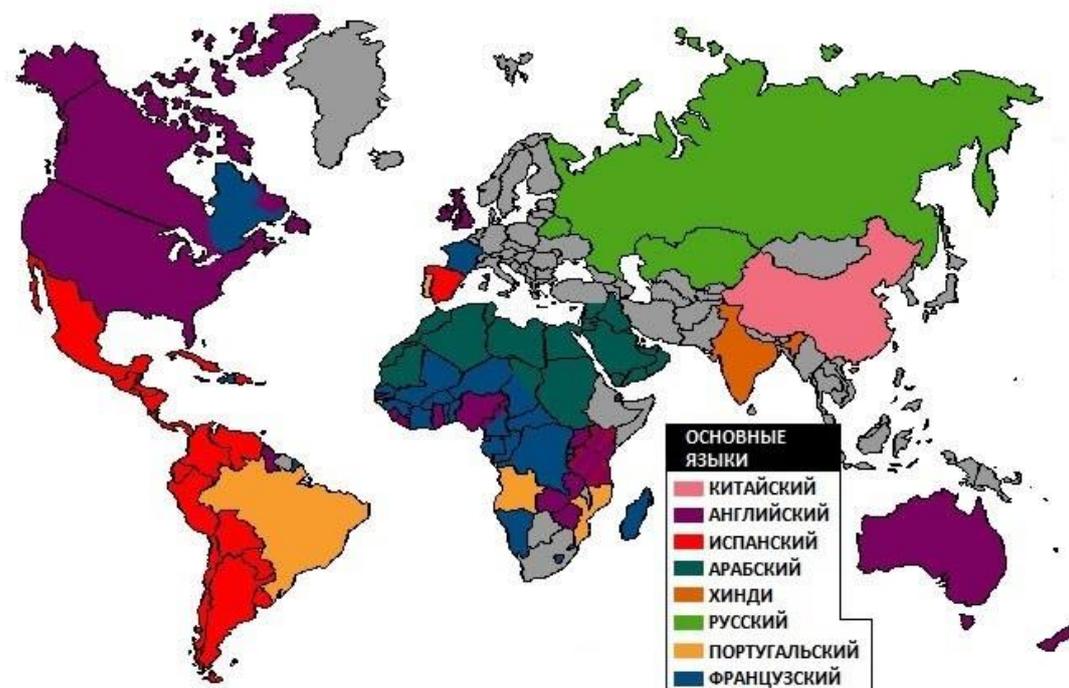

Рис. 1. Языки-гиганты на карте мира

Языки мира различаются не только по количеству их носителей, но и по происхождению, структуре, общественным функциями, что создает большие трудности для их освоения и перевода.

Кардинальные различия наблюдаются в грамматическом строе языков. Ярким примером могут служить языки Северного Кавказа. Так, в *табасаранском языке* выделяется от 44 до 52 падежей (прежде всего за счет семи серий локативов), в *кабардинском языке* – 28 лиц, тогда как в других языках данные грамматические категории значительно менее развиты (ср.: в славянских языках – 6-7 падежей и 3 лица) либо вообще отсутствуют (например, английский язык).

В *абхазско-адыгских языках* глагол имеет такие грамматические категории, отсутствующие в других языках, как категория союзности (выражает идею совершения действия с кем-либо), понудительности (каузатива), версии (передающей отношение действия к его субъекту или косвенному объекту).

В *лезгинском языке* глагол имеет 7 наклонений и сложную систему временных форм, но при этом не изменяется по лицам и числам и т.д.

Существенные различия между языками наблюдаются и на лексико-семантическом уровне. Например, такие эмоции, как злость и гнев, во многих языках, в том числе и в русском, метафорически связаны с высокой температурой жидкообразного содержимого – ср. *закипел от гнева/ярости, ярость клокочет, выплеснул свою злость* и т.д. При этом вместилищем гнева, как и большинства других эмоций в русском языке, является грудь – ср.: *закипело в груди*.

В японском языке гнев «размещается» не в груди, а в части тела, которая называется *hara* 'брюшная полость, нутро', иными словами, *рассердиться* по-японски означает ощутить, что *haragatatsu* 'нутро поднимается'.

Различия в семантике и структуре языков можно перечислять бесконечно. Некоторые языки, напротив, похожи настолько, что, зная один язык, можно практически без труда понять то, что сказано или написано на другом языке. Так, в *русском, белорусском, польском, болгарском* языках обнаруживается много слов общего корня, общие грамматические категории, что можно объяснить родством данных языков, т. е. их принадлежностью к одной генетической группе – славянской. Родственные языки, принадлежащие к одной группе, как

правило, похожи друг на друга настолько, что их сходство заметно «невооруженным глазом».

Вместе с тем не все родственные языки похожи, и не все похожие языки имеют общего предка. Общие структурные признаки наблюдаются и в языках, не имеющих генетического родства. Например, *тюркские* (*турецкий, башкирский, татарский, узбекский* и др.) и *угро-финские* (*венгерский, финский* и др.) языки, которые относятся к различным языковым семьям и структурным типам, могут быть объединены в одну группу по признаку «наличие сингармонизма – гармонии гласных».

По структурному признаку «использование постпозитивного суффиксированного артикля» в одну группу могут быть объединены такие неродственные языки, как *румынский, албанский, болгарский, шведский*. В то же время даже в родственных языках наблюдаются существенные структурные расхождения. Например, в *русском языке* система склонения представлена шестью падежами, тогда как в близкородственном ему *болгарском языке* система склонения отсутствует. Аналогичные различия в системе склонения наблюдаются и в родственных *немецком, шведском* (4 падежа) и *английском* (отсутствие падежей) языках.

Несмотря на то, что каждый язык уникален, в основе строения и функционирования всех языков лежит один и тот же принцип, что делает возможным их соотнесение в процессе перевода. Все языки обладают словарным составом и грамматическим строем, которые служат средством формирования мыслей и передачи их в процессе общения с другими людьми. Во всех языках используются понятийные категории времени, места, числа, модальности, выделяются классы предметов, отдельные объекты и их признаки, процессы и состояния и т.д.

Наличие сходств между языками позволяет осуществить их классификацию.

1.6. Современные классификации языков

В современной лингвистике используются три основных вида классификации языков:

1) *генеалогическая классификация* – учитывает родственные отношения языков;

2) *типологическая классификация* – объединяет языки независимо от их генетического родства;

3) *территориальная (ареальная) классификация* – учитывает принадлежность языка к тому или иному ареалу.

Каждая из данных классификаций имеет свой объект исследования, свои цели, методы, классификационные категории.

Генеалогическая (генетическая) классификация основана на определении родственных отношений между языками. При этом доказываемость общности происхождения родственных языков и демонстрируется их развитие из единого, часто реконструируемого специальными способами, языка, который получает название *праязык*. *Цель* генеалогической классификации – доказательство генетического родства языков, выяснение степени их родственных отношений и связей. *Основным методом* исследования является генетический, основными *классификационными категориями* – семья, ветвь, группа, подгруппа.

Генеалогическая классификация является абсолютно устойчивой (каждый язык изначально принадлежит к той или иной семье, группе языков и не может изменить характер этой принадлежности).

Типологическая классификация основывается прежде всего на структурных особенностях языков, например, на признаках морфологического строения слова, способах соединения морфем, роли флексий и аффиксов в образовании грамматических форм слова и в передаче его грамматического значения.

Цель типологической классификации – сгруппировать языки в крупные классы на основе сходства их грамматической структуры, а точнее – принципов ее организации, определить место того или иного языка с учетом формальной организации его языкового строя.

Основной метод исследования – сравнительно-сопоставительный, *основная классификационная категория* – тип, класс языков (русский язык, например, так же, как и другие индоевропейские языки, принадлежит к языкам флективного типа, поскольку флексия, тесно связанная с основой слова, составляет устойчивый и существенный признак морфологической структуры слова).

Типологическая классификация всегда относительна и исторически изменчива (поскольку каждый язык постоянно развивается, меняется его структура и сами теоретические осмысления этой структуры).

Географическая (ареальная) классификация связана с местом распространения того или иного языка (диалекта). Ее *цель* – определить ареал языка (диалекта) с учетом границ его языковых особенностей. Основным *методом* исследования является лингвогеографический, основной *классификационной категорией* – ареал или зона (ср. ареалы взаимодействия диалектов или языков в рамках языкового союза).

Отличительной особенностью ареальной классификации языков является то, что она распространяется не на все языки мира, а лишь на языки отдельных регионов, или ареалов, в то время как генеалогическая и типологическая классификации охватывают (или стремятся охватить) все языки мира. Объединения языков, выделяемые при ареальной классификации, всегда располагаются «в пределах единого географического пространства», т. е. занимают смежные территории, в то время как разные группировки языков, различаемые при генеалогической и типологической классификациях, могут быть территориально разделены, отделены друг от друга территориями распространения языков иных типов.

Ареальная классификация возможна и в рамках одного языка применительно к его диалектам (ср. ареальную классификацию русских диалектов, согласно которой выделяются севернорусские и южнорусские диалекты, а также переходные среднерусские говоры).

Ареальная классификация обладает большей или меньшей устойчивостью в зависимости от признаков, положенных в ее основание.

Кроме этих трех основных типов классификаций, иногда выделяют *функциональную (или социальную)*, а также *культурно-историческую классификацию*.

Помимо описанных выше классификаций, существуют и другие, учитывающие другие признаки.

Так, например, **функциональная классификация** базируется на изучении актов речи и типов языковой коммуникации. В соответствии с этой классификацией языки делятся на *естественные*, являющиеся средством общения (устные и письменные языки) и *искусственные*, т. е. не воспроизводящие форм естественных языков графические языки, применяющиеся в сфере науки и техники (ср., например, языки программирования, информационные языки, логические языки и др.).

Культурно-историческая классификация рассматривает языки с точки зрения их отношения к истории культуры. В соответствии с

этой классификацией, учитывающей историческую последовательность развития культуры, выделяются бесписьменные, письменные языки, литературные языки народности и нации, языки межнационального общения.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Дайте определение понятию «лингвокультурные барьеры». Чем они обусловлены?
2. Охарактеризуйте способы преодоления лингвокультурных барьеров. Какие из них, на Ваш, взгляд, являются наиболее эффективными? Ответ аргументируйте.
3. Какова роль перевода в преодолении языковых и культурных барьеров?
4. Приведите примеры несовпадения «языковых картин мира».
5. Охарактеризуйте языковую карту современного мира. Какие проблемы возникают в связи с многообразием языков?
6. Сколько языков существует в современном мире? Как Вы думаете, почему в различных источниках приводятся различные количественные данные о языках? Чем обусловлены трудности в определении точного количества существующих в мире языков?
7. Чем можно объяснить стремительное исчезновение языков в современном мире? Приведите примеры исчезающих языков. Какие меры предпринимаются для их сохранения? Подготовьте устное сообщение (презентацию) на тему «Проблема исчезновения языков в современном мире и пути ее решения».
8. Приведите примеры сходств и различий между языками. Чем, на ваш взгляд, обусловлены различия в структуре и функционально-коммуникативных особенностях языков?
9. Какие классификации языков существуют в современной лингвистике. Охарактеризуйте каждую из них по схеме: цели, задачи, объект исследования, классификационные категории.
10. Подготовьте небольшое сообщение (5-7 мин.) о малоизученном языке по следующей схеме: территория распространения, количество носителей, социальный статус языка, (государственный, региональный, местный и т.д.) сферы использования, структурные и коммуникативные особенности, перспективы развития.

§ 2. Сопоставительная лингвистика как самостоятельное научное направление

Ключевые проблемы:

- сопоставительный метод в языкознании;
- термин «сопоставительное языкознание» в широком и узком понимании;
- проблема терминологической дифференциации научных направлений, основанных на сравнении / сопоставлении языков:
 - сравнительно-историческое языкознание;
 - лингвистическая типология;
 - ареальная лингвистика;
 - сопоставительное языкознание;
 - контрастивная лингвистика;
 - теория перевода.

2.1. Сопоставительный метод в языкознании

Переводческая компетенция формируется сознательно на основе овладения фундаментальными теоретическими знаниями. По словам Л. С. Бархударова: «Перевод как учебная дисциплина не может существовать без теории, так как без теоретических обобщений преподавание сводится к трудно контролируемому развитию интуиции, а в худшем случае – к натаскиванию» [Бархударов, 1975]. Кроме того, перевод немаловажен без прочной лингвистической основы. Такой основой является в первую очередь сопоставительное изучение языковых явлений и установление соответствий между языком подлинника и языком перевода. Выявление общих и дифференциальных признаков ИЯ и ЯП позволяет обнаружить в каждом из этих языков немаловажные особенности, которые могут оставаться не выявленными в рамках «одноязычных» исследований и выбрать правильную стратегию перевода. Таким образом, рассмотрению собственно переводческих проблем должно предшествовать изучение исходных положений сопоставительной лингвистики.

Сравнение, взаимное соотнесение, сопоставление различных явлений, процессов, установление их общих и уникальных черт является основным свойством человеческого мышления и составляет основу

познавательной деятельности в целом. Как утверждают философы, сравнение – этот тип «логической рефлексии» (И. Кант), посредством которой на основе некоторого признака устанавливается тождество или различие объектов путем их попарного сопоставления. Наряду с дедукцией, индукцией и аналогией сравнение является универсальным исследовательским инструментом, выросшим, как и весь категориальный аппарат логики из естественного языка.

Большая роль отводится сравнению / сопоставлению в языкознании. Как отмечает В. Скаличка, «лингвистические исследования настолько тяготеют к сравнению, что всякого рода сравнения теперь, пожалуй, могут (а не должны!) отсутствовать лишь в грамматиках родного языка. Иначе говоря, описывая малоизвестный язык, мы вольно или невольно сравниваем его с родным. Поэтому представляется чрезвычайно важным классифицировать различные способы сравнения» [Скаличка, 1989].

Сопоставлению языков в лингвистике всегда уделялось большое внимание. По мнению А. А. Потебни, сама «мысль о сравнении языков – такое же великое открытие, как идея человечества для истории» [Потебня, 1989: 48]. Однако в самостоятельную область научного знания сопоставительные исследования оформились относительно недавно.

2.2. Термин «сопоставительное языкознание» в широком и узком понимании

Термин «сопоставительное языкознание» в современной лингвистике используется в широком и узком смысле. При широком подходе под ним подразумевается комплекс лингвистических дисциплин, которые используют метод сравнения / сопоставления языков: *сравнительно-историческое, типологическое, ареальное языкознание*, а также *сопоставительное языкознание* в узком понимании данного понятия. Так, российский лингвист В. Б. Касевич отмечает, что «сравнение, сопоставление лежит в основе и типологии, и сравнительно-исторического языкознания, и ареальной лингвистики» и предлагает два решения данной проблемы: одно – считать «сопоставительное языкознание» общим обозначением для упомянутых и, возможно, каких-либо еще отраслей лингвистики. Другое состоит в том, чтобы,

наоборот сузить это понятие, отождествив его с контрастивной лингвистикой [Касевич, 1977: 19].

По мнению украинского лингвиста М. П. Кочергана, целесообразнее все науки, которые основываются на сравнении языков, называть *сравнительным языкознанием*, а термин *сопоставительное языкознание* использовать для обозначения лингвистического направления, которое изучает общее и различное в языках [Кочерган, 2006: 7].

На необходимости разграничения терминов «сравнение» и «сопоставление» акцентируется внимание в большинстве современных исследований. Ученые отмечают, что «сравнительный метод направлен на поиск в языках схожего, для чего следует отсеивать различное. Сравнительный метод – историчен и апрагматичен, его цель – используя вспомогательную диахронию, принципиально деиндивидуализировать исследуемые языки в поисках реконструкции протореалии [Реформатский, 1987: 40]. Сопоставительный метод, наоборот, базируется только на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности, и должен опасаться любого схожего, так как оно толкает на нивелировку индивидуального и провоцирует подмену чужого своим. Только последовательное определение контрастов и различий своего и чужого может и должно быть законной целью сопоставительного исследования языков [Серебренников, 1957].

2.3. Проблема терминологической дифференциации научных направлений, основанных на сравнении / сопоставлении языков

Таким образом, в современной лингвистике принято разграничивать научные области, основанные на *сравнении* языков: *сравнительно-историческое языкознание*, или *компаративистика* и научные области, основанные на сопоставлении языков:

- ✓ *лингвистическая типология;*
- ✓ *сопоставительное языкознание;*
- ✓ *контрастивная лингвистика;*
- ✓ *ареальная лингвистика;*
- ✓ *теория перевода.*

Сравнительное языкознание сравнивает родственные языки в историческом аспекте, выявляя общие корни, язык-основу, фонетические

и др. изменения и т.д. Сопоставительное языкознание сравнивает языки вне зависимости от степени их родства, преимущественно в синхронном ракурсе.

Перечисленные выше научные направления различаются целями, задачами, объектом исследования, а также областью применения его результатов (табл. 1).

Таблица 1. Научные направления, основанные на межъязыковом сравнении

№	Термин	Цель	Объект исследования
1.	Сравнительно-историческое языкознание	доказательство генетического родства сравниваемых языков, основанного на закономерных соответствиях их элементов	большие группы родственных языков
2.	Лингвистическая типология	сопоставление языковых структур в целом или отдельных языковых уровней, установление общих черт	множество языков независимо от характера генетических отношений между ними
3.	Сопоставительное лингвистика	выявление сходств и различий сопоставляемых языков на всех уровнях языковой структуры	родственные и неродственные языки (два или несколько)
4.	Контрастивная лингвистика	сопоставительное изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий	два языка – родной и иностранный
5.	Ареальная лингвистика	изучение взаимодействия сопоставляемых языков и образования языковых союзов	контактирующие языки – как родственные, так и неродственные
6.	Теория перевода	выявление и описание расхождений языковых систем ИЯ и ЯП, установление межъязыковых соответствий	два языка – родной и иностранный

Если разграничение сравнительной и сопоставительной лингвистики в широком понимании данных понятий не представляет особых трудностей, то проблема дифференциации научных направлений

в рамках сопоставительного языкознания является дискуссионным. В науке активно обсуждается вопрос о соотношении сопоставительной лингвистики и лингвистической типологии. Ученые объясняют различие между данными научными направлениями следующим образом: задача *лингвистической типологии* – установление языкового типа (как типов существования того или иного элемента в различных языках, так и языковых типов в целом), для последующей классификации языков и выявления того, как вообще может быть устроен человеческий язык. Так, по мнению Б. Потье, типологические исследования проходят в три этапа: 1) нахождение типологической черты (основы сравнения языков); 2) характеристика языка по данной черте; 3) определение места языка среди других языков в классификации по данной черте.

Задачи *сопоставительной лингвистики* уже: она сравнивает факты двух или нескольких языков с целью обнаружения схождения и расхождений. Цель сопоставительной лингвистики – сопоставление языков в целом, включая все языковые уровни – фонологический, морфологический, синтаксический, семантический.

В сопоставительных исследованиях один из сопоставляемых языков называют языком-эталоном (в переводоведении – исходным языком, *source language*). Обычно таковым становится родной для исследователя (и разработчика прикладных применений результатов исследования) язык. С ним сопоставляется некий (изучаемый и т.п.) иностранный язык. Выделяются сходства и, главным образом, различия сопоставляемых языков.

Сопоставление может осуществляться и в направлении от иностранного языка к родному. В этом случае моделируется некий гипотетический промежуточный язык (язык-посредник), который и квалифицируется как язык-эталон. В такой модели перечисляются общие для двух языков признаки, а для каждого конкретного языка указывается, какие из признаков языка-эталона ему присущи. Такая модель может считаться первым приближением к теоретически постулируемому универсальному общечеловеческому языку.

Возможно сопоставление трёх и более языков, вытекающее из потребностей построения общей теории языка, языковых контрастов, перевода и межкультурной коммуникации.

Любое сопоставительное исследование результативно лишь при условии соблюдения ряда логических требований. Главное из них –

сопоставляемость объектов, которые должны быть однородными, т.е. принадлежать к одному логическому классу, и наличие существенного признака, по которому они сравниваются (основание для сопоставления). Установление основания сопоставления заключается в выборе какого-либо признака сопоставляемого явления – фонетического, лексического, грамматического в качестве эталона основания исследования. Объектом сопоставления могут быть все единицы языка и отношения между ними – от фонем до предложений. В качестве источника сопоставления могут выступать также словари, грамматики, тексты, языки в целом.

При любом сопоставительном описании нужна *системность*, т. е. любые факты сопоставляемых языков необходимо брать в их системе и подсистеме, чего нельзя добиться простым перечислением компонентов.

Соотношение *сопоставительной лингвистики* и *лингвистической типологии* некоторые авторы представляют таким образом: типология – более абстрактная наука, тогда как сопоставительная лингвистика более конкретная: сопоставительная лингвистика дает материал для типологии, тогда как типология предоставляет сопоставительной лингвистике объяснения соответствующих сходств и расхождений.

Еще одной актуальной проблемой является разграничение *сопоставительной* и *контрастивной* лингвистики. Одни ученые используют данные понятия как синонимы (Дж. Хаммер, Л. Селингер, Ф. Райс, М. П. Кочерган, В. Н. Ярцева и др.). Другие (И. А. Стернин, А. Гудавичюс, В. М. Мокиенко и др.) – настаивают на необходимости терминологического выделения контрастивной лингвистики, которую связывают в первую очередь с практикой преподавания иностранных языков. По мнению представителей данного подхода, **контрастивная лингвистика** отличается от сопоставительной тем, что в ней:

- 1) исследуются только два языка – родной и изучаемый;
- 2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в этих двух языках;
- 3) сопоставление проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к её возможным соответствиям в другом языке;
- 4) выявляются в первую очередь различия в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с их возможными соответствиями в

другом языке, сходства устанавливаются автоматически [Стернин, 2006: 16].

Таким образом, в отличие от сопоставительной лингвистики, имеющей преимущественно теоретическую направленность, результаты контрастивного анализа имеют практический выход, поскольку помогают выявить и предотвратить возможные трудности при подборе словарных соответствий и являются надежной лингвистической базой для теории перевода.

Еще одно лингвистическое направление, основанное на сопоставлении языков, – *ареальное (пространственное)* языкознание выделилось в самостоятельную научную область в конце XIX – начале XX вв. Цель ареальной лингвистики – изучение вопросов взаимодействия географически контактирующих языков, возникновения языковых союзов. Нередко в рамках генетического компаративизма генетический и ареальный подходы смыкаются как два основных метода сравнительно-исторического языкознания. Основным методом *ареальной лингвистики* – лингвистическая география. Его суть заключается в том, что на географические карты наносятся полученные в результате сплошного или выборочного обследования изоглоссы, которые характеризуют распространение фонетических, лексических, грамматических явлений. Лингвисты определяют центры, где зародились языковые инновации, выясняют, как далеко они распространяются, что этому способствует и что, напротив, сдерживает дальнейшее их продвижение. При этом учитываются не только границы языковых явлений, но и границы экономические, политические, культурные, что открывает возможности для более глубокого и объективного изучения истории данного языка, лучшего понимания закономерностей дивергенции и конвергенции языков.

Главным понятием ареальной лингвистики является *языковой союз* (термин Н. С. Трубецкого) – группа языков, имеющих существенное сходство в синтаксисе, морфологии, иногда – внешнее сходство в фонетике и обладающих общим фондом культурных слов, но не связанных (как в языковой семье) системой звуковых соответствий и исконной элементарной лексикой, например, *балканский, поволжский (волго-камский), центрально-азиатский (гималайский)* языковые союзы. Так, для языков, входящих в балканский языковой союз, общим является наличие постпозитивного артикля, совпадение дательного и

родительного падежей, утрата синтаксической формы инфинитива и др. При этом каждый язык в отдельности обладает особыми, только ему присущими свойствами и признаками. Ареальная близость или языковое сродство могут быть характерны как для родственных, так и для неродственных языков.

Самым молодым лингвистическим направлением, основанным на межъязыковом сопоставлении, является **теория перевода**, которая сформировалась в середине XX в. Теория перевода является, в первую очередь, дескриптивной теоретической дисциплиной, занимающейся выявлением и описанием расхождения языковых систем ИЯ и ЯП, расхождения речевой нормы / узуса, действующих в коллективах носителей ИЯ и ЯП, расхождения коммуникативно релевантной информации носителей ИЯ и ЯП, т. е. экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текста, в т. ч. культурно-исторической информации.

Таким образом, в процессе перевода устанавливаются определенные отношения между двумя текстами на разных языках (текстом оригинала и текстом перевода). Сопоставляя такие тексты, можно раскрыть внутренний механизм перевода, получить важную информацию о коррелятивности отдельных элементов оригинала и перевода, обусловленной как отношениями между языками, участвующими в переводе, так и внелингвистическими факторами, оказывающими влияние на ход переводческого процесса.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Охарактеризуйте «сравнение / сопоставление» как общенаучный метод.
2. Какова роль сравнения и сопоставления в языкознании?
3. Дайте определение понятию «сопоставительное языкознание». Какие подходы существуют к трактовке данного понятия в современной лингвистике?
4. Назовите научные направления, основанные на сравнении / сопоставлении языков. Охарактеризуйте каждое из них по схеме: цель, задачи, методы, базовые понятия, область применения результатов.
5. Установите сходства и различия между следующими научными направлениями:

✓ сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание;
сопоставительное языкознание и лингвистическая типология;

✓ сопоставительная и контрастивная лингвистика;

✓ сравнительно-историческое и ареальное языкознание.

6. Опираясь на последние достижения в области сопоставительного языкознания, аргументируйте целесообразность или нецелесообразность терминологического выделения контрастивной лингвистики.

7. Какие условия необходимо соблюдать, чтобы сопоставительное исследование было эффективным?

8. Подготовьте небольшое сообщение по теме «Перевод как акт межъязыковой и межкультурной коммуникации».

§3. Из истории сопоставительных исследований. Лингвистический компаративизм и его составляющие

Ключевые проблемы:

- предпосылки формирования сопоставительных исследований, первый научный опыт сопоставления языков;
- лингвистический компаративизм как результат изучения множества языков;
- сравнительно-историческое языкознание как одно из направлений лингвистического компаративизма;
- первый опыт типологических исследований, типологическая классификация языков в работах ученых XIX-XX вв.

3.1. Предпосылки формирования сопоставительных исследований. Первый научный опыт сопоставления языков

Сходство и различия языков были замечены еще в глубокой древности, как только люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков. На необходимость сопоставления языков впервые обратили внимание составители переводных словарей, которые, имея определенные практические навыки, были вынуждены подбирать соответствия иностранным словам в своем родном языке [Ярцева, 1981: 30] с целью реализации межкультурных контактов. Каких-либо научных методов сопоставления языков в этот период не существовало.

Первый научный опыт сопоставления языков представлен в грамматике древнеиндийского ученого **Панини (4 в. до н. э.)**, где *санскрит* (язык священных книг древних индийцев) сопоставляется с разговорными вариантами древнеиндийских языков Северной Индии – *пракритами*. Примечательно, что в античном мире, в котором уже сложились определенные традиции исследования языковых явлений, вопрос о многообразии языков не был актуален. Достоянием изучения признавались только греческий или латинский языки, остальные считались «варварскими», т. е. чужими, грубыми, нечленораздельными (слово *варвар* в переводе с греческого языка – ‘чужестранец, невежественный грубый человек’). Об этом свидетельствует, например, грамматика латинского языка **М. Варрона (116-27 гг. до н. э.)**, в которой в примитивной форме сравниваются глагольные системы

греческого и латинского языков. Результаты подобных сопоставительных исследований зафиксированы в древних словарях.

Определенные предпосылки сопоставительных и типологических исследований закладывались и в *Средние века* – благодаря многовековой уверенности людей в том, что внутренне все языки схожи и что поэтому по грамматике латинского языка можно понять устройство и категории любого из народных языков. Повсеместное культурное двуязычие побуждало постоянно сопоставлять языки, замечать их сходства и различия, при этом греческий, латынь или церковнославянский были своего рода «точками отсчета», «эталонными» языками. Стихийный универсализм средневековой грамматической мысли, убеждение в принципиальной «соизмеримости» любых языков впоследствии получили теоретическое развитие в грамматике аббатов монастыря Пор-Рояль **Антуана Арно** и **Клода Лансло** «Грамматика всеобщая и рациональная Пор-Рояля» (1660). Для выявления языковых универсалий авторы использовали примеры из родного французского языка с привлечением фактов древнегреческого, латинского, древнееврейского, итальянского, испанского, английского, немецкого языков. Примечательно, что в данной грамматике латынь все еще принимается за образец, но уже не безоговорочно, как в средневековых грамматиках.

Толчком к сопоставлению языков на научной основе послужило знакомство европейцев с санскритом – древним литературным языком Индии. Особенно велики в этом знакомстве заслуги **Вильяма Джонса (1746-1794)**, английского востоковеда и юриста, служившего в Бенгалии судьей. В 1784 году он основал «Азиатское общество» для изучения культуры и языков Индии. В одном из своих выступлений В. Джонс отметил: «Санскритский язык при всей своей древности обладает изумительным строем. Он совершеннее греческого, богаче латинского и утонченнее обоих, в то же время он обнаруживает столь близкое родство с греческим и латинским языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что оно не могло сложиться случайно». По мнению ученого, это поразительное родство убедительно доказывает, что все эти языки возникли из одного общего источника, которого, быть может, уже не существует.

3.2. Лингвистический компаративизм как результат изучения множества языков

С обострением интереса к национальным языкам стали появляться первые грамматики не только различных европейских, но и неевропейских языков. Эпоха великих географических открытий и колониальных завоеваний предоставила в распоряжение учёных большой объем эмпирического материала, который нуждался в систематизации. Стали предприниматься многочисленные попытки классификации языков на основе их типологического сходства и предполагаемых родственных связей, что способствовало формированию *лингвистического компаративизма* – научного направления, имеющего дело с множествами языков.

В XIX веке лингвистический компаративизм развивался в рамках двух направлений – *сравнительно-исторического* и *типологического*.

Убеждение в историческом развитии любого явления, дух историзма, знакомство европейских ученых с санскритом, романтическое стремление проникнуть вглубь истории своего народа и языка привело ученых разных стран к выводу, что сходство языков может быть объяснено их родством, происхождением языковых семей из общего древнего праязыка. Эти идеи легли в основу *сравнительно-исторического языкознания*.

3.2.1 Сравнительно-историческое языкознание как одно из направлений лингвистического компаративизма

Родоначальником сравнительно-исторического языкознания является немецкий лингвист **Франц Бопп (1791-1867 гг.)**. В одной из первых своих работ – «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков» (1816) ученый последовательно реконструировал картину становления личного спряжения глагола в индоевропейских языках, на широком эмпирическом материале доказав декларативный тезис В. Джонса о родстве языков, восходящих к одному праязыку.

Определяющим для создания сравнительно-исторического метода является и то, что Ф. Бопп взял за основу анализа генезис глагольных флексий, которые, в отличие от корней, не заимствуются и поэтому являются гарантией родственных отношений языков.

Идеи Ф. Боппа легли в основу его фундаментального труда «Сравнительная грамматика индогерманских [индоевропейских] языков» (1833), которая считается первой сравнительной грамматикой в истории языкознания.

Одновременно с Ф. Боппом, но независимо от него сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков занимался датский языковед **Расмус Христиан Раск (1787-1832)**. Его главный труд «Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка» вышел в 1818 году, вторая часть этой работы в немецком переводе была опубликована в 1822 году под названием «О фракийском языковом классе». В своих исследованиях Р. Раск приходит к заключению о том, что скандинавские и германские языки являются близкими ветвями и вместе со славянскими и балтийскими языками имеют свой источник в «древнефракийском» языке, под которым понимается вымерший праязык или язык доисторических времен юго-восточной Европы.

Поскольку, по мнению ученого, греческий и латинский являются самыми древними и единственными его пережитками, то они должны рассматриваться как источники исландского языка. При сравнении языков ученый отдает первенство грамматике, т. к., по его мнению, лексические соответствия являются в высшей степени ненадежными.

Основоположником сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале стал **Александр Христофорович Востоков (1781-1864)**. Сопоставляя грамматические факты славянских языков с аналогичными явлениями старославянского языка, ученый впервые указал на необходимость сопоставления данных живых и мертвых языков. Позднее это стало одним из обязательных условий сравнительно-исторического анализа.

Большой вклад в развитие сравнительно-исторического языкознания внес немецкий лингвист **Август Шлейхер (1821-1868)**. Ученый является автором концепции родословного древа (см. рис.1), согласно которой все родственные, в том числе и индоевропейские, языки восходят к единому праязыку. Языки развиваются лишь одним способом: они могут дробиться и расходиться, но не могут скрещиваться между собой.

Такой подход в целом сохраняется и в современной лингвистике, несмотря на неоднократные попытки его ревизии.

Схема 1. Родословное дерево индоевропейских языков по А. Шлейхеру

3.2.2 Первый опыт типологических исследований. Типологическая классификация языков в работах ученых XIX-XX вв.

Вторым направлением лингвистического компаративизма является **лингвистическая типология**, основы которой закладывались почти одновременно со сравнительно-историческим языкознанием.

Первый опыт типологических исследований находим у **А. Смита** (1759), изучавшего причины сдвига от синтетизма к аналитизму в европейских языках. Вместе с тем основоположниками данными научного направления традиционно считаются **В. Гумбольдт, А. Шлейхер, Ф. Шлегель**. Первые типологические исследования (I-я треть XIX в.) были ориентированы на определение типов языков, причем ориентация этой была не столько таксономической, сколько глоттогонической, что объясняется формированием нового взгляда на историческое развитие языка не как на статический процесс, а как на последовательную смену стадий (состояний), имеющих универсальный характер.

Типологические классификации с самого начала учитывали устройство грамматического строя языков, особенно словоформы, поэтому назывались «морфологическими». Лексические соответствия признавались ненадежными, так как могли возникнуть в результате заимствования.

Как отмечают ученые, впервые вопрос о типе языка поставили романтики, которые утверждали, что через язык можно познать «дух

народа». Данная идея легла в основу исследования вождя немецких романтиков **Фридриха Шлегеля (1772-1829)** «О языке и мудрости индийцев» (1809). В своей знаменитой книге ученый сопоставил санскрит с греческим, латинским, а также с тюркскими языками, пытаясь выявить основные различия в строе языков мира (именно Ф. Шлегель впервые использовал в своей работе термин «сравнительная грамматика»). В результате исследований ученый пришел к выводу о том, что существует два типа языков: *флективные* и *аффиксирующие*.

Во *флективных* языках (от лат. *flexio* ‘сгибание, изгиб, поворот, переход’) грамматическое значение выражается при помощи изменения корня в результате чередования гласных и согласных звуков, а в *аффиксирующих* языках (от лат. *affixus* ‘прикрепленный’) – при помощи присоединения к корню многочисленных суффиксов. Следует отметить, что теория Ф. Шлегеля имеет субъективный характер: ученый оценивал языки, возвышая одни и критикуя другие. Так, *флективные* языки (например, санскрит) ученый считал эстетически совершенными, органичными, гибкими, способными выражать самые сложные и вместе с тем необычайно ясные понятия и мысли: «В индийском или греческом языках каждый корень является тем, что говорит его название, и подобен живому ростку; благодаря тому, что понятия отношений выражаются при помощи внутреннего изменения, дается свободное поприще для развития... Все же, что получилось таким образом от простого корня, сохраняет отпечаток родства, взаимно связано и поэтому сохраняется. Отсюда, с одной стороны, богатство, а с другой – прочность и долговечность этих языков» [Цит. по Реформатский, 1987].

По мнению Ф. Шлегеля, такие языки имели изначально божественное происхождение. Наблюдения над фактами латинского языка и восходящих к нему романских языков позволяли констатировать «стачивание» форм в результате потери этими языками своей изначальной чистоты и смешения языков.

Аффиксирующим языкам (например, *тюркским*), напротив, «с самого возникновения недостает живого развития», их отличительные черты – «бедность, скудность и искусственность». Слово в тюркских языках состоит из неизменяемого корня и последовательности таких же неизменяемых, стандартных и однозначных суффиксов. В этих языках корни «можно сравнить не с плодородным семенем, а лишь с грудой

атомов... связь их часто механическая – путем внешнего присоединения. С самого их возникновения этим языкам недостает зародыша живого развития... и эти языки, безразлично – дикие или культурные, всегда тяжелы, спутываемы и часто особенно выделяются своим своенравно-произвольным, субъективно-странным и порочным характером» [Цит. по: Реформатский 1987].

Аффиксирующие языки, по мнению Ф. Шлегеля, занимали низшую ступень в иерархии языков мира: аффиксирующие языки возникли из эмоциональных и звукоподражательных выкриков, а народы, говорящие на них, развились из животного состояния. Такие языки не могли стать «божественными», т.е. флективными, поэтому, по мнению ученого, тип языка остается неизменным на протяжении всего времени существования языка.

Для современников Ф. Шлегеля было очевидным, что все существующие в мире языки нельзя распределить между этими двумя типами. Например, возникает вопрос по поводу статуса китайского языка, который не имеет ни внутренней флексии, ни регулярной аффиксации. Данный факт послужил поводом для уточнения предложенной ученым классификации. Так, брат Ф. Шлегеля – **Август-Вильгельм Шлегель (1767-1845)**, приняв во внимание замечания критиков, доработал типологическую классификацию своего брата и выделил три типа языков: 1) флективный; 2) аффиксирующий; 3) аморфный (китайский язык). При этом флективный тип, по мнению ученого, имеет две возможности грамматического строя: синтетическую и аналитическую.

Теория братьев Шлегелей имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Позитивным является то, что ученые выводят тип языка из его грамматического строя, а не из лексических особенностей. Вполне обоснованно выделение учеными флективных, агглютинирующих и изолирующих языков. Вместе с тем не все положения по поводу структуры языков, относящихся к данным типам, могут быть приняты безоговорочно. Во-первых, во многих флективных языках, помимо внутренней флексии, присутствует и аффиксация, которая в некоторых случаях играет более значительную роль; во-вторых, языки типа китайского нельзя называть аморфными, так как языка вне формы быть не может, но разные языки имеют разную форму. Кроме того, оценка языков братьями Шлегелями

является субъективной и ведет к несправедливой дискриминации одних языков за счет возвеличивания других.

Свою точку зрения относительно типологической характеристики языков мира высказал немецкий ученый **Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835)**. Наиболее известная лингвистическая работа ученого «О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества» является введением к описанию языка *кави* на острове Ява. Выбор языка не случаен: В. Гумбольдт хотел показать взаимную зависимость различных форм культуры и особенностей народного мировоззрения от особенностей того языка, которым пользуется нация: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1985]. Для доказательства этой идеи автор хотел сравнить европейские языки и европейскую культуру с языком и культурой населения филиппинских островов. Любой язык, по Гумбольдту, представляет собой своеобразную форму для воплощения человеческого духа, мировоззрение воплощается в языке, принимает эту форму и зависит от нее: «в каждом языке заложено самобытное мировоззрение». Таким образом, язык не просто средство материализации мышления, язык – орудие мышления, т.е. «орган, образующий мысль».

Концепция В. Гумбольдта может быть сведена к следующим исходным положениям:

- морфологическая классификация – поэтапное отражение процесса развития общечеловеческого языка, последовательность ступеней в создании «орудия образования мысли»;
- человеческое мышление становится возможным только благодаря языку;
- языки нельзя рассматривать как агрегаты слов, каждый из них является системой, по которой звук соединяется с мыслью;
- существует внешняя форма в языке (звуковые, грамматические, этимологические формы) и внутренняя форма как единая всепроникающая сила, т. е. выражение «духа народа».

Во флектирующих языках В. Гумбольдт видел не только внутреннюю флексию, но и аффиксацию, которая осуществляется иначе, чем в агглютинирующих языках. Ученый разъяснил, что китайский язык не аморфный, а изолирующий, т. е. грамматическая

форма в нем проявляется иначе, чем в языках флективных и агглютинирующих: не изменением слов, а порядком слов и интонацией, тем самым данный тип является типично аналитическим языком.

Кроме отмеченных братьями Шлегелями трех типов языков, В. Гумбольдт описал четвертый тип – *инкорпорирующий* (например, индейские языки в Америке, палеоазиатские языки в Азии). Особенность данных языков состоит в том, что предложение строится как сложное слово, т. е. неоформленные корни-слова агглютинируются в одно общее целое, где начало – подлежащее, конец – сказуемое, а в середину инкорпорируются (вставляются) дополнения со своими определениями и обстоятельствами, например, в мексиканском языке: *ninaka kwa*, где *ni* – ‘я’, *naka* – ‘ед-’ (т. е. ‘ем’), а *kwa* – объект, ‘мяс-’.

Главное преимущество классификации В. Гумбольдта в том, что она не является оценочной: ученый выражает глубокое уважение к каждому языку как неотъемлемой части человеческой культуры. По мнению ученого, каждый язык в пределах своего типа может достичь совершенства: и древнекитайский язык, и арабский и баскский представляются Гумбольдту одинаково совершенными, только в этих языках «действуют разные творческие начала». Гумбольдт восхищается красотой и совершенным устройством самых разных языков: «Китайский язык древнего стиля <...> звучит с покоряющим достоинством и, как бы отбрасывая все побочные мелочи и порываясь к чистому полету мысли, достигает благородного величия <...>. Семитские языки обладают поразительным искусством в тонком различении смысла посредством многообразных чередований гласных. Баскскому языку в структуре слова и в словосочетании присуща замечательная сила, проистекающая от краткости и смелости выражения. Язык делаварских индейцев, а также некоторые американские языки, в которых одно слово обозначает такое количество понятий, для выражения которых в других языках понадобилось бы несколько слов. Но все эти примеры показывают только, что каждый язык, оставаясь в рамках своего класса, стремится к некой идеальной форме, которая наилучшим образом соответствует духу данного языка. Идеал недостижим, язык лишь стремится к нему: по своей природе он представляет собой устремленное вперед развитие, движимое духовной силой каждого говорящего». Однако, как и Ф. Шлегель, В. Гумбольдт признает флективный тип языков

наиболее совершенным: «флективный метод предстает гениальным началом порождения верной языковой интуиции».

Попытку объединить типологическую классификацию языков мира с идеей развития языкового типа предпринял немецкий ученый **Август Шлейхер (1821–1868)**. Он пытался соотнести три типа языков мира (аморфные, агглютинирующие и фузийные) с тремя последовательными этапами развития общечеловеческого языка, предложив современникам и последователям одну из самых дискуссионных тем в языкознании – *гипотезу о стадийном развитии языков мира*.

Идейным вдохновителем А. Шлейхера был Ч. Дарвин. Будучи поклонником теории эволюции живых организмов, А. Шлейхер перенес идеи натурализма в языкознание: «Жизнь языка не отличается существенно от жизни всех других живых организмов – растений и животных. Как и эти последние, он имеет период роста от простейших структур к более сложным формам и период старения, в который языки все более и более отдаляются от достигнутой наивысшей степени развития и их формы терпят ущерб». И далее: «Жизнь языковых организмов вообще совершается по известным законам с правильными и постепенными изменениями» [Шлейхер, 1864: 14]. Язык, по мнению ученого, проходит в своем развитии три стадии, за которыми неизбежно следует деградация языка, старость и смерть.

1. Начальной стадией развития языков А. Шлейхер считает первобытный тип языка, в котором еще не развились грамматические формы, а имеются лишь нерасчлененные неизменяемые значимые звуки. Такова структура изолирующего языка (сохраняемая в китайском языке), которая в эволюционном естествознании соответствует типу одноклеточных живых организмов.

2. На 2-й стадии развития языков к неизменяемым значимым звукам присоединяются звуки, выражающие отношения. Этому агглютинирующему (присоединяющему) типу языков в биологии соответствуют растения, грибы и простейшие многоклеточные животные.

3. На 3-й, высшей, стадии развития языков произошел диалектический синтез: грамматические показатели слились с корнем; этот флективный синтетический тип, лучше всего представленный в

санскрите, соответствует в биологии высшим многоклеточным организмам.

Изолирующие (аморфные) языки А. Шлейхер считал архаическими (древнейшая форма), из них возникли агглютинирующие – переходная форма развития языков, а флективные древние языки, по мнению А. Шлейхера, представляют собой вершину языкового развития – эпоху расцвета языка. Наблюдаемый в современных европейских (романских и германских) языках распад флективного типа и появление аналитических черт грамматического строя (процесс упрощения морфологии современных европейских языков) А. Шлейхер объясняет старением некогда совершенных языков. Современный английский язык, по мнению ученого, относится к эпохе упадка и деградации языка, он наиболее близок к смерти.

Впоследствии лингвистика подвергла критике эволюционный характер этой типологии. Э. Сепир в этой связи отмечал: «Лингвист, настаивающий на том, что латинский морфологический тип знаменует наивысший уровень языкового развития, уподобляется тому зоологу, который стал бы рассматривать весь органический мир как некий гигантский заговор для выращивания скаковой лошади или джерсейской коровы. Если мы стремимся понять язык в его истинной сущности, мы должны очистить наш ум от предвзятых оценок и приучить себя взирать на языки с одинаково холодным, хотя и заинтересованным беспристрастием» [Сепир, 1993].

В истории эволюции языков не удастся проследить единого направления их грамматического развития и тем самым представить их эволюцию как движение к определенному грамматическому типу.

Несмотря на то, что стадияльные идеи А. Шлейхера были отвергнуты последующим развитием науки, именно они позволили заложить основу для разработки теории стадияльных трансформаций морфологических типов языков.

Новый подход к теории формальных языковых типов и типологической классификации языков сформировался в середине XIX в. благодаря работам немецкого филолога и философа **Хеймана Штейнталя (1823-1899)**, выдвинувшего формально-синтаксические признаки в качестве основы типологизации. Все языки ученый поделил на 2 группы:

- 1) языки с отсутствием словоизменения (*присоединяющие*);

2) языки с наличием словоизменения (*видоизменяющие*).

В каждой группе в свою очередь выделяются: а) языки с формой и б) языки без формы, при этом под формой подразумевается форма как слова, так и предложения. *Присоединяющие языки без формы* – языки Индокитая, с формой – китайский язык.

Видоизменяющие языки без формы выражают грамматические отношения посредством повтора и префиксов (*полинезийские языки*); инкорпорации (*индейские языки*); суффиксов (*тюркские, монгольские, финно-угорские языки*);

Видоизменяющие языки с формой выражают грамматические отношения с помощью: 1) прибавления элементов (египетский язык); 2) внутренней флексии (семитские языки) и 3) «истинных суффиксов» (индоевропейские языки).

Заметное место проблемы типологии занимали в русской лингвистике. Большой вклад в развитие данного научного направления внесли Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.

Так, Ф. Ф. Фортунатов на основании разработанных им критериев – строения формы слова и соотношения его морфологических частей – дополнил классификацию Гумбольдта, выделив семитские языки в особый тип – *флективно-агглютинативный*.

Важный этап в развитии типологической классификации языков мира связан с деятельностью Казанской лингвистической школы под руководством **И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845-1929)**. К плодотворным научным идеям ученого и его учеников, относится, в частности, попытка описания строения тюркских языков и сравнения их с языками индоевропейскими. Сравнивая тюркские языки с европейскими, Бодуэн де Куртенэ говорил о форме языка как об основе и генеалогических, и типологических классификаций: «для разбора строя и состава известного языка, с одной стороны, очень полезно, даже необходимо знать, к какой категории в формальном отношении принадлежит этот язык; с другой стороны, для объяснения его явлений соответственными явлениями языков родственных нужно определить, часть которой семьи и отрасли составляет этот данный язык. Подобным образом, только рассмотрение строя и состава языков дает прочное основание для их классификации» [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. В результате сравнения тюркских и индоевропейских языков были уточнены их структурные

особенности, на основании которых были выделены *агглютинативные* и *фузийные* языковые типы.

Большой вклад в развитие лингвистической типологии внес **Э. Сепир (1884-1939)**, создавший принципиально новую модель типологии, базирующуюся на комплексе общих характеристик (виды и способы выражения грамматических понятий, техника соединения морфем, степень сложности грамматических форм). В результате вместо традиционно выделявшихся 3-4 типов языков Сепиром была получена более гибкая и дробная таксономия из 21 типа языков, в которой были также учтены языки переходных типов.

В середине XX в. морфологическая классификация языков стала дополняться другими классификациями, основанными на иных критериях – фонетическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом. Так зародилась уровневая типология, или типология языковых подсистем: *фонологическая* – **Н. С. Трубецкой (1890-1938)**, *синтаксическая* – **И. И. Мещанинов (1883-1967)** и др.

Таким образом, морфологическая классификация языков постепенно трансформировалась в общеграмматическую.

Важно отметить, что в лингвистике велись оживленные споры о том, какой тип языка является более совершенным. По этому вопросу высказывались разные, часто противоположные, мнения. Многие ученые XIX в. считали флективные языки совершенными, а агглютинативные – примитивными, что обусловлено субъективным отношением лингвистов к индоевропейским (флективным) языкам как к родными и привычным, а значит – идеальным. В XX в. американский лингвист и антрополог Э. Сепир по этому поводу писал: «поборники флективных языков привыкли гордиться даже иррациональностями латинского и греческого языков <...>. Между тем трезвая логика турецкого или китайского языков оставляет их равнодушными. К великолепным иррациональностям и формальным сложностям многих «диких» языков у них сердце не лежит. Сентименталисты – народ трудный» [Сепир, 1993].

О большей степени логичности и прозрачности строения агглютинативных языков свидетельствует практика их использования. Известный типолог Н. С. Трубецкой в связи с этим отмечает: «чисто агглютинирующие языки с небольшим инвентарем экономно использованных фонем, с неизменяемыми корнями, отчетливо

выделяющимися, благодаря своему обязательному положению в начале слова, и с отчетливо присоединяемыми друг к другу всегда вполне однозначными суффиксами и окончаниями, представляют из себя технически гораздо более совершенное орудие, чем флектирующие языки с неуправляемыми корнями, постоянно меняющими свою огласовку и теряющимися среди префиксов и суффиксов».

Удобство агглютинативного устройства словоформы подтверждается тем, что при создании искусственных языков лингвисты опираются именно на агглютинативный языковой тип. Например, *эсперанто* – искусственный язык, созданный врачом-окулистом **Людвигом Заменгофом (1859-1917)**, чтобы преодолеть языковой барьер при общении с пациентами разных национальностей, Заменгоф решил создать совершенное орудие общения – интернациональный язык. Язык эсперанто почти полностью состоит из слов романских языков (в основном, латинского), но по грамматическому строю он является чисто агглютинативным. Л. Заменгоф первоначально предложил около 900 наиболее употребительных корней, из которых по четким правилам можно образовывать множество новых слов. Словообразование в эсперанто не знает исключений и производится с математической четкостью. Образование новых слов возможно от любого корня, что делает словообразовательный механизм чрезвычайно гибким и позволяет обходиться в несколько раз меньшим количеством корней, чем в любом естественном языке, например: *teatro* ‘театр’, *domo* ‘дом’, *tero* ‘земля’; *nova* ‘новый’, *teatra* ‘театральный’ и др.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Когда и в связи с чем возникла необходимость сопоставления языков? Почему в эпоху античности сопоставлению языков не уделялось должного внимания?
2. В чьих работах представлен первый научный опыт сопоставления языков?
3. Что послужило толчком к сопоставлению языков на научной основе?
4. Дайте определение понятию лингвистический компаративизм. Чем обусловлено появление данного научного направления?

5. Охарактеризуйте цели и задачи сравнительно-исторического языкознания. Каковы предпосылки его возникновения? Кто из ученых внес большой вклад в развитие данного научного направления?

6. Кто впервые поставил вопрос о типе языка? Какие факторы повлияли на возникновение лингвистической типологии?

7. Охарактеризуйте цели и задачи лингвистической типологии, критерии типологической классификации языков.

8. Кого из ученых можно считать основоположником типологической классификации языков?

9. Охарактеризуйте вклад братьев Шлегелей, В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, Х. Штейнталя в типологическую классификацию языков. Чем отличаются классификации, предложенные перечисленными выше учеными? Каковы слабые и сильные стороны данных классификаций?

10. Опишите вклад ученых XX века в последующее развитие лингвистической типологии (Э. Сепир, И. Бодуэн де Куртенэ и др.).

11. Какой из типов языков в типологической классификации, на Ваш взгляд, является более совершенным? Ответ аргументируйте. Почему в лингвистике до сих пор ведутся споры по данному вопросу? Приведите высказывания известных ученых о достоинствах и недостатках того или иного типа языка.

12. Подготовьте небольшое сообщение (5-7 мин.) о санскрите, его роли в развитии языкознания, истории возникновения, территории распространения, структурных и функциональных особенностях. Почему санскрит называют языком богов?

§4. Перевод и генетическое родство языков. Генеалогическая классификация языков

Ключевые проблемы:

- влияние фактора генетического родства языков на эффективность перевода;
- генеалогическая (генетическая) классификация языков

4.1. Влияние фактора генетического родства языков на эффективность перевода

Действия переводчика заключаются в первую очередь в выборе форм языка перевода, находящихся в отношении тождества к формам языка оригинала в аспектах выражаемого значения. Применение этих приемов основано на сходствах или параллелях (эквивалентных закономерных соответствиях), установившихся между языками в процессе их исторического развития.

Количество объективно существующих между ИЯ и ЯП эквивалентных соответствий во многом зависит от степени родства языков. Ученые определили, что наиболее частые ситуации перевода (например, по лексическим соответствиям) наблюдаются между близкородственными и родственными языками. Между тем перевод по межъязыковым параллелям возможен и между неродственными языками, хотя такие ситуации встречаются значительно реже. Так, между двумя фрагментами переводных текстов (на английском и немецком языках) и русскоязычным исходным текстом чаще всего устанавливаются отношения эквивалентности и адекватности на смысловом уровне. Более того, переводные тексты и оригинал характеризуются высокой степенью структурной и лексико-семантической близостью, которая не нарушает норму переводного языка и не противоречит его узусу и стилю. Данное обстоятельство указывает на возможность осуществлять перевод по грамматическим и лексическим параллелям, т.е. путем применения приемов субституций.

Что касается языков, характеризующихся кардинальными структурными различиями (например, русский и китайский), то количество соответствий в таких комбинация будет предельно низким.

Языки, генетически далекие друг от друга, при их сравнении позволяют констатировать лишь отдельные, весьма незначительные совпадения форм. А на нижних уровнях языковой системы – морфемном и даже лексическом – какие-либо соответствия языковых форм типологически различных языков могут вовсе отсутствовать.

4.2. Генеалогическая классификация языков

Генеалогическая классификация языков нацелена на определение степени родства между языками, выявление сходства между однородными языковыми элементами, обусловленного общим происхождением данных языков из одного языка-основы, или праязыка.

При генеалогической классификации языки делятся на языковые семьи, ветви, группы, подгруппы. Самым крупным объединением является *языковая семья (семья языков)* – совокупность родственных языков, произошедших от одного языка-предка (праязыка) и сохраняющих черты сходства тех или иных элементов (слов, корней, аффиксов). Языки разных семей отличаются друг от друга фонетическими, лексическими, грамматическими и др. особенностями. Семьи нередко объединяются в единицы более высокого уровня – *макросемьи*, однако многие из них являются научно недоказанными и/или непризнанными большинством лингвистов. Как достоверные можно рассматривать лишь гипотезы о существовании *ностратической* и *афразийской* макросемей.

Обычно в рамках языковой семьи выделяются более мелкие подразделения языков, объединенные более тесным родством, так называемые *ветви*, которые нередко называются *малыми семьями*. Внутри ветвей выделяются подмножества, объединенные еще более близким родством – *группы*, в рамках групп иногда выделяются *подгруппы*. Соотношение ветвей и групп внутри одной языковой семьи схематически изображают в виде «генеалогического древа» (см. рис.1).

Для определения типа языка в рамках генеалогической классификации, его необходимо сопоставить с другими родственными языками той же семьи и с их общим *праязыком* (известным лишь на основании реконструкций, осуществляемых при сопоставлении этих языков друг с другом) посредством сравнительно-исторического метода.

В мире насчитывается несколько десятков языковых семей, крупнейшими из которых являются: *индоевропейская, кавказская, уральская, алтайская, афразийская (семито-хамитская), тайская, нило-сахарская, нигеро-конголезская, сино-тибетская, дравидийская, мяо-яо, австроазиатская, австралийская, папуасская, индейская, палеоазиатская, австронезийская* и др.

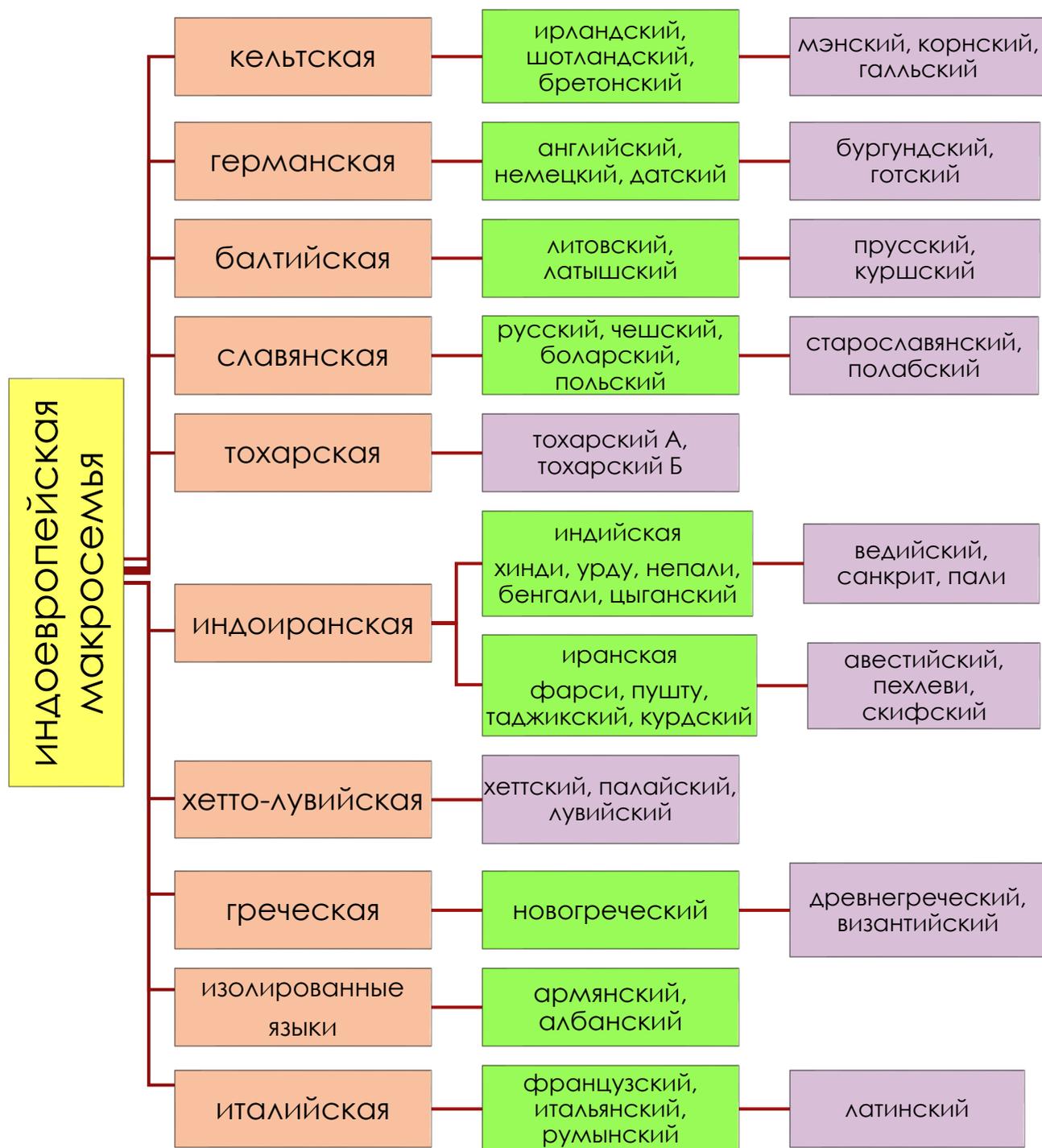

Рис. 1. Генеалогическое древо индоевропейских языков

4.2.1 Индоевропейская семья языков

Самая известная и изученная семья языков – *индоевропейская*. Ареал ее распространения – Европа, обе Америки, континентальная Австралия, а также значительная часть Африки и Азии. Более 2,5 млрд. человек (т. е. около половины всего населения Земли) говорят на индоевропейских языках. К данной семье принадлежат все языки

современной Европы, за исключением *баскского, венгерского, саамского, финского, эстонского* и *турецкого*, а также нескольких алтайских и уральских языков европейской части России (см. схему 1).

Условные обозначения (здесь и далее):

- живые языки,
- мертвые языки

Схема 1. Индоевропейская семья языков

Следует отметить, что генетическое родство между языками разных ветвей индоевропейской языковой семьи проявляется в разной степени. В частности, ученые отмечают наличие тесных связей между *индийскими* и *иранскими*, а также *славянскими* и *балтийскими* языками, что позволяет говорить о существовании промежуточных языковых ветвей – *индоиранской* и *балтославянской*. Особенно тесные связи сохраняются между *славянскими* и *балтийскими* языками, которые объединяют такие черты, как, например, наличие большого количества родственных слов, местоименных форм прилагательных, сходство грамматической категории глагольного вида и др.

4.2.1.1 Славянская группа языков

Славянские языки распространены в ряде стран Центральной и Восточной Европы и Северной Азии. Говорящие на славянских языках (около 300 млн. человек) составляют большинство населения России, Белоруссии, Украины, Македонии, Болгарии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Словакии, Чехии, Польши. Компактные группы говорящих на славянских языках есть в Казахстане, в Средней Азии и Закавказье, в Молдавии, в странах Балтии и др. европейских странах. Отдельные группы славяноязычного населения живут в США, Израиле, Канаде, Аргентине, Австралии и др.

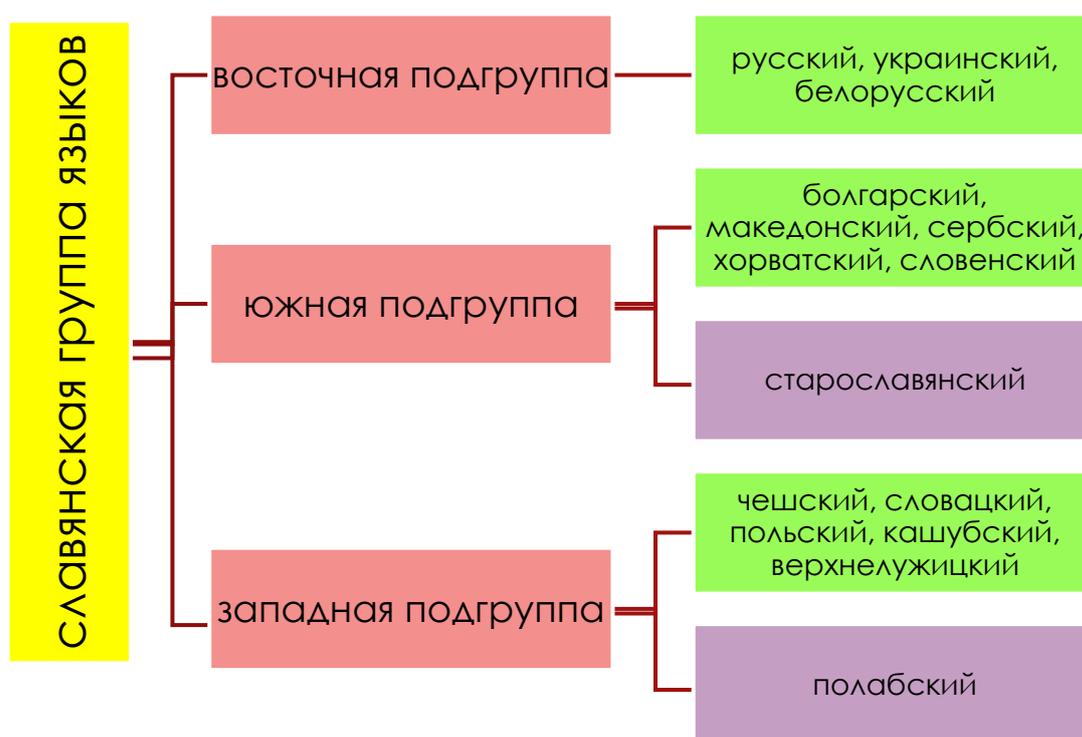

Схема 2. Классификация славянских языков

Славянские языки характеризуются следующими *особенностями*. В области фонетики – утрата праиндоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний, трансформация их в монофтонги – монофтонгизация. В системе согласных отражено первое смягчение (первая палатализация) заднеязычных *g, k, x*, выразившееся в их переходе в соответствующие шипящие *z, s, š*, что отразилось в чередовании заднеязычных с шипящими.

В области морфологии почти все славянские языки утратили двойственное число, а также окончание *s* в именительном падеже единственного числа существительных мужского рода в связи с действием в общеславянском языке закона открытого слога. Все славянские языки, кроме болгарского и македонского, имеют несколько типов склонения существительных и прилагательных, которые изменяются по шести или семи падежам, по числам и по трем родам. Наличие семи падежей (именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный или предложный и звательный) свидетельствует об архаичности славянских языков и близости их к индоевропейскому языку, в котором было предположительно восемь падежей.

Важной особенностью славянских языков является категория глагольного вида: всякий глагол относится либо к совершенному, либо к несовершенному виду и обозначает, соответственно, либо завершенное, либо длящееся или повторяющееся действие.

В лексике разных современных славянских языков сохранено большое количество слов общеславянского происхождения: *человек, место, память, погода, забава, простой, чистый, жадный, писать, читать, забыть* и др.

4.2.2.2 Балтийская группа языков

Балтийские языки наиболее близки к славянским, что позволяет говорить о *балто-славянской общности*, имеющей место в истории индоевропейских языков. Ареал распространения современных балтийских языков ограничивается восточной Прибалтикой (Литва, Латвия, северо-восточная часть Польши, частично Белоруссия).

Современные балтийские языки представлены *литовским* и *латышским* языками. Некоторые балтийские языки являются в настоящее время мертвыми: *прусский* (существовал в Восточной Пруссии

примерно до нач. XVIII в.), *ятвяжский* (существовал до нач. XVIII в. в северо-восточной части Польши, Южной Литве и граничащих с ними районах Белоруссии), *куршский* (побережье Балтийского моря на территории современной Литвы и Латвии, исчез к середине XVII в.) и др. Наиболее существенные особенности балтийских языков в области фонетики – противопоставление гласных фонем по долготе / краткости, наличие дифтонгов, тонического ударения, интонационное противопоставление фонем.

В морфологии сохраняется пять типов склонения имен существительных, в сфере глагола – многообразие типов сложных времен и наклонений, образуемых путем сочетания личных форм вспомогательного глагола с причастиями. В словарном составе преобладает исконная лексика общеиндоевропейского происхождения.

4.2.2.3 Германская группа языков

Ареал распространения германских языков – Великобритания, Германия, Австрия, Нидерланды, Швеция, часть Бельгии, часть Швейцарии, Люксембург, Дания, Норвегия, Исландия, США, Канада, ЮАР, Индия, Австралия, Новая Зеландия. Общее число говорящих – свыше 550 млн. человек. Современные германские языки включают следующие подгруппы (см. схему 3).

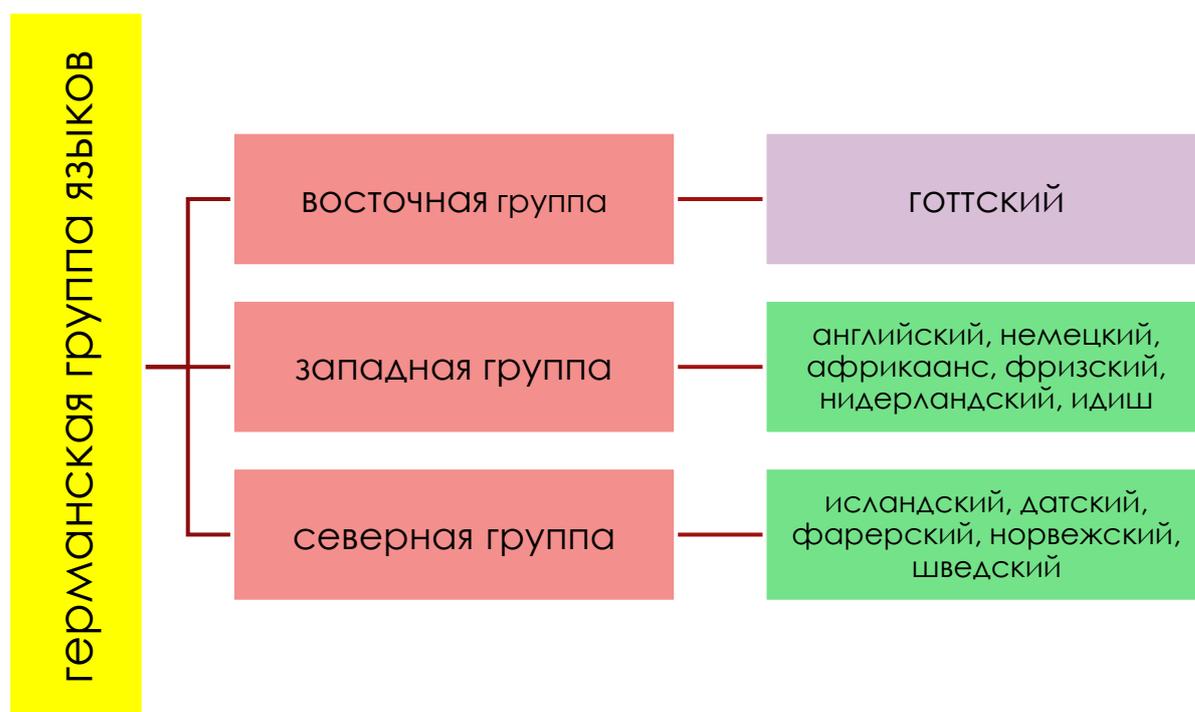

Схема 3. Германская группа языков

Германские языки имеют общие *типологические особенности*.

Важными *фонологическими* характеристиками германской группы языков являются следующие: четкое разграничение долгих и кратких гласных – германский вокализм, спирантизация глухих смычных согласных *p, t, k* общеиндоевропейского происхождения в определенных условиях, т. е. превращение их в щелевые (фрикативные); использование аблаута (чередования гласных) как фономорфологического средства, динамическое ударение на первом (корневом) слоге.

Для *грамматического строя* германских языков характерна тенденция к аналитизму, реализуемая в отдельных языках с разной степенью полноты (ср. аналитические английский и африкаанс с флективными исландским и фарерским). Наиболее четко аналитизм проявляется в именном склонении.

Категория падежа в большинстве языков представлена оппозицией общего и родительного (притяжательного) падежей. Падежные отношения при этом выражаются преимущественно порядком слов и предложными конструкциями.

Категория числа двучленная (единственное – множественное), но формально выражено только множественное число.

Трёхродовая классификация существительных (мужской, женский, средний) сохраняется в 5 из 11 германских языков. В некоторых из них представлены только два рода – общий и средний, в английском и африкаанс категории рода нет. Свойственное германским языкам наличие двух типов склонения прилагательных – сильного и слабого сохранилось в немецком и скандинавском языках, тогда как в *нидерландском языке* и *африкаансе* оно представлено в виде двух форм прилагательного.

Для структуры простого предложения характерна тенденция к фиксации порядка слов, особенно глагола – сказуемого. Инверсия наблюдается в вопросительных, побудительных и придаточных предложениях.

Более 90% всех говорящих на германских языках составляют носители западногерманских языков, прежде всего *английского*, который в последнее время претендует на роль языка международного общения.

В области морфологии английский язык отличает резкое сокращение форм словоизменения: исчезновение категорий рода и падежа в системе имени, упрощение системы личных окончаний в

спряжении, а также исчезновение местоимения 2-го лица ед. ч. и соответствующей глагольной формы и др.

В целом английский язык и язык африкаанс, как в наибольшей степени затронутые редукцией, в настоящее время являются наименее типичными представителями германских языков. Наоборот, наиболее богатой морфологией из современных германских языков обладают менее всего подвергшиеся редукции *исландский* и *фарерский*.

4.2.2.4 Итальянская группа языков

Итальянская группа (Апеннинский полуостров), объединяет языки нескольких хронологических периодов (см. схему 4).

Схема 4. Итальянская группа языков

Наиболее многочисленными в итальянской группе являются *романские языки*. Общее число говорящих – около 700 млн. человек. Распространены в Европе (Франция, Бельгия, Швейцария, Испания, Португалия, Италия, Румыния, Молдавия, Андорра, Люксембург, Монако; отдельные группы носителей романских языков проживают в Греции, Албании, Хорватии, Македонии, Сербии), в Северной, Центральной и Южной Америке, а также в ряде стран Африки и Азии, где они функционируют как официальные языки и языки культуры и образования наряду с местными языками.

Среди романских языков выделяют 5 групп (схема 5):

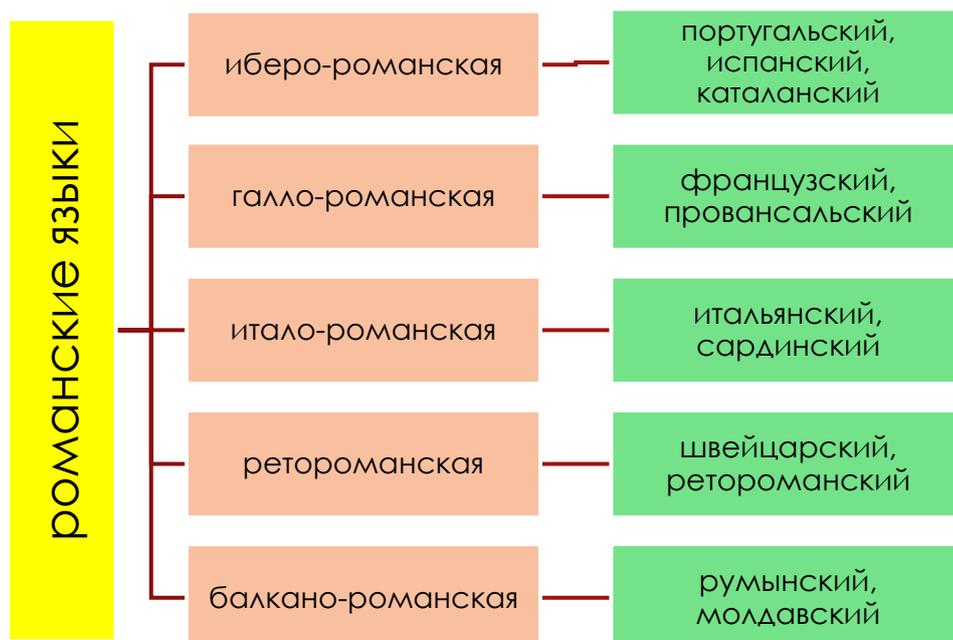

Схема 5. Романские языки

Типологические особенности. В области *фонетики* – система гласных из семи фонем (сохраняется в большинстве романских языков), наличие дифтонгов, упрощение и преобразование некоторых групп согласных, тенденция к открытости слога. В *морфологии* – широкое распространение аналитических грамматических форм, два рода имен существительных (мужской и женский), отсутствие склоняемости имен, разнообразие форм артикля, обилие временных форм глагола (различается до 16 времен); в *словообразовании* – широкое использование конверсии (перехода прилагательных в существительные), в лексике – преобладание слов, унаследованных из латыни, большое количество заимствований из германских, кельтских, древнегреческого и др. языков.

К индоевропейской семье относятся также языки, находящиеся «вне групповой классификации», т. е. не имеющие близкородственных языков: *армянский* (Армения, древнейшие памятники датируются V в. н.э.), *фригийский* (северо-западная часть Малой Азии, древние надписи относятся к VIII-III вв. до н.э.), *фракийский* (восточная часть Балкан и северо-запад Малой Азии, древнейшие надписи датируются VI-III вв. до н.э.), *венетский* (северо-восточная Италия и прилегающие к ней области Словении и Австрии (древнейшие надписи – VI-I вв. до н.э.), *албанский* (первые памятники – с XV в.).

4.2.2 Афразийская семья языков

Афразийская семья языков (*афроазиатские языки, или семито-хамитские, или хамито-семитские языки*) – распространены в северной части Африки от Атлантического побережья и Канарских островов до побережья Красного моря, а также в Западной Азии и на острове Мальта. Группы говорящих на афразийских языках (главным образом на различных диалектах арабского языка) имеются во многих странах за пределами основного ареала. Общее число говорящих – около 350 млн. человек. Афразийские языки делятся на следующие группы (см. схему 6).

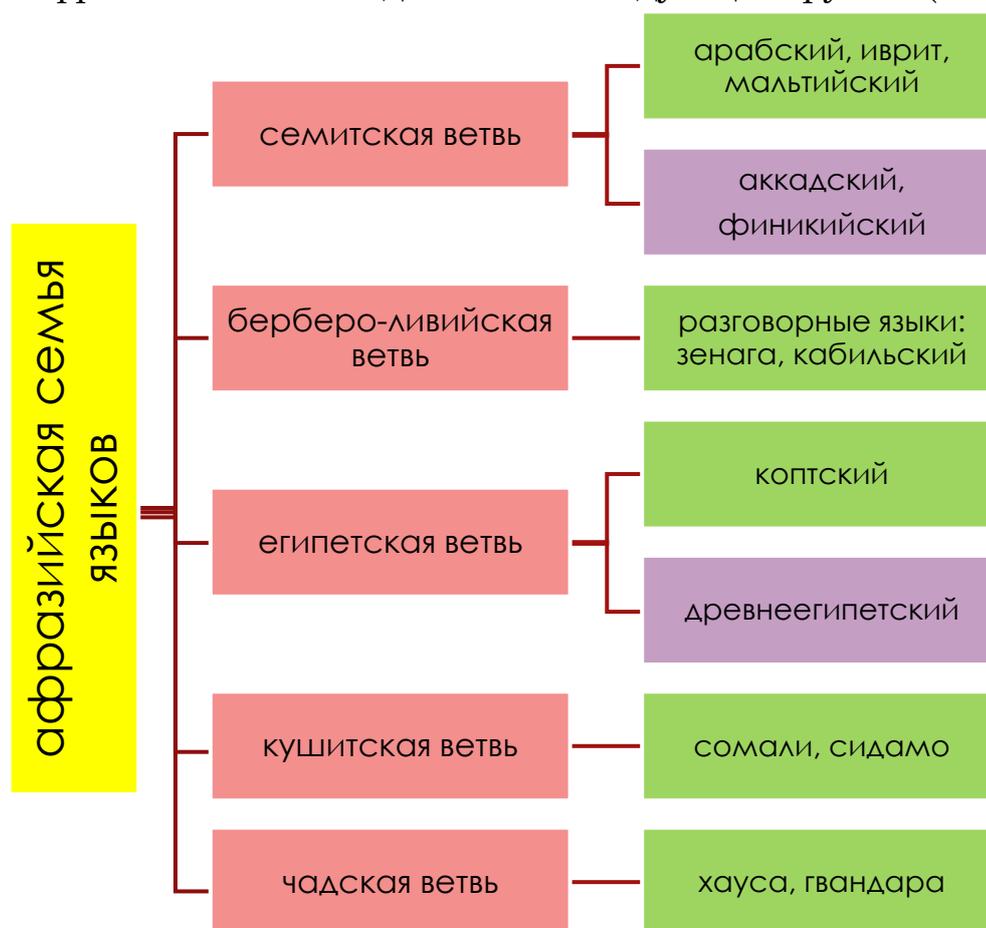

Схема 6. Афразийская семья языков

В типологическом отношении афразийские языки существенно разошлись по причине значительной хронологической глубины, отделяющей их от общеафразийского языкового состояния, а также из-за отсутствия взаимных контактов в условиях гетерогенного языкового окружения. Внутри отдельных семей более близки между собой *семитские языки*, особенно древние, и *берберские*.

Для фонологической системы афразийских языков характерно: противопоставление согласных: глухой – звонкий – эмфатический, богатая система сибилантных аффрикат и сибилантов, поствелярные согласные, в т. ч. фарингальные и ларингальные спиранты, гортанная смычка, использование в функции согласных неслоговых (y), (w).

На более позднем этапе развилось противопоставление гласных по долготе / краткости. Для глагола характерно противопоставление имперфектива и перфектива, на базе которого развивается сложная система спрягаемых видо-временных форм. Имя в афразийских языках обладает категориями числа, рода (последняя утрачена многими чадскими и кушитскими языками). Категория падежа сохранялась лишь в древних семитских языках и в древнеегипетском языке.

4.2.3 Алтайская семья языков

Алтайские языки – макросемья языков, на которых говорят народы, проживающие в западной, центральной и северной Азии, а также в Восточной Европе. На 39 алтайских языках говорят в общей сложности ок. 200 млн. человек. Макросемья включает в себя три обыкновенно выделяемых семьи: тунгусскую (9 языков, менее 200 тыс. носителей), монгольскую (8 языков, около 6 млн. носителей) и тюркскую (21 язык, около 115 млн. носителей) – см. схему 7. Некоторые ученые утверждают принадлежность к алтайской семье *корейского* и *японского* языков.

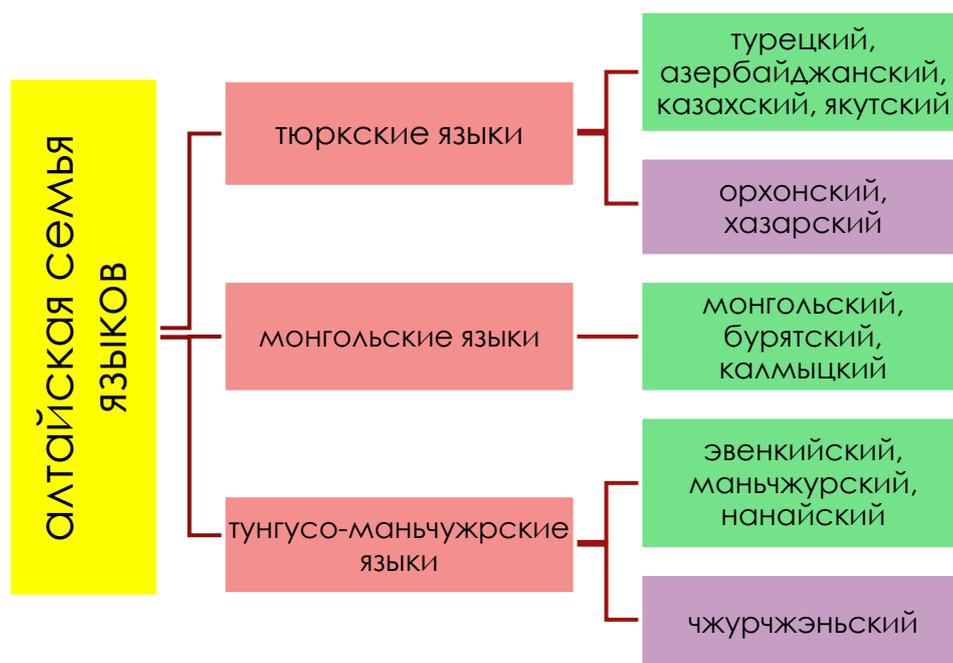

Схема 7. Алтайская семья языков

4.2.4 Уральская семья языков

Языки уральской семьи распространены на большой территории, но современные области их распространения не образуют непрерывного пространства. Существует три финно-угорских государства – Финляндия, Венгрия и Эстония. Остальные финно-угорские и самодийские народы живут на территории России. Отдельные поселения финно-угорских народов есть в Сибири, на нижней Волге и на Кавказе.

Выделяют следующие ветви и группы уральских языков (схема 8).

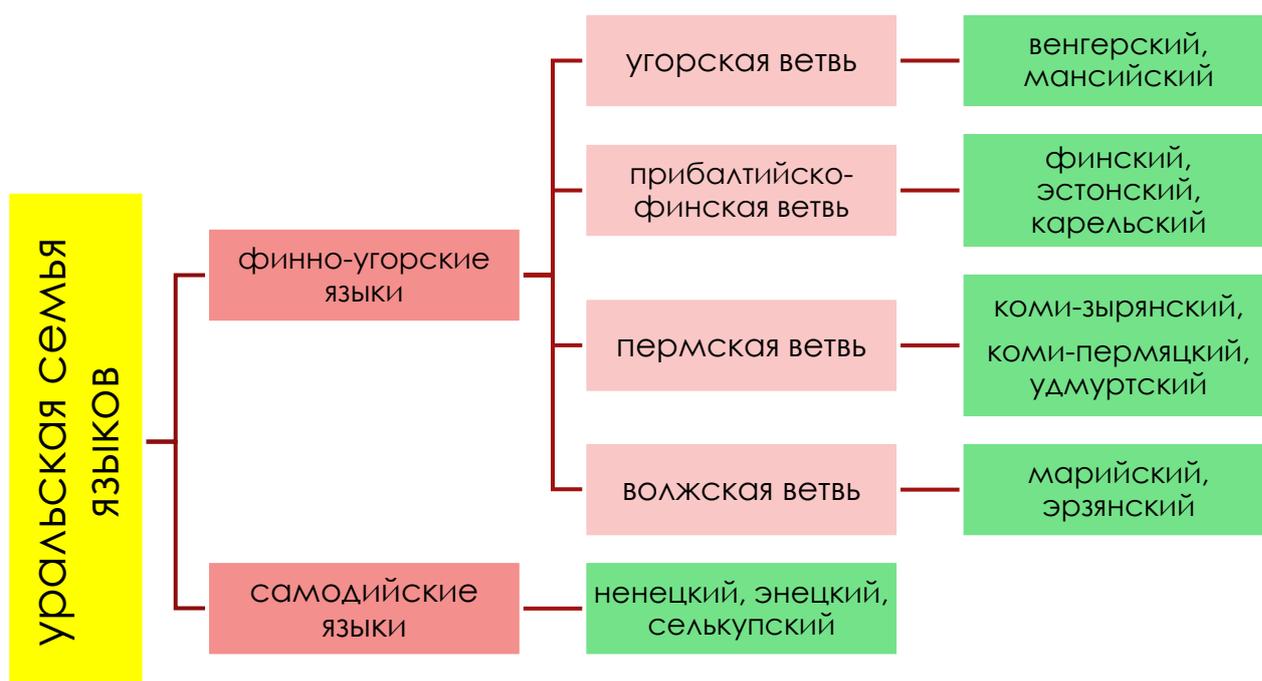

Схема 8. Уральская семья языков

В типологическом отношении уральские языки неоднородны, что объясняется рассеянностью уральских языков на большой территории, их длительной изоляцией и отчасти влиянием других народов. С ярко выраженными агглютинирующими языками (пермские, марийский) сосуществуют языки с развитыми элементами флексии (саамский, прибалтийско-финские); встречаются различные типы ударения – разноместное, фиксированное на первом, последнем или предпоследнем слоге. Есть языки, отличающиеся богатством гласных и дифтонгов (например, финский), тогда как в др. языках довольно много различных типов согласных и мало дифтонгов (например, в пермских). Общее количество падежей колеблется от 3 (хантыйский язык) до 23

(венгерский язык). Типологически различны системы прошедших времён. Система прошедших времён в финском и эстонских языках однотипна с латышским, тогда как в марийском и пермских языках она напоминает татарский и чувашский. В ненецком и мордовском языках развита система наклонений, в других – представлено главным образом условное наклонение.

4.2.5 Кавказская семья языков

Кавказская семья языков – языки автохтонного населения Кавказа, распространенные в России (Северный Кавказ), странах Закавказья, а также в диаспоре в Турции и других странах Ближнего Востока. Общее число говорящих – 10 млн. человек. Кавказские языки делятся на следующие группы (см. схему 9).

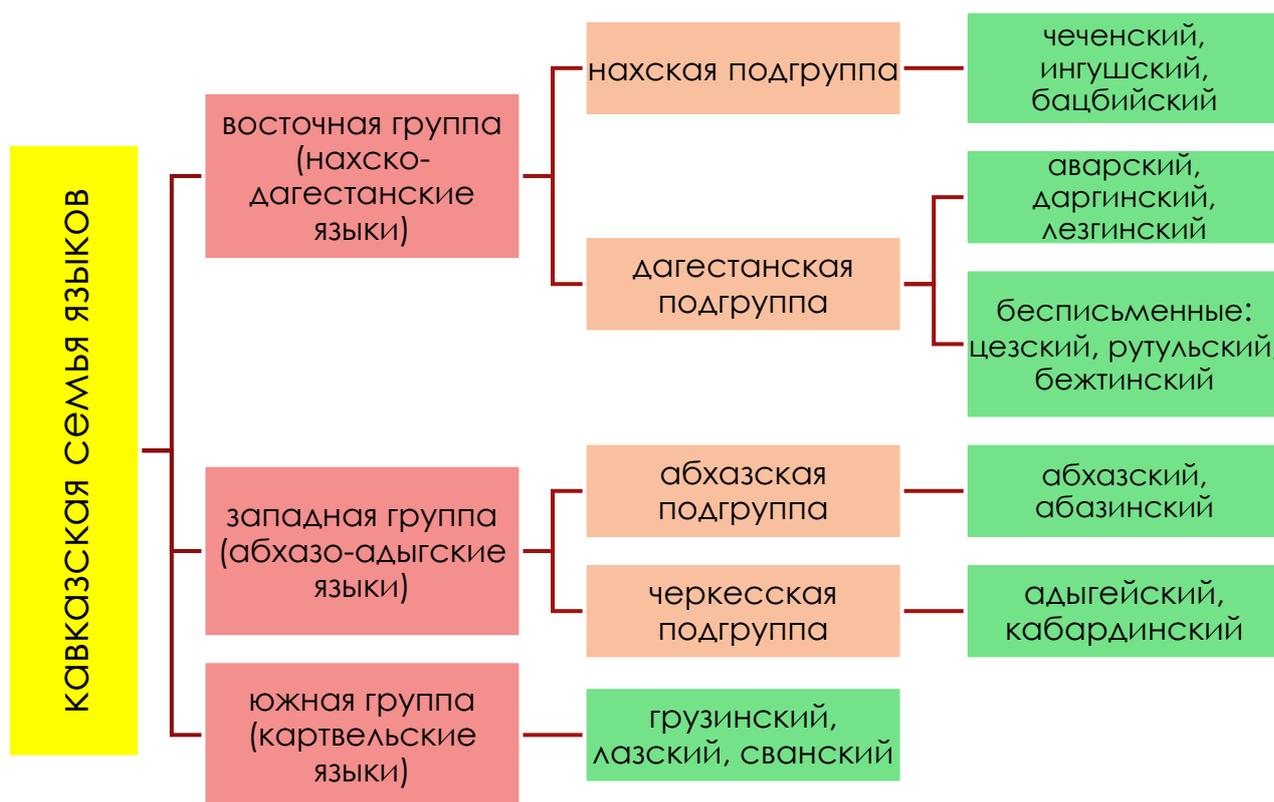

Схема 9. Кавказская семья языков

При значительных структурных различиях кавказские языки имеют ряд общих *типологических черт*: разветвлённость систем консонантизма, которые наряду со звонкими и глухими

придыхательными стандартно включают и абруптивы (взрывные согласные, образующиеся быстрым движением гортани вверх при закрытой голосовой щели, а затем расслаблении ротовой смычки), а из локальных рядов, помимо губных, зубных и заднеязычных, увулярные и ларингальные; использование преимущественно агглютинативного морфологического типа, в словоизменении и словообразовании – префиксов наряду с суффиксами (в меньшей степени это характерно для нахско-дагестанских языков); нейтральный порядок слов «подлежащее + дополнение + сказуемое» и пр.

Абхазо-адыгские и *нахско-дагестанские* языки характеризуются эргативным строем, картвельские совмещают признаки эргативной (или активной) и номинативной типологии.

Понятие «кавказские языки» следует отличать от более широкого понятия «языки Кавказа», к которым относят все языки кавказского ареала, в т. ч. индоевропейские (*армянский, осетинский, русский, талышский, татский* и др.) и тюркские (*кумыкский, ногайский, азербайджанский, карачаево-балкарский* и др.) языки.

4.2.6 Другие языковые семьи

Языки австронезийской семьи распространены в Юго-Восточной Азии, на значительной части Океании и острове Мадагаскар; одна из крупнейших как по числу языков (по некоторым подсчетам – до 800), так и по количеству говорящих (около 300 млн. человек).

Языки китайско-тибетской семьи распространены в Китае и в горах Тибета (самый известный из них – китайский язык, превосходящий по числу говорящих все другие языки мира).

Большинство населения Тропической Африки говорит на языках **нигеро-конголезской семьи** (например, народы банту, населяющие почти всю территорию Африки к югу от экватора).

Генеалогическая классификация является достаточно устойчивой (каждый язык изначально принадлежит к той или иной семье, группе языков и не может изменить характер этой принадлежности). Вместе с тем следует отметить, что родство языков достаточно условно и не всегда научно обоснованно, поэтому и в семье языки объединяются весьма произвольно. Одни лингвисты объединяют *картвельские* и *северокавказские языки* в единую «кавказскую семью». Другие – не

признают даже единства северокавказской семьи, считая *абхазо-адыгские* и *нахско-дагестанские языки* Северного Кавказа самостоятельными семьями. Среди ученых нет единого мнения по поводу классификации языков в рамках сино-тибетской семьи.

Языки «мяо-яо» в одних научных работах относятся к австроазиатской семье, в других – к сино-тибетской семье, в третьих – рассматриваются как самостоятельная семья и т.д.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Определите цели и задачи генеалогической классификации языков.

2. Какие объединения выделяются в данной классификации?

3. Дайте определение следующим понятиям: языковое родство, праязык (язык-основа), сравнительно-исторический метод, семья, ветвь (группа).

4. Назовите самые крупные языковые семьи и территории их распространения.

5. Назовите ветви (группы) индоевропейской семьи.

6. На какие подгруппы делятся германские и славянские языки? Охарактеризуйте особенности языков, входящих в данные языковые группы.

7. Подготовьте сообщение (презентацию) о языках, входящих в кавказскую, уральскую, алтайскую, австронезийскую, китайско-тибетскую, нигеро-конголезскую семьи.

§5. Типологическая классификация языков

Ключевые проблемы:

- лингвистическая типология как самостоятельное научное направление;
- морфологические типы языков:
 - изолирующие, или аморфные языки;
 - агглютинативные языки;
 - флективные языки;
 - полисинтетические языки;
 - количественные методы в определении степени аналитизма-синтетизма языков.

5.1. Лингвистическая типология как самостоятельное научное направление

Теория перевода и контрастивная лингвистика имеют дело с языками различной типологической принадлежности. Поэтому знание и изучение типов языка имеет особое значение как для контрастивных исследований, так и для перевода. Определение типологических характеристик языков, участвующих в переводческом процессе, способствует оптимизации поиска межъязыковых соответствий и эквивалентов, помогает переводчику в выборе правильной общей стратегии, а впоследствии и модели переводческой деятельности.

Исследованием структурных сходств и различий между языками независимо от общности их происхождения или ареала распространения занимается **лингвистическая типология**.

Лингвистическая типология противопоставляется сравнительно-историческому языкознанию, изучающему эволюцию родственных языков, а также ареальной лингвистике, изучающей закономерности взаимодействия языков, контактирующих друг с другом.

Целью типологии, как и общей теории языка, является выяснение универсальных принципов устройства человеческого языка. Однако, в отличие от многих традиционных форм языкознания, свои выводы типология делает на основании изучения межъязыкового варьирования и наблюдаемых ограничений на возможности этого варьирования. Типологическому изучению подлежат явления всех уровней языковой

структуры, что дает основания говорить о фонологической, лексической, морфологической, синтаксической, типологии и др.

5.2. Морфологические типы языков

Результатом типологических исследований является типологическая классификация языков, целью которой послужило установление сходства и различия языков на основании данных морфологии независимо от генетической или пространственной близости с учетом исключительно свойств языковой структуры. Типологическая классификация языков стремится охватить материал всех языков мира, отразить их сходства и различия и при этом выявить возможные языковые типы и специфику каждого языка или группы типологически сходных языков. Современная типологическая классификация языков опирается на данные не только морфологии, но и фонологии, синтаксиса, семантики. Основанием для включения языка в типологическую классификацию является тип языка, под которым традиционно понимается «устойчивая совокупность ведущих признаков языка, находящихся между собой в определенных связях, причем наличие или отсутствие какого-нибудь общего признака обуславливает наличие или отсутствие другого признака или других признаков.

Согласно данной классификации все языки мира подразделяются на 4 основных типа: *изолирующий*, или *аморфный*; *агглютинативный* (этот термин в настоящее время, более принят, чем агглютинирующий), *флективный* и *полисинтетический* (этот термин в настоящее время более принят, чем инкорпорирующий).

Флективные языки в свою очередь подразделяются на *флективно-синтетические* и *флективно-аналитические*.

5.2.1 Изолирующий, или аморфный (т. е. «бесформенный»), тип характеризуется неизменяемостью слов и тем, что отношения между словами выражаются лишь порядком их в предложении. Понятия «изолирующий» и «аморфный» совпадают только частично. Изолирующие языки названы так потому, что формы самих слов не указывают на отношения между словами в предложении, все слова (по своей форме) не зависят друг от друга, они как бы «изолированы» друг от друга в предложении. Но сами слова – в одних языках могут

состоять только из корня, в других же языках могут иметь словообразовательные аффиксы. На этом основании ученые разграничивают *корнеизолирующие* и *основоизолирующие* языки. Термин *аморфный* в строгом смысле слова может быть отнесен лишь к так называемым *корнеизолирующим* языкам, поскольку они в полном смысле лишены формы слова, в них нет не только форм словоизменения, но и форм словообразования, предложение же представляет собой последовательность неизменяемых корней, границы которых совпадают с границами слов. Новые понятия в этих языках могут быть выражены лишь сочетанием уже имеющихся корней. Для связи слов в предложении, помимо порядка слов, могут быть использованы также слова-корни, теряющие в соответствующем контексте свое основное значение и приобретающие значение служебного слова – предлога или союза. Частей речи в этих языках нет. Слова, обозначающие предметы, свойства, действия и т. д., друг от друга по структуре ничем не отличаются (поскольку выражаются неизменяемыми корнями) и даже одно и то же слово иногда в зависимости от контекста может обозначать и предмет, и свойство, и действие.

В мире нет ни одного языка, который полностью бы удовлетворял описанным выше признакам аморфности. Но есть языки, достаточно близкие к аморфному типу. К ним относятся, например, *китайский язык* (собственно древнекитайский язык классической литературы, так как современный китайский дальше отстоит от этого состояния, хотя и в нем можно найти элементы, близкие к аморфному типу), едва ли не в большей степени *вьетнамский язык* в Индо-Китае, некоторые языки коренного населения Западной Африки.

Иллюстрацией «аморфности» может служить следующее китайское предложение: *ча во бу хэ*. Это предложение состоит из четырех слов, каждое из которых является корнем в чистом виде, без каких-либо дополнительных элементов. На русский язык оно переводится ‘чая я не пью’, но буквально его следовало бы перевести ‘чай я нет пить’, так как *ча* обозначает просто ‘чай’ и отношение к другим словам в нем никак не выражено, *во* обозначает ‘я’, *бу* соответствует по значению не только нашей отрицательной частице *не*, но и самостоятельному отрицанию ‘нет’, *хэ* обозначает ‘пить’ без формального указания на лицо или время.

В китайском языке одно и то же слово может обозначать (как это бывает, согласно сказанному выше, в аморфных языках) и действие, и предмет. Так, например, слово *мо* в зависимости от контекста обозначает и 'молоть' (действие), и 'жернов' (т. е. предмет, при помощи которого это действие осуществляется). Широко развито выражение новых понятий посредством сочетания корней. Ср., например, *шуй-фу* 'водонос' от *шуй* 'вода' + *фу* 'нести'. Но в китайском языке далеко не все предложения строятся таким образом и далеко не все слова представляют собой чистые корни. Многие некогда самостоятельные слова утратили свое основное лексическое значение и стали так называемыми «пустыми» словами (этот термин употребляет китайская грамматика) и используются либо как словообразовательные суффиксы, либо как формальные показатели отношений между словами, соответствуя по значению нашим падежным окончаниям или суффиксам, указывающим на время глагола и т. п.

Так, например, *ды*, присоединяясь к различным словам, обозначает принадлежность, место и др. Ср. *во* 'я', *во-ды* 'мой' (т. е. 'принадлежащий мне'), *гун-жэнь* 'рабочий' (*жэнь* 'человек'), *гун-жэнь-ды* 'принадлежащий рабочему', *лай* 'приходить', *лай-ды* 'тот (человек), который приходит' и 'то (место), куда приходят', например: *лай-дыжэнь* 'приходящий человек', *лай-дыдифан* 'место, куда приходят'. Если настоящее время обозначается чистым названием соответствующего действия, то прошедшее время передается особой частицей – *ла*. Ср. *во* 'я', *шо* 'говорить', *вошо-ла* 'я говорил', 'я сказал'.

Существуют, как уже отмечалось выше, языки изолирующие, но не аморфные, в которых имеются формы словообразования, но нет форм словоизменения, отношения же между словами в предложении выражаются, как и в китайском, посредством порядка слов и служебных слов. К таким языкам относится, например, *малайский*, а также другие языки малайско-полинезийской семьи. Ср., например, малайск. *гоемаһ* 'дом', *бероемаһ* 'жить, проживать' (приставка *бе-* служит для образования слов со значением действия или состояния от слов со значением предмета); *сажаададигоемаһ* 'я (есть) дома' (букв. 'в доме' – предлог *ди* обозначает 'место'); *сажабероемаһдикота* 'я живу в городе'.

5.2.2 Агглютинативный тип

Агглютинативные языки характеризуются наличием четкой границы между морфемами в слове, меньшей степенью их спаянности, несмотря на возможность в некоторых случаях ассимилятивных процессов. Такое соединение морфем в языкознании принято называть агглютинацией, т. е. «склеиванием». Агглютинация возможна не только в агглютинативных языках, но в последних она является основным способом сочетания морфем в слове.

Большая самостоятельность отдельных морфем в слове проявляется в следующем:

1) все морфемы, как корневые, так и аффиксальные, выступают (если не считать изменений, обусловленных чисто фонетическими условиями), в одном и том же виде, т. е. в агглютинативных языках нет внутренней флексии, или чередования гласных и согласных фонем. Морфемы могут подвергаться изменениям, но эти изменения зависят лишь от фонетических условий. Так, в некоторых агглютинативных языках (например, в *тюркских*, а также в отдельных *угро-финских*) наблюдается *сингармонизм* – принцип единообразного вокалического оформления слова, суть которого заключается в том, что в слове употребляются только гласные звуки сходной артикуляционно-акустической характеристики – по ряду, подъему, реже – лабиализации. Выбор гласных звуков в слове определяется, как правило, по первому гласному корню. Например, если в венгерском языке в корне – гласный переднего ряда, то и все последующие аффиксы также будут содержать гласный переднего ряда. И наоборот, если в корне гласный непереднего ряда, аффиксы, соответственно, также будут содержать гласный непереднего ряда. Например, башк. *бала* ‘ребенок’+*лар* (окончание мн. ч.) = *балалар* ‘дети’. В данной форме все гласные – заднего ряда. Но для образования формы множественного числа от слова *кеше* ‘человек’ необходимо использовать окончание *-лэр* (а не *-лар*) – *кешелэр* ‘люди’.

В венгерском языке суффикс множественного числа представлен следующими вариантами: *-ek /-ok*. В зависимости от гласного корня, выбирается необходимая огласовка аффикса: *az város* ‘тот город’ – *azok városok* ‘те города’, но *ezekek városok* ‘эти города’. Или, например, в казахском языке: *жазу-шы-лар-ымыз-да* ‘у наших писателей’ – в слове

только гласные непереднего ряда, а в словоформе *тіл-ші-лер-іміз-ден* ‘от наших корреспондентов’ – только гласные переднего ряда и т.п.;

2) аффиксы в агглютинативных языках могут примыкать к корню с различных сторон, т. е. выступать в форме как суффиксов, так и префиксов, но в каждом конкретном языке наблюдается явное преобладание или исключительное использование чего-то одного. Так, например, в *тюркских* и *угро-финских языках* используются исключительно суффиксы, тогда как в языках *банту* (Южная Африка), преобладают префиксы (суффиксы встречаются, но достаточно редко), например, в казахском языке слово чаще всего начинается с корня:

<i>күн</i> – ‘день’, ‘солнце’,	<i>дәрі</i> - ‘лекарство’
<i>күнбағар</i> – ‘подсолнух’,	<i>дәрігер</i> - ‘врач’
<i>күнде</i> – ‘весь день’,	<i>дәріхана</i> – ‘аптека’ и др.
<i>күнделік</i> – ‘дневник’,	<i>дәм</i> – ‘вкус’
<i>күндіз</i> – ‘днем’,	<i>дәмді</i> - ‘вкусно’
<i>күніге</i> – ‘каждый день’,	<i>дәмхана</i> – ‘закусочная’ и др.;
<i>күнтізбе</i> – ‘календарь’	

3) аффиксы следуют в четко фиксированной последовательности (аффикс деятеля – аффикс числа – аффикс притяжательности – падежное (или личное) окончание), например, в казахском языке:

жазу ‘письмо’;
жазу-шы ‘писатель’ (суффикс деятеля);
жазу-шы-лар ‘писатели’ (суффикс множественного числа);
жазу-шы-лар-ымыз ‘наши писатели’ (притяжательный суффикс),
жазу-шы-лар-ымыз-да ‘у наших писателей’ (суффикс падежа);

4) аффиксы, выражающие различные грамматические значения, в агглютинативных языках однозначны, т. е., с одной стороны, каждый аффикс выражает одновременно лишь одно грамматическое значение, с другой стороны, каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом, в составе какого бы слова он ни выступал. Так, в татарском языке в форме *кул* ‘рука’ значения им. п. и ед. ч. выражаются нулевым аффиксом, а в форме *кул-лар* ‘руки’ аффикс *-лар* выражает только мн. ч.; в турецком языке: *ev* – существительное со значением ‘дом’, *ler* – суффикс-показатель мн. ч., *im* – суффикс со значением принадлежности (1-е лицо ед. ч.), *de* – суффикс, передающий

местный падеж. В результате образуется четырехморфемная структура *evlerimde* ‘в моих домах’. В силу того, что в агглютинативных языках каждый аффикс выражает лишь одно значение, аффиксы располагаются по одну сторону от корня и наслаиваются друг на друга, образуя достаточно длинные слова. Иллюстрацией данного факта может служить глагольная форма из языка суахили (банту) *wa-ta-si-po-ku-ja* ‘если они не придут’ (отрицательное будущее условное, 3 л. мн. ч.). В данной форме корень глагола ‘приходить’ представлен последним слогом *-ja*. Остальные слоги являются префиксами, которые означают: *wa-* – 3 л. мн. ч. (только если действующее лицо – люди), *-ta-* – будущее время (не в условном значении), *-si-* – отрицание, *-po-* – условность, *-ku-* – показатель частеречной принадлежности слова (глагол);

5) в некоторых агглютинативных языках, несмотря на наличие форм словоизменения, части речи не разграничиваются, например, в *ненецком языке* одно и то же слово может и склоняться (как имя), и спрягаться (как глагол).

Агглютинативными являются *тюркские*, некоторые *финно-угорские*, *монгольские*, *тунгусо-маньчжурские*, *корейский*, *японский*, *грузинский*, *баскский*, *абхазо-адыгские*, *нахско-дагестанские*, *дравидийские*, часть *индейских* и некоторые *африканские* языки. К агглютинативным языкам относился также и *шумерский язык* (язык древних шумеров).

5.2.3 Флективный тип

Флективные языки имеют следующие особенности:

1) морфемы во флективных языках спаяны в слове теснее, чем в агглютинативных, что выражается в фонетически более тесном сочетании морфем, на стыке которых осуществляются различные фонетические процессы:

а) слияние морфем, которое меняет облик слова и существенно усложняет разбор слова по составу. Например, *детский* [д'ецк'ий] – на стыке корня *дет-* и суффикса *-ск-* наблюдается *фузия* (от лат. *fusio* ‘разлитие’ – термин Э. Сепира) – сплав *t* и *s* в аффрикату *ц*;

б) опрощение (термин И. Бодуэна де Куртенэ) – изменение в морфологическом строении слова, в результате которого производная основа, ранее распадавшаяся на отдельные морфемы, превращается благодаря тесной спайке морфем (корня с аффиксами) в непродуванную,

морфологически нечленимую, например, *об-ман* (от *манить*), *корица* (от *кора*) и т. п.;

в) переразложение основ – изменение морфологического состава слова в ходе исторического развития языка, перемещение границ между морфемами: изначально в слове *охот-н-ик* (тот, кто *охот-н-о* делает что-то: *Я не охотник до танцев*) выделяли 2 суффикса, однако с течением времени произошло опрощение и переразложение: в слове *охотник* стали выделять продуктивный суффикс *-ник*;

2) возможностью изменения звукового (точнее – фонемного) состава морфем, не зависящего от фонетических условий и служащего для образования новых слов и различных форм данного слова, т. е. так называемой внутренней флексией – чередованием гласных или согласных, имеющих грамматическое значение. Например, русск. *избегать* (несовершенный вид) – *избежать* (совершенный вид) – корень представлен алломорфами *бег / беж*, образованных в результате чередования согласных *г-ж*; *тереть* – *вытирать* (*тир-тер*); англ. *foot* ‘нога’ – *feet* ‘ноги’ (чередование гласных в корне слова);

3) в составе слова флективных языков могут встречаться гласные разной фонетической характеристики: верхнего и нижнего подъема (*тина, ракушки* и др.), переднего и непреднего ряда (*корабли* и др.), лабиализованные и нелабиализованные (*труба, ледокол* и др.). Основным просодическим средством, которое объединяет, «цементирует» индоевропейское слово, является ударение;

4) во флективных языках каждый аффикс может быть носителем одновременно нескольких значений. Например, в русском языке в словоформе *рука* окончание *-а* выражает одновременно падеж (им.), число (ед.), род (ж.) в словоформе *пиш-у* окончание *-у* является показателем 1-го лица ед. числа наст. времени и т.д. С другой стороны, одно и то же грамматическое значение в различных словах может быть выражено по-разному, различными языковыми средствами (различными аффиксами, чередованием фонем и др.). Например, в русском языке значение предложного падежа единственного числа существительного можно выразить с помощью разных флексий: *в деревн-е – у матер-и*; родительный падеж может выражаться при помощи флексий: *-ы (воды), -а (слона), -и (пути)*, в зависимости от типа склонения;

5) слово не всегда начинается с корня, часто употребляются приставки. Например, в русском языке: *книга – книжный, рука – ручной, сон – сна, ток – затекать, брать – беру – собирать – собор.*

К флективным языкам относятся большинство *афразийских, индоевропейских языков* (среди последних исключение составляют *английский, французский, отчасти болгарский*). Флективные языки в свою очередь делятся на *синтетические* и *аналитические*.

В *синтетических* («объединяющих») языках грамматические значения выражаются в пределах самого слова (аффиксация, внутренняя флексия, ударение, супплетивизм), то есть формами самих слов. Эти языки характеризуются наличием падежей, которые служат для выражения отношений между словами в предложении).

Для выражения отношений между словами в предложении могут быть использованы также элементы аналитического строя (служебные слова, порядок знаменательных слов, интонация).

К синтетическим языкам принадлежат все *славянские языки* (кроме болгарского), *санскрит, древнегреческий, латынь, литовский, якутский, немецкий, арабский, суахили* и мн. др.

В *аналитических* «разъединяющих» языках отношения между словами в предложении (точнее в словосочетании) выражаются с помощью служебных слов (предлогов) и порядка слов. Аналитические способы в этих языках преобладают, однако в той или иной мере используются и синтетические грамматические средства.

К языкам с ярко выраженной тенденцией к аналитизму традиционно относятся: *африкаанс, английский, голландский, новоперсидский, македонский, болгарский языки*, все романские языки, включая *французский* и др.

5.2.4 Полисинтетический, или инкорпорирующий тип

Термин *полисинтетический* происходит от греч. ‘соединение’, ‘объединение’. Особенностью этого типа является то, что различные объекты действия (прямой, косвенный) и обстоятельства, в которых действие совершается (пространственные, временные, причинные и пр.), выражаются не особыми членами предложения (дополнениями, обстоятельствами), как, например, в русском языке, а различными

аффиксами, входящими в состав глагольной формы, выражающей сказуемое.

Иногда в состав глагольного сказуемого включается и подлежащее. Так, на языке *чинук* (североамериканский индейский язык в штате Орегон) русскому предложению *Я пришел, чтобы отдать ей это* соответствует одно слово *i-n-i-a-l-u-d-am*, где корень глагола 'давать' представлен лишь одним согласным *d*, префикс *i* (в начале) выражает только что прошедшее время, *-ag-* обозначает 1-е л. ед. ч., второе *-i* – местоименный объект 'это', *-a-* – второй местоименный объект – 'ее' (в языке *чинук* различается грамматический род), *l* – аффикс, указывающий на то, что предшествующий местоименный объект является не прямым, а косвенным (т. е. не 'ее', а 'ей'), *-u-* – указывает на то, что действие направлено от говорящего, который что-то отдает, а не берет), суффикс *-am* выражает значение «движение с определенной целью». В данном примере в состав глагольной формы включаются лишь местоименные объекты. Но в некоторых полисинтетических языках в состав глагольной формы включаются и существительные, которые в данном случае подвергаются усечению (сокращению). Ср., например, в *чукотском языке* – *т-ы-кда-нмы-ркын* 'я убиваю оленя', где *нмы* – корень глагола 'убивать', *-ркын* – суффикс настоящего времени, *-т-* – префикс 1 л. ед. ч., *-кда-* – усеченная форма существительного *к,оран(г)ы* 'олень', а *-ы* – фонетически развивающийся тематический гласный, соединяющий различные значимые части слова.

Морфологическая классификация (как и любая другая) не является исчерпывающей и не охватывает все языковое многообразие мира. Многие языки объединяют в себе признаки, характерные для различных типов, поэтому отнесение языка к тому или иному типу осуществляется на основании доминирующих признаков.

5.2.5 Количественные методы в определении степени аналитизма-синтетизма языков

Обращение типологов к количественным методам было связано с непреодолимыми трудностями в классификации языков. В частности, оказалось, что изолирующие языки – это не «сверханалитические» языки: здесь может быть достаточно высок удельный вес синтетических

явлений, инкорпорация (полисинтетизм) может сочетаться с сильными аналитическими чертами в строении языка.

Еще В. Гумбольдт писал, что языковые типы – это своего рода мысленная абстракция; не существует «чисто» аналитических или «чисто» синтетических языков. В реальности отнесение некоторого языка к тому или иному типу языков означает лишь преобладание в нем способов выражения грамматических значений, соответствующих данному типу.

К идее измерения типологических свойств языков был очень близок Сепир. В своей классической книге «Язык» (1921) он постоянно стремится обозначить разную степень представленности тех или иных явлений: одни языки он характеризует как *слегка синтетический тип*, другие – как *слабо агглютинативные языки*, третьи – *чуть символический, сильно символический тип* (термин *символический* у него означает ‘использующий внутреннюю флексию’); некоторые языки он помещал в скобки для указания на «слабое развитие» данного явления [Сепир, 1993: 134].

Один из ведущих современных типологов Джозеф Гринберг предложил методику количественной оценки ряда типологически значимых черт морфемно-грамматического уклада языков.

В частности, считая вслед за Сепиром, что синтетичность языка зависит от степени морфемной сложности слова, Дж. Гринберг вычислял для разных языков коэффициент синтетичности путем отнесения общего количества морфов (в одинаковом тексте на этих языках) к общему количеству слов в этом тексте. Например, если некоторый язык не использует аффиксов и не прибегает к словосложению, то в тексте длиной в 100 слов окажется 100 морфов и, следовательно, индекс синтетичности такого языка будет равен 1.

Таким образом, 1 – минимальный индекс синтетичности и одновременно – показатель максимальной аналитичности языка. Если в языке каждое слово имеет в среднем хотя бы 1 аффикс, то на 100 слов в таком языке приходится 200 морфов (100 корневых и 100 аффиксальных) и, значит, его индекс синтетичности равен 2.

Индексы синтетичности от 1 до 2 были получены для языков, которые традиционно считали аналитическими языками; от 2 до 3 – для синтетических языков; выше 3 – для инкорпорирующих языков (их стали называть полисинтетическими).

В таблице приведены индексы синтетичности для санскрита (язык, самый близкий к индоевропейскому праязыку), трех языков индоевропейской семьи (причем для английского – с учетом его двух исторических периодов), для якутского языка (тюркская семья), одного из африканских языков (семья банту), для вьетнамского языка (изолирующий язык с предельно низким индексом синтетичности) и для полисинтетического эскимосского языка [Гринберг, 1963: 91].

Таблица 1. Индексы синтетичности для 9 языков

№	Языки	Индекс
1.	Санскрит	2,59
2.	Англо-саксонский	2,12
3.	Английский	1,68
4.	Немецкий	1,97
5.	Русский	2,39
6.	Якутский	2,17
7.	Суахили	2,55
8.	Вьетнамский	1,06
9.	Эскимосский	3,72

Языки с величиной индекса ниже 2 (помимо вьетнамского и английского, китайский, персидский, итальянский, немецкий, датский и др.) называют аналитическими, с величиной индекса от 2 до 3 (помимо русского и санскрита, древнегреческий, латынь, литовский, старославянский, чешский, польский, якутский, суахили и др.) – синтетическими и с величиной индекса выше 3 (помимо эскимосских, некоторые другие палеоазиатские, америндейские, некоторые кавказские языки) – полисинтетическими.

Помимо разработки общей классификационной типологии, ученые обратились к исследованию типологии отдельных подсистем и категорий языка, в результате чего возникла *уровневая типология*, или *типология языковых систем*.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. На каких критериях основана типологическая классификация языков? Каковы ее цели и задачи?

2. Какие языки охватывает типологическая классификация?
3. Дайте определение понятию «языковой тип». Какие языковые типы выделяются в рамках типологической классификации. Охарактеризуйте каждый из них. Приведите примеры языков, относящихся к тому или иному типу.
4. Дайте определение понятиям «агглютинация» и «фузия», «внутренняя флексия», «сингармонизм». Приведите примеры.
5. Какие языки называются синтетическими, аналитическими?
6. Опишите методику количественной оценки типологических черт языков Дж. Гринберга.
7. Определите, к какому типологическому классу относятся *русский, немецкий, английский, французский, китайский языки*.

§6. Фонологическая типология

Ключевые проблемы:

- языки фонемного и слогового строя;
- сегментный уровень языка: вокалические и консонантные языки;
- суперсегментный (просодический) уровень языка: тонические и атональные языки;
- интонационно-ритмическое своеобразие языков.

6.1. Языки фонемного и слогового строя

Типологическое изучение фонологического яруса языка активно развивалось в XX в. в рамках работы Пражского лингвистического кружка. Благодаря достижениям работы структурной фонологии (прежде всего работам Н. С. Трубецкого), типологические исследования звуковой организации языков развивались быстро и успешно. В силу относительной простоты организации звукового уровня (в сравнении с морфологией, синтаксисом или тем более лексикой), в типологической фонологии есть классификации фонологических систем (а не только их типологические характеристики).

Для фонологической типологии самый существенный признак – *характер основной фонологической единицы языка* (фонема, слог, ударение и т.д.). Основной единицей фонологического уровня является *фонема*. В функциональном плане фонема имеет большое значение: она служит строительным материалом для единиц других уровней – морфем и слов, создавая таким образом материальную сторону языка. Во-вторых, фонемы позволяют четко отличать одни слова от других (например, *стол – стул*; англ. *to make* ‘делать’ от *to take* ‘брать’). Эта функция фонемы, которая способствует акту общения и передачи информации, называется *различительной*, или *дистинктивной*. В зависимости от окружения и положения по отношению к ударению одна и та же фонема может реализоваться в различных вариантах. Так, русская фонема /o/ в сильной позиции (т.е. под ударением) реализуется как /o/, в первом предударном слоге как /[^]/ и во втором предударном слоге как /ъ/; ср. *молоко*; английская фонема /t/ утрачивает аспирацию перед последующим согласным и т.д. Образующиеся при этом аллофоны, или варианты данной фонемы, также составляют

часть фонологического уровня языка. Находясь в составе морфем или слов и образуя при этом устойчивую последовательность, фонемы объединяются в слоги, которые можно рассматривать как естественные единицы сегментации (деления) речевого потока. Наряду с фонемами и их аллофонами (вариантами), которые получили название сегментных единиц по их способности употребляться в отдельных отрезках цепи, к фонологическому уровню относятся также сверхсегментные или суперсегментные единицы, под которыми обычно понимают *ударение* и *интонацию*.

Итак, фонологический уровень языка состоит из *фонем* и их *аллофонов* (вариантов, конкретных реализаций фонем), а также *слов*, *ударения* и *интонации*. Там, где в качестве такой единицы выступает фонема, говорят о языках *фонемного строя* (к этому типу принадлежит большинство языков мира). Там же, где основной фонологической единицей оказывается *слог* (силлабема), говорят о языках *слогового строя*. Звуковая неповторимость языка создается не столько составом фонем и аллофонов, сколько их частотностью и характерными цепочками звуков на границе слогов. Существует ограничение в составе моделей слоговых структур, т. е. слоги образуют не любые комбинации звуков, а некоторые определенные типичные комбинации для языков. М. Ломоносова о главных европейских языках писал: *великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского*. В значительной мере эти характеристики основаны на суммарных акустических впечатлениях, обусловленных соотношением в речи гласных и согласных, звонких и глухих и т.д.

Наиболее тесно взаимосвязаны звуки в *языках слогового строя* – большинство языков Китая и Юго-Восточной Азии, в которых существует множество ограничений на сочетаемость звуков. Звуки в этих языках не обладают самостоятельными смыслоразличительными возможностями, поэтому минимальной смыслоразличительной единицей в них является не фонема, а *слог* (силлабофонема). Каждая силлабофонема – это звуковая оболочка морфемы или одноморфемного слова. В слоговых языках ограничен не только круг допустимых моделей слогов, но и количество разных слогов. Например, китайский язык характерен тем, что все слоги имеют формулу: *согласный + гласный*. Сочетание согласных невозможно, следовательно, общее количество слогов в

китайском языке ограничено. Поскольку количество слогов-морфем ограничено, то в китайском языке развилось смысловоразличительное использование слоговой интонации. Четыре разных тона увеличивают количество слогов-морфем до 1324 единиц [Мечковская, 2000: 63-66].

В *неслоговых языках*, в которых основной смысловоразличительной единицей является фонема, а не слог, звуковые цепи, т. е. модели слогов, более разнообразны, но и в них есть определенные ограничения. Например, в арабском языке существует только две модели слога:

1. Согласный + гласный (открытый слог).
2. Согласный + гласный + согласный (закрытый слог).

В немецком языке звонкие шумные согласные не встречаются в конце слога. Ограничения в моделях слогов и звуковых цепей влияют на номинативные ресурсы языка, а также на их динамику.

6.2. Сегментный уровень языка: вокалические и консонантные языки

Сопоставляя фонологические системы двух языков, можно легко убедиться, что они оказываются различными в отношении состава, качества и количества (инвентаря) имеющих в них фонем. Так, в русском языке инвентарь фонем состоит из 37 согласных и 6 гласных. Близкородственный русскому языку украинский язык имеет 38 согласных и 6 гласных фонем. Во французском языке 35 фонем (20 согласных и 15 гласных), в немецком 33 (18 согласных и 15 гласных). Современный исландский язык, выделившийся из древненорвежского языка в X в., располагает инвентарем согласных в составе 22 фонем, в то время как близкородственный ему норвежский язык имеет 18 согласных фонем.

Общим противопоставлением фонологических систем является различие систем, в которых число гласных превышает их среднее количество, и систем, в которых число согласных превышает средние показатели [Мечковская, 2000: 58]. В силу артикуляционно-физиологических причин, в языках мира гласных звуков в целом меньше, чем согласных. Поэтому даже в максимально вокалических языках количество гласных все-таки редко превышает 50% от общего

числа фонем, в то время как количество согласных в консонантных языках может достигать 98% всего фонемного инвентаря.

Как утверждают ученые, ярким примером **вокалического** языка может служить *датский язык*, в котором гласных (включая дифтонги) больше, чем согласных (23 гласных при 20 согласных, т. е. 53,5% от общего количества фонем). К числу вокалических языков относится словенский язык, в котором имеется 21 согласная фонема при 18 гласных, сербохорватский язык, в фонологической системе которого имеется 24 согласных и 18 гласных фонем, и т.д. К вокалическим языкам относятся также *английский, немецкий, французский*. Например, в английском языке существует достаточно разнообразная система гласных фонем (20 из 44), шведский (40 фонем, из которых 21 – гласные фонемы).

В класс **консонантных** языков входят большинство *славянских языков, арабский язык, иврит, персидский*, почти все *кавказские языки, языки коренного населения Северной Америки* и др. Так, в *абхазском языке* число согласных достигает 60.

Самые консонантные из славянских языков – *польский и русский*. В польском языке согласные составляют 87% фонем, в *русском* – 82%. Из двух восточнославянских языков – *белорусского и русского* – белорусский в большей мере вокалический язык, что связано с наличием полугласного [ǔ], выступающего как аллофон фонем <в> и <л>: <траўка>, <воўк> в соответствии с русск. <трафка>, <волк>.

Для оценки степени вокаличности языка важно учитывать соотношение гласных и согласных не только в «списке» (в парадигматике), но и в речевой цепи (в синтагматике) [Мечковская, 2000: 59]. Так, по данным В. Г. Гака, в парадигматическом плане французская фонология имеет более вокалический характер, чем русская, однако в синтагматике этих различий существенно меньше [Гак, 1977: 35].

Системы фонем отдельных языков различаются не только количественным, но и качественным составом: в некоторых языках существуют две интердентальные фонемы, как, например, в английском, новогреческом, литературном арабском, башкирском. В ряде языков представлены шумные смычные согласные глубокого заднего ряда, как, например, во многих тюркских языках, в арабском языке.

Во многих языках, преимущественно германских, существует корреляция долгий / краткий гласный, чего нет в русском языке. На основании сказанного выше можно сделать вывод о том, что инвентарь фонем гласных и согласных, их число и состав могут быть признаны общим критерием типологической характеристики фонологических систем сопоставляемых языков.

Также представляет интерес число согласных фонем в начале или в конце слова. В английском языке в начале слова не может быть сочетания более трех согласных, причем состав согласных в них имеет ограничения: это могут быть группы согласных, состоящие из фонемы <s> + одна из глухих смычных согласных, либо <p> или <k> или <t> и сонант <r> или <l>, например, *spring* 'весна', *scream* 'вскрикнуть', *screen* 'ширма', *street* 'улица', *strong* 'сильный'.

В русском языке в начале слова может быть до 4 согласных, например, <фстр'эчъ>; ср. также *вскричать*, *встретить*, *взбить* и т.д. Для тюркских языков нашей страны существует очень строгая закономерность в отношении структуры начала слов. Например, в узбекском языке стечение двух согласных или гласных в анлауте не имеет места. Это относится и к любому другому тюркскому языку.

Данная типологическая характеристика служит убедительным объяснением того факта, что практически все носители тюркских языков, говоря на русском, делают одну и ту же устойчивую ошибку, вставляя слабый гласный между начальным и вторым согласными в английских словах, например, слово *клуб* произносится как /кэлуп/.

6.3. Суперсегментный (просодический) уровень языка: тонические и атональные языки

Фонемы, будучи линейными смыслоразличительными единицами, образуют сегментный уровень языковой структуры, а ударение и интонация, наслаиваясь на звуки и характеризуя слово или фразу в целом, характеризуются как супрасегментные (надсегментные) средства языка. Супрасегментный уровень называют также *просодическим*. Это объясняется тем, что в античных и позже европейских грамматиках ударение рассматривалось не в фонетико-фонологическом разделе, а в разделе стихотворных размеров. Тогда этот раздел назывался *просодией* (от греч. 'ударение'). Просодия слова определяется ударением, а просодия

предложения (высказывания, фразы) определяется интонацией. В зависимости от фонетической природы различают три вида словесного ударения:

1. *Тоническое (музыкальное, мелодическое, хроматическое) ударение*

При тоническом ударении ударный звук выделяется повышением или понижением тона. Тонические языки многочисленны, к ним относятся все слоговые языки, многие неслоговые языки (*сербский, хорватский, старославянский, балканские, скандинавские древнегреческий* и др.).

2. *Динамическое (выдыхательное, экспираторное, силовое) ударение*

При динамическом ударении ударный звук выделяется большим напором выдыхаемой воздушной струи и большей мускульной напряженностью в артикуляции ударного слога. К атоническим языкам, т. е. языкам с динамическим ударением, относятся: *романские языки, английский и немецкий языки, большинство славянских языков* (за исключением *сербского, хорватского и словенского*).

В различных языках силовое ударение реализуется по-разному. Например, в немецком языке различают по силе три степени ударения – главное (сильноударные слоги), второстепенное (слабоударные слоги) и нулевое (безударные слоги). Каждая из этих трех степеней имеет морфологическую обусловленность, в основе которой лежит принцип семантического веса морфемы.

Английский язык является языком с ритмичным ударением, то есть ударные слоги в нем отделены друг от друга в речи равными промежутками времени, а безударные слоги сокращаются так, чтобы соблюдался этот ритм.

3. *Количественное ударение* – ударный гласный выделяется длительностью звучания. Количественное ударение типологически возможно, но в действительности самостоятельно не встречается, оно встречается совместно с динамическим или музыкальным ударением. Количественное ударение типологически несовместимо с оппозицией долгих и кратких гласных фонем.

Как правило, в отдельном языке представлен один тип ударения – или динамическое, или музыкальное ударение. Однако, встречаются языки с несколькими видами ударения (в *датском языке* – два, в *шведском* – три).

В некоторых языках словесное ударение отсутствует, например, в *палеоазиатских языках (чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, енисейских и др.)*, в некоторых *тунгусо-маньчжурских языках*.

6.4. Интонационно-ритмическое своеобразие языков

Просодические средства предложения иногда обобщенно называют *интонацией*. Но фактически здесь присутствует целый комплекс явлений: *мелодика* (собственно интонация, тон), т. е. изменение высоты звучания; *интенсивность* (сила, громкость) звучания; длительность; *темп* произнесения речевых отрезков и *паузы*; *ритм* (регулярное воспроизведение, повторение соизмеримых интонационно-ритмических единиц); *тембр* (в отличие от других компонентов интонации, не обладает общеязыковой значимостью, так как целиком принадлежит индивидуальной речи).

Мелодика (движение тона), по мнению большинства ученых, является главным средством фразовой интонации [Мечковская, 2000]. С одной стороны, основные модальные значения (вопрос, утверждение, отрицание, приказ, мольба, уверенность, сомнение), а также сильные эмоциональные значения (радость, ласка, скорбь, гнев, агрессия, страх) в разных языках имеют до некоторой степени сходное интонационное выражение. С другой стороны, интонационные рисунки «одноименных» интоном в каждом языке индивидуальные.

Л. Р. Зиндер считал, что интонация – это наиболее характерный фонетический признак того или иного языка.

Роль интонации в конкретных языках существенно зависит от характера словесного ударения: в тонических языках, где высота ударного слога выполняет фонологические функции (т. е. различает слова), интонация не может быть самостоятельным средством модификации семантики всего высказывания. Например, по данным М. Ромпортла, в чешском и русском языке есть по две интономы для общих вопросов (вопросов, начинающихся не с вопросительного слова):

1) модель, состоящая в повышении тона во второй половине фразы и последующем понижении тона в конце (восходяще-нисходящая интонома); при этом, однако, для русской интономы характерно более сильное повышение тона (на высоком уровне), чем для чешской;

2) модель, состоящая в повышении тона в конце фразы (восходящая интонация).

Однако самое серьезное различие между языками, причем в рамках литературных языков, состоит в территориальном распределении двух интонов.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Назовите самый существенный признак для фонологической типологии.

2. Какие критерии лежат в основе фонологической классификации языков?

3. Охарактеризуйте особенности консонантных и вокалических языков. Назовите языки, относящиеся к каждому из типов.

4. В чем заключаются особенности слоговых языков?

5. Опишите особенности тонических и атональных языков.

6. Охарактеризуйте интонационно-ритмическое своеобразие языков мира.

7. Охарактеризуйте русский, английский, немецкий, французский, китайский языки с позиций фонологической типологии.

§7. Лексическая типология

Ключевые проблемы:

- предмет лексической типологии;
- объем словарного фонда;
- семантико-тематическая структура лексики;
- стилистическая дифференциация словаря;
- источники пополнения лексики в различных языках, словообразовательная типология;
 - семантическая деривация и конверсия;
 - морфемная деривация и лексикализация;
 - образование несвободных словосочетаний;
 - лексические заимствования.

7.1. Предмет лексической типологии

Лексическая типология языков – сравнительно новая область исследований, возникшая в 50-х гг. XX в. Предмет лексической типологии – типологические сходства и различия лексических систем в разных языках. Типологически значимые различия в лексике разных языков в значительной степени обусловлены типологией их грамматики и, отчасти, фонетики, поэтому некоторые глубокие типологические различия в лексике носят как бы вторичный, производный характер. В сравнении с фонологией и грамматикой, лексика представляет собой более слабую и нечеткую, в большей мере вероятностную систему, значительно меньше структурированную. Поэтому, в отличие от фонетико-фонологической и грамматической типологии, в лексической типологии отсутствуют и, по-видимому, невозможны классификации языков. Кроме того, степень изученности лексического уровня языков значительно меньше, чем изученность фонологии и грамматики. В силу более сложной, громоздкой и менее четкой организации лексического уровня языка (в сравнении с фонологией и грамматикой), большой трудоемкости словарного описания лексики, в лексической типологии особенно ощутим недостаток эмпирических данных. Поэтому применительно к лексическому уровню практически отсутствуют и скорее всего невозможны полные универсалии.

Для типологии лексических систем значимы следующие признаки:

- 1) объем словарного фонда;
- 2) семантико-тематическая структура лексики;
- 3) наличие и глубина стилистической дифференциации словаря;
- 4) источники новых обозначений и сравнительная продуктивность разных средств пополнения словарного запаса (таких, как морфемная деривация, семантическая деривация, заимствования, образование несвободных сочетаний), что в свою очередь обуславливает такие типологически значимые признаки, как соотношение в языке мотивированных и немотивированных названий; степень морфемной сложности слов.

7.2. Объем словарного фонда

По данным современной диалектологии и антропологии в бесписьменном языке или диалекте насчитывается примерно 10 тысяч слов – так называемый «лексический минимум». Сведения о лексическом максимуме содержатся в словарях-тезаурусах языков. Например, в 10-томном тезаурусе немецкого языка (Большой Дуден), в 7 томах французского Grand Larousse более полумиллиона слов. В 13 книгах Большого Оксфордского словаря свыше 400 тыс. словарных статей; в самом полном из словарей Уэбстера более 600 тыс. Однако при этом следует учитывать, что Оксфордский словарь включает всю лексику английского языка с XII по XX в., в том числе ушедшие из языка слова. Словарь Уэбстера, выступая в качестве лингвистического и энциклопедического справочника, содержит тысячи узкоспециальных терминов, тысячи собственных имен, в том числе географические названия и хронологически выходит далеко за пределы современного языка (содержит слова, начиная с 1500 г.) [Ступин, 1973: 37]. Таким образом, тезаурус суммирует разновременную лексику, в том числе слова, которые реально не сосуществовали в одно время. По таким данным трудно судить об объеме лексики, которая находится в обращении на определенном этапе развития языка, например, в текущем столетии.

Актуальный лексический запас языка можно представить по толковым словарям языков, которые содержат средний объем лексики и рассчитаны на широкий круг пользователей (учителя, издательства,

студенты). Ср. данные, приведенные А. Е. Супруном для словарей современных славянских языков (тыс. слов):

- чешский – 250,
- болгарский – 170,
- украинский – 137,
- польский – 125,
- русский – 120,
- белорусский – 100,
- македонский – 62,
- верхнелужицкий – 60,
- нижнелужицкий – 40.

Как свидетельствуют приведенные выше данные, наименьшее количество слов содержится в верхне- и нижнелужицком языках, что обусловлено ограниченностью их социальных функций в условиях немецко-славянского двуязычия. Сравнительно небольшой объем македонского словаря объясняется молодостью языка – словарь создавался в период второго десятилетия существования литературного македонского языка [Супрун, 1983: 8-9].

Следует отметить, что средние по объему словари не отражают реальной картины лексического состава языка. В реальности в современных языках слов значительно больше, чем 120-140 тыс.

7.3. Семантико-тематическая структура лексики

Для лексической типологии важен не только количественный, но и качественный состав лексики в разных языках. Лексическое своеобразие языков создается рядом слагаемых – таких, как наличие индивидуально-этнической лексики; объем и характер структурированности отдельных лексико-семантических зон тех или иных лексико-семантических полей и групп. В этой связи обычно указывают на такие факты, как многочисленность обозначений *снега* в эскимосском языке; целая система названий *песка* и понятий *коневодства* – в арабском; десятки наименований деревьев и плодов банана в языках тропической Африки; множество названий для ветров в языках и диалектах народов, живущих на морском побережье; разветвленность непереводаемой терминологии тибетской медицины; высокую идиоматичность религиозно-философской терминологии буддизма, даосизма, ламаизма –

при распространении соответствующих учений их терминология не столько переводится, сколько заимствуется в другие языки.

В XIX-XX вв. исследователей архаических социумов поражало, как много в племенных языках названий для всего конкретного и единичного, позволяющих в зримых, слышимых, осязаемых подробностях представлять в речи внешний мир, – и это при заметных лакунах в сфере общих и родовых обозначений. «У них [австралийских аборигенов] нет общих слов, как дерево, рыба, птица и т. д., но исключительно специфические термины, которые применяются к каждой особой породе дерева, птицы и рыбы». «Австралийцы имеют отдельные имена почти для каждой мельчайшей части человеческого тела: например, вместо слова ‘рука’ у них существует много отдельных слов, обозначающих верхнюю часть руки, ее переднюю часть, правую руку, левую руку и т.д.». «В области Замбези каждое возвышение, каждый холм, каждая горка, каждая вершина в цепи имеет свое название, точно так же, как каждый ключ, каждая равнина, каждый луг, каждая часть и каждое место страны <...> обозначено специальным именем <...>. Оказывается, география примитивного человека гораздо богаче нашей» [Цит. по: Выготский, Лурия, 1993: 96-97].

Характеризуя мыслительные возможности сознания, основанного на языках с избытком слов конкретной семантики, но с ощутимой нехваткой (в сравнении с европейскими языками) слов с абстрактными и общими значениями, Л. С. Выготский писал: «Язык примитивного человека выражает образы предметов и передает их точно так, как они представляются глазам и ушам. Точное воспроизведение – идеал подобного языка <...> Такое пластическое, подробное описание представляет и большое преимущество, и большой недостаток примитивного языка. Большое преимущество – потому, что этот язык создает знак почти для каждого конкретного предмета и позволяет примитивному человеку с необычайной точностью иметь в своем распоряжении как бы двойники всех предметов, с которыми он имеет дело <...>. Однако наряду с этим язык бесконечно загружает мышление деталями и подробностями, не перерабатывает данные опыта, воспроизводит их не сокращенно, а в той полноте, как они были в действительности» [Выготский, Лурия, 1993].

Сознанию, которое опирается на язык конкретный, минимально абстрагированный от наивной картины мира, трудно вырабатывать

обобщающие и абстрактные понятия (представления) и связывать их в мысли и суждения.

Глобализация, информационная революция, интенсификация межкультурных контактов, демократизация общения в современном обществе приводят к значительной унификации лексики и нивелированию лексического своеобразия языков. Современные языки различаются не столько наличием-отсутствием того или иного пласта лексики, сколько его происхождением и этноязыковой формой. Например, компьютерные термины есть практически во всех развитых языках, однако в английском языке они исконные, тогда как в других языках – заимствованные.

7.4. Стилистическая дифференциация словаря

Различные языки характеризуются разной степенью стилистической дифференциации. Так, лексика бесписьменных языков и диалектов, как правило, стилистически однородна, что соответствует уровню развития общества, в котором используется тот или иной язык.

По мере углубления дифференциации социальных сфер общения происходит углубление функциональной специализации языковых средств. Таким образом, чем старше литературный язык, тем богаче его письменно-литературная традиция и, соответственно, шире спектр стилистических оттенков и противопоставлений.

Стилистические системы языков с богатой литературной традицией также различаются. Так, например, по данным Ю. С. Степанова, стилистическая дифференциация французской лексики сложнее (различаются 5 стилистических регистров), чем русская (4 регистра).

7.5. Источники пополнения лексики в различных языках.

Словообразовательная типология

Отличительной чертой любого языка является его способность быстро реагировать на малейшие изменения в общественной, культурной и повседневной жизни его носителей образованием новых слов и пополнением словарного состава.

При всем типологическом разнообразии языков и неповторимости их индивидуальных судеб, существует четыре универсальных способа пополнения словаря:

- 1) морфемная деривация;
- 2) семантическая деривация;
- 3) образование несвободных сочетаний;
- 4) заимствования.

Каждый из этих способов имеет свою типологию, которая зависит от общей типологической характеристики языка. Дж. Гринберг, специалист в области словообразовательной типологии, установил следующую закономерность: «Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогоми; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами». Это подтверждается данными *турецкого* и других тюркских языков, которые являются языками исключительно суффиксальными и имеют послелогои.

О зависимости словообразовательной типологии от общей типологической характеристики языка свидетельствует следующий пример. Безаффиксальное словообразование в английском языке является продуктивным способом образования новых слов, что вполне соответствует общей типологической характеристике современного английского языка, идущего по пути развития признаков языка изолирующего типа. В русском языке, в отличие от английского, безаффиксальное словообразование развито слабо. Этому прежде всего препятствует двухморфемная структура русских слов, состоящих в случае простых основ из корневой морфемы и словоизменительной морфемы, а в случае производных основ – из корневой, словообразовательной и словоизменительной морфем, характерных для конкретной части речи.

7.5.1 Морфемная деривация и лексикализация

В изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (*китайском, лаосском, вьетнамском, кхмерском* и др.) морфемная деривация практически не используется. Индекс синтетичности *вьетнамского* языка – 1,06 (по Гринбергу) говорит о том, что в тексте из 100 слов только 6 являются производными, т.е. образованы в результате аффиксации. Вместе с тем в изолирующих языках достаточно развито *словосложение*. Например, во *вьетнамском* тексте количество непродуцированных слов составляет 69 %, тогда как 31% приходится на слова, образованные путем аффиксации и словосложения.

В неизолирующих языках морфемная деривация – основной источник образования новых слов. Так, среди 3500 новых обозначений, вошедших в русский язык в 60-х гг. XX в., доля морфемных дериватов составляла примерно 83 %; в составе новой английской лексики начала 60-х гг. – около 63 %; в английской лексике 80-х гг. – 67,5%

По данным В. Г. Гака, во французском и русском языках слова с непроемной основой составляют примерно треть лексики, тогда как около двух третей приходится на морфемные дериваты. При этом во французском языке при образовании слов чаще используются лексикализация (сращение) и усечение основ (например, *metro* из *metropolitan*, *labo* из *laboratoire*), тогда как в русском языке преобладает суффиксально-префиксальная деривация. Этим объясняется тот факт, что в русском слове больше морфов, чем во французском. Большая деривационная сложность русского слова в сравнении с французским объясняется различиями в морфологической типологии: русский язык относится к синтетическим языкам, в то время как французский – к аналитическим [Гак, 1977].

В английском языке 80-х гг. наиболее продуктивный способ образования неологизмов – *контаминация* (слияние частей исходных слов), например, *magalog* ‘большой (журнального формата), каталог с рекламой товаров, заказываемых по почте’ (из *magazine* ‘журнал’ – *catalogue*) и т.п.

7.5.2 Семантическая деривация и конверсия

Семантическая деривация – один из способов образования новых слов, при котором производное слово и производящая основа имеют один и тот же план выражения, но различный план содержания [Гак 1977]. Явление семантической деривации универсально, однако процессы полисемии в разных языках протекают с разной степенью интенсивности. Известно, что в аналитических языках слова в среднем в большей степени многозначны, чем в языках синтетических.

Так, по данным Н. З. Котеловой, среди неологизмов русского языка семантические дериваты составляют всего 8-10%, тогда как остальные –приходятся на морфемную деривацию [Котелова, 1978: 19]. При этом Н. З. Котелова не включает в семантическую деривацию *конверсию* – способ словообразования, при котором формирование

нового лексического значения сопровождается кардинальным преобразованием его грамматической формы (переход из одной части речи в другую). Между тем другие авторы видят в конверсии морфолого-синтаксический способ словообразования или особый вид семантической деривации.

Конверсия более продуктивна в аналитических языках, например, нем. *blau* ‘голубой’, ‘синий’ и *das Blau* ‘синева, лазурь’; англ. *an air* ‘воздух’, ‘атмосфера’, *air* ‘воздушный’, *to air* ‘проветривать’, ‘вентилировать’. Ее роль в создании новых слов возрастает.

7.5.3 Образование несвободных словосочетаний

Словари новой лексики (разных языков) включают несвободные, т. е. в той или иной мере устойчивые и воспроизводимые, сочетания слов. Среди несвободных словосочетаний выделяют 2 основных класса единиц: 1) *идиомы*, т.е. семантически неразложимые (или не вполне разложимые) словосочетания, в составе которых хотя бы одно слово имеет неузуальное (несловарное) значение, например, русск. *голубые каски*, в составе которого слово *каска* имеет метонимическое значение ‘военнослужащие’, а сочетание в целом обозначает подразделение ООН; 2) неидиоматические несвободные сочетания слов, «несвобода» которых создается частой повторяемостью, клишированностью данного сочетания (*принимать участие, дом быта, нейтронная бомба* и т.п.).

Продуктивность создания новых несвободных словосочетаний различна в разных языках. Например, одни славянские языки для обозначения новых реалий активизируют свои словообразовательные ресурсы (т.е. морфемную деривацию), тогда как в других языках (например, в русском) в большей степени используются несвободные сочетания слов. Данный факт обусловлен особенностями нормативно-стилистического уклада литературных славянских языков. Так, между книжно-официальными стилями русского языка и его разговорной речью имеются большие различия, чем в других славянских языках. Составные наименования типа *железная дорога* или *зал ожидания* – способствуют сохранению дистанции между названными стилистическими регистрами русского литературного языка.

В других же славянских языках, более молодых и «демократичных», официально-деловые стили ближе к разговорной речи и поэтому обходятся меньшим числом стилистических маркеров.

7.5.4 Лексические заимствования

Лексические заимствования есть в любом языке, однако их объем в разных языках различен. В некоторых языках доля заимствованной лексики может составлять большую часть от общего количества слов. Так, в английском языке 60% слов являются либо заимствованными, либо образованными от французских слов.

Наименьшее количество заимствований зафиксировано в китайском языке. По данным И. Н. Горелова – около 200 слов из санскрита, около 900 – из тибетского, монгольского, маньчжурского и из западных языков; все слова по преимуществу – научно-технические термины.

На продуктивность заимствований в том или ином языке влияет ряд факторов:

- 1) характер контактирования языков;
- 2) своеобразие языковой ситуации;
- 3) лингвистическая идеология общества;
- 4) структурные особенности языка-реципиента.

Процессу заимствования могут препятствовать, с одной стороны, внешние (экстралингвистические) факторы, с другой – структурные особенности языка-реципиента.

Препятствия на пути заимствований могут связаны в первую очередь и с внутривидовыми особенностями языков. В некоторых языках возможны слоги строго определенной структуры (допустим, только открытые), ограничено разнообразие звуковых цепочек (например, невозможно соседство двух разных согласных) или имеются ограничения в фонетической типологии слова (не бывает трехсложных слов) и т.п. В частности, те или иные подобные фонетические барьеры существуют в иврите, в венгерском, финском, китайском, японском языках. Трудность заимствования в таких условиях связана с тем, что заимствованное слово будет резко выделяться на фоне слов родного языка, если его звуковая оболочка не подвергнется радикальным трансформациям; но в этом случае оно рискует утратить значительную долю тех этимологических связей с международными корнями, ради

которых, возможно, и было оказано предпочтение механизму перенесения перед заимствованием [Вайнрайх, 1972: 46]. Так, небольшое количество заимствований в китайском языке обусловлено в первую очередь его типологическими особенностями. Китайский язык относится к языкам изолирующего типа. Его структура такова, что проникновение иноязычной лексики существенно затруднено. Трудности обусловлены также особенностями иероглифического письма. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что Китай долгое время был закрытой страной и находился в изоляции от внешнего мира. Это свидетельствует о том, что процессу заимствования новых слов могут препятствовать и внешние факторы, например, обособленное (например, островное) географическое положение страны, идеология государства, сильные националистические настроения в обществе, приводящие иногда к языковому пуризму – стремлению очистить язык от иноязычных, диалектных и других элементов.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Охарактеризуйте предмет и задачи лексической типологии.
2. Какие признаки наиболее значимы в лексической типологии?
3. Чем обусловлено лексическое своеобразие языков?
4. Какими факторами можно объяснить различия в объеме словаря различных языков мира?
5. Назовите основные источники пополнения лексики в языках.
6. Различаются ли языки мира по количеству заимствований? Какой процент иноязычной лексики в языке не является угрожающим?
7. Чем обусловлена различная продуктивность создания новых несвободных словосочетаний в разных языках?
8. Какие факторы влияют на продуктивность заимствований?
9. Дайте определение понятию «языковой пуризм». Чем обусловлены пуристические тенденции в том или ином языке?
10. Чем обусловлено наименьшее количество заимствований в китайском языке?
11. Подготовьте сообщение на тему «Языковой пуризм» (на материале различных языков).

§8. Типологические закономерности в синтаксисе

Ключевые проблемы:

- предмет и задачи синтаксической типологии;
- комплексный и универсальный характер функциональной категории залоговости;
- синтаксические классы языков:
 - языки номинативного строя;
 - языки эргативного строя;
 - языки активного строя;
 - языки классного строя;
 - языки нейтрального строя;
- контенсивная типология;
- типология порядка слов.

8.1. Предмет и задачи синтаксической типологии

Синтаксическая типология возникла в конце XIX в. как типология строя предложения и была связана с открытием эргативной конструкции в *индоиранских, кавказских, эскимосо-алеутских, баскском* и многих других языках. Типологические сходства и различия в синтаксисе разных языков в определенной мере выявляются уже в морфологической типологии. Например, отнесение языка к *аналитическому* типу означает, что в этом языке порядок слов используется для выражения реляционных значений, шире используются служебные слова, более определены грамматические функции интонации.

Задачи синтаксической типологии – изучение коммуникативных структур, с помощью которых на разных языках происходит формирование и сообщение мыслей. Это предполагает выявление основных синтаксических моделей.

Типология предложения строится с учетом того, каким образом и с помощью каких средств синтаксический строй языка представляет взаимоотношения структурно-смысловых компонентов предложения (субъекта, предиката, объекта, причины, цели, атрибута и т. п.).

8.2. Комплексный и универсальный характер функциональной категории залоговости

Грамматический залог (термин восходит к грамматике Дионисия Фракийского (II в. до н. э.) в современной лингвистике имеет широкое и узкое толкование. Залог в узком смысле – это глагольная словоизменительная категория, реализуемая в оппозиции форм действительного и страдательного залога. Залог в широком смысле (диатеза) – это грамматическая категория глагола, выражающая различные отношения между *субъектом и объектом*.

Залог в широком смысле выходит за рамки глагола. Таким образом, залог реализуется не в отдельной словоформе, а на пространстве всего высказывания и охватывает все виды значений, характеризующие отношения между субъектом действия, действием и объектом. В формировании семантической области диатеза участвует целый комплекс средств, относящихся к разным уровням языковой структуры (семантика глагола, называющего действие; семантика слов, обозначающих субъект и объект данного действия; синтаксическая структура данного предложения) [Мечковская, 2000: 89].

8.3. Синтаксические классы языков

Изучение категории залога как сферы разнообразных субъектно-объектных отношений привело И. И. Мещанинова в 30-х годах XX в. к открытию классов языков, для которых характерны различные типы организации предложения. И. И. Мещанинов выделил три основных типа языков:

1) *языки пассивного строя*, в которых ни субъект, ни объект не получают никакого грамматического оформления и объединяются в один комплекс, подчиненный ведущему компоненту;

2) *языки эргативного строя*, в которых глагол-сказуемое не только координируется с подлежащим, но и управляет им, что находит грамматическое выражение в постановке подлежащего в эргативном падеже, если глагол переходный, и в абсолютном падеже, если глагол непереходный;

3) *языки номинативного строя*, в которых именительный падеж употребляется в позиции подлежащего независимо от того, является ли глагол-сказуемое переходным или непереходным [Мещанинов, 1984].

Данная классификация впоследствии была доработана и дополнена еще двумя типами. Таким образом, современные лингвисты выделяют 5 типологических систем языков (типов строя языков): *номинативный, эргативный, активный, классный и нейтральный*.

8.3.1 Языки номинативного строя

К номинативным языкам относится большинство языков мира, в том числе все языки *индоевропейской, тюркской, монгольской, афразийской уральской семей, тунгусо-маньчжурские языки алтайской семьи, большинство языков китайско-тибетской семьи*.

В номинативных языках весь строй предложения направлен на максимальное различие субъекта действия и его объекта, которое проявляется:

1) в оппозиции падежа для субъекта действия (номинативного, или именительного падежа) и падежа для объекта (винительного и других косвенных падежей);

2) в лексико-грамматическом противопоставлении переходных и непереходных глаголов.

3) в противопоставлении прямого и косвенного объектов.

8.3.2 Языки эргативного строя

В эргативном строе языков происходит максимальное различие более активных действий и действий менее активных и самостоятельных. Это различие осуществляется:

1) переходными (активными) и непереходными (пассивными) глаголами;

2) оппозицией двух падежей для субъекта действия в зависимости от его большей или меньшей активности (при большей активности субъект действия, подлежащее, стоит в эргативном падеже, а при меньшей активности подлежащее стоит в абсолютном падеже;

3) оппозицией двух падежей для объекта действия в зависимости от большей или меньшей активности (при большей активности

требуется прямой объект в абсолютном падеже, при меньшей активности объекта действия берется косвенный объект в эргативном падеже. В номинативной конструкции различаются падежи именительный и винительный по передаче ими субъекта и объекта, тогда как в эргативной конструкции один и тот же падеж выступает с функциями того и другого.

Если номинативный строй предполагает построение предложения вокруг активного субъекта действия (агенса), который выступает в качестве подлежащего (*Вася ловит рыбу*), то эргативные языки строят предложение вокруг пассивного объекта (пациенса): *Рыба ловится Васей*. При этом пациент, выступающий подлежащим, в большинстве случаев начинает собой предложение и стоит в «абсолютном падеже» или «абсолютиве» – основном, лишенном маркеров (например, окончания); агенс же стоит в эргативном падеже (эргативе), который и выступает показателем субъекта действия.

Таким образом, эргативная конструкция включает: объект действия в абсолютном, субъект в эргативном падеже и связывающий их переходный глагол.

К языкам эргативного строя относятся: *кавказские языки, баскский язык, папуасские, австралийские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские языки.*

8.3.3 Языки активного строя

Язык активного строя ориентирован на семантическое противопоставление не субъекта и объекта, как в языках номинативного строя, а так называемого активного и инактивного начал [Климов, 1977]. В лексике активный строй проявляется в распределении существительных на классы активных (одушевленных) и инактивных (неодушевленных), глаголов – на классы активных (глаголов действия) и стативных (глаголов состояния), при отсутствии класса имён прилагательных. Для синтаксиса активного строя характерны корреляция активной и инактивной конструкции предложения, противопоставление так называемого ближайшего и дальнейшего дополнений.

Активная конструкция реализуется с помощью активного глагола, инактивная – стативного. В морфологии для имени характерна

морфологическая категория притяжательности, различающая формы органической и неорганической принадлежности (при наличии системы склонения активный падеж противопоставляется инактивному). Языки активного строя распространены в Северной и Южной Америке. Единственный искусственный язык активной типологии – арахау.

8.3.4 Языки классного строя

Для языков классного строя характерно деление частей речи на семантические классы (разряды). Например, глаголы делятся на глаголы ситуации и глаголы качества. У существительных выделяются: разряд человека, разряды животных, растений, длинных предметов, предметов коротких, круглых плоских и т. д., которым соответствуют определенные синтаксические конструкции. К этому строю относятся языки Центральной Африки и языки банту.

8.3.5 Языки нейтрального строя

В отношении языков нейтрального строя Г. А. Климов писал, что их структурные характеристики не укладываются в рамки каких-либо других языковых типов. Единственным типичным признаком можно считать отсутствие морфологии и близость к изолирующим языкам.

В языках нейтрального строя имя и глагол морфологически не дифференцируются. Здесь сложно определить семантико-синтаксическую доминанту предложения. Они нейтральны и в передаче субъектно-объектных отношений, и в различении активных и неактивных действий. К нейтральному типу относятся некоторые языки западной Африки.

Г. А. Климов интерпретирует пять рассмотренных типологических систем как стадии в развитии человеческого языка: по степени своей взаимной близости они выстраиваются в следующий ряд:

- 1) нейтральный тип;
- 2) классный тип;
- 3) активный тип;
- 4) эргативный тип;
- 5) номинативный тип.

Именно такая последовательность диктуется прежде всего степенью усиления ориентации их структуры на передачу субъектно-объектных отношений. Примечательно, что на лингвистической карте мира явно преобладают языки номинативного и, далее, эргативного строя, а также языки, совмещающие их черты. Как замечает Н. Б. Мечковская, возможно, именно номинативный и номинативно-эргативный строй характерны для языков современного человечества [Мечковская, 2006].

8.4. Контенсивная типология

Более поздние исследования лингвистов показали, что изучение структуры субъектно-объектных отношений выходит за рамки синтаксической типологии. Различия между номинативным и эргативным строем настолько глубоки и значимы для отражения мира отдельными языками, что подобные исследования стали называть *контенсивной типологией* (от англ. *content* – ‘содержание’, при этом подчеркиваются её отличия от морфологической типологии, изучающей не содержательные характеристики, а «технику языка»). Контенсивная типология изучает характер передачи субъектно-объектных отношений в языке. Все языки по оппозиции синтаксических конструкций условно можно разделить на «иметь»-языки и «быть»-языки. Первые языки выражают идею обладания особым глаголом типа иметь, то есть приравнивают обладание к активному действию (такому, как, например, брать, держать). В этих языках преобладают предложения, буквальный перевод которых таков: *Я имею кошку. Я имею брата. Я имею немного денег.* К таким языкам относится большинство европейских – английский, немецкий, французский – языков. Второй тип языков приравнивает обладание к свойству или местонахождению (что-то где-то есть, что-то у кого-то есть), напр.: *У меня есть кошка. У меня есть брат. У меня есть немного денег.* Русский язык относится ко второму типу языков.

Если в языках первого типа тот, кто имеет, рассматривается как активная личность, как «приобретатель» (хотя, например, на то, есть у вас брат или нет, вы никак повлиять не можете), то в языках второго типа тот, кто имеет, рассматривается пассивно – скорее как «хранитель» или даже «хранилище» (есть у вас деньги или нет – всё это происходит по воле судьбы и от вас не зависит). К «иметь»-языкам относятся не

только западноевропейские, но и почти все славянские: *чешский, польский, белорусский, болгарский*. Только русский язык остаётся ярким представителем «быть»-языков – вместе со многими *тюркскими, финно-угорскими, дагестанскими, японским* и др. языками.

А. Вежбицкая отмечает, что синтаксическая типология языков мира свидетельствует о существовании двух разных способов восприятия действительности: первый – описание мира в терминах причин и следствий; второй – представляет более субъективную (иррациональную) картину мира. Из европейских языков только русский язык дальше других продвинулся по второму пути. Синтаксически это проявляется в колоссальной роли в нем безличных конструкций. Например: *Его переехало трамваем. Его убило молнией*. В этих конструкциях непосредственная причина событий – трамвай или молния – изображена так, как если бы она была «инструментом» некоей неизвестной силы. Здесь нет явно выраженного субъекта, глагол употреблен в безличной форме среднего рода («безличной», потому что она не может сочетаться с лицом в функции субъекта).

А. М. Пешковский считал, что такая же «загадочность» имеет место в предложениях типа *Стучит! = Что-то стучит; Стучат! = Кто-то стучит*. При этом ученый был поражен непрерывным ростом безличных конструкций в русском языке: «безличные предложения, по-видимому, отнюдь не есть остатки чего-то убывающего в языке, а наоборот, нечто всё более и более растущее и развивающееся» [Пешковский, 1956: 345].

Безличные конструкции преобладают и в разговорной речи, тогда как в других европейских языках (например, в *немецком, французском, английском*) отмечены кардинально противоположные изменения. А. Вежбицкая делает вывод о том, что типично русский феномен – большое количество безличных конструкций соответствует особой культурной ориентации русского семантического универсума. В русской культурной традиции преобладает тенденция рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению, причём эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими [Вежбицкая, 1997: 75-76].

8.5. Типология порядка слов

Одним из разделов синтаксической типологии является *типология порядка слов*. Под *порядком слов* подразумевается определенная последовательность расположения слов в предложении. Порядок слов в предложении выполняет различные грамматические, семантические и стилистические функции. Он выступает показателем грамматической формы слова и его синтаксической функции.

Различают следующие типы порядка слов: *свободный* (члены предложения могут занимать разные места по отношению к другим членам) и *связанный*, или *фиксированный* (каждый член предложения располагается в строго определенном месте по отношению к другим членам). Свободный порядок слов характерен, например, для *русского, литовского, финского, латинского, испанского, греческого* и др. языков. Тенденция к фиксированному порядку слов типична наблюдается в *английском, немецком, болгарском, китайском, французском* и др.

Свободный порядок слов – характерная черта языков синтетического строя, в то время как фиксированный словоупорядок типичен для аналитических языков. Для языков с фиксированным порядком важно то, в какой последовательности относительно друг друга располагаются главные мыслительные категории и соответствующие им члены предложения. Так, в *английском языке* на первом месте в простом предложении употребляется подлежащее, на втором – сказуемое, на третьем – дополнение, на четвертом – обстоятельство.

При фиксированном порядке слов место слова соответствует его синтаксической функции и в таком случае падежи как морфологические показатели синтаксической роли слов становятся лишними. Свободный порядок слов способствует формированию других значений – более частных, факультативных, но не менее важных для говорящих в конкретных ситуациях общения.

При свободном порядке слов возможны следующие модели порядка слов (S – субъект, V – действие, O – объект действия):

1. SVO – Художник рисует картину.
2. SOV – Художник картину рисует.
3. OVS – Картину рисует художник.
4. OSV – Картину художник рисует.
5. VSO – Рисует художник картину.

6. VOS – Рисует картину художник.

Свободный порядок слов позволяет делать определенные логические или психологические акценты, отражать временную перспективу, экспрессивные коннотации и другие оценки. Свободный порядок слов в предложении без потери смысла, кроме русского, возможен также в шведском и корейском языках.

В отличие от языков со свободным порядком слов, где возможны любые комбинации S / V / O, в языках с фиксированным порядком слов высказываниях преобладает та или иная модель взаиморасположения (например, SVO) [Мечковская, 2000: 97-99].

Самыми распространенными вариантами типологии порядка слов являются порядок SVO и SOV, на остальные варианты приходится очень малая часть мировых языков.

К языкам SVO относятся: *русский, английский*, большинство европейских, *мандаринский китайский, вьетнамский, индонезийский* и др. К языкам SOV относят более 40% всех языков, т.к. этот порядок один из самых популярных. Среди таких языков: *турецкий баскский, татарский, башкирский, японский, корейский, тибетский, хинди* и др.

Таким образом, в каждом языке сложились определенные закономерности расположения слов в предложении. Вместе с тем, иногда допускаются некоторые отклонения от сложившейся традиции. Так, по утверждению Ж. Вандриеса, в мире «нет ни одного языка, в котором порядок слов был бы абсолютно свободным, но также нет языка, в котором порядок слов был бы абсолютно связан».

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. С чем связано возникновение синтаксической типологии?
2. Охарактеризуйте цели и задачи синтаксической типологии.
3. Охарактеризуйте основные синтаксические классы языков (по И.И. Мещанинову, Г. А. Климову и др.). На чем основано выделение данных типов?
4. Дайте определение понятию «контенсивная типология».
5. Какие типы порядка слов различают в рамках синтаксической типологии? Приведите примеры языков, относящихся к тому или иному типу.

§9. Языковые универсалии

Ключевые проблемы:

- понятие «языковые универсалии»;
- классификации языковых универсалий;
 - индуктивные / дедуктивные;
 - элементарные / имплицитивные / эквиваленции / иерархии;
 - абсолютные / статистические.

9.1. Понятие «языковые универсалии»

За бесконечным многообразием языков мира скрываются общие для них свойства. Оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу. Некоторые признаки или свойства, присущие всем языкам или языку в целом называются *языковыми универсалиями*.

К универсалиям относятся, например, следующие явления, характерные для всех языков мира:

- деление гласных на гласные и согласные;
- наличие местоимений 1-го и 2-го лица;
- наличие имен собственных;
- дифференциация семантически полноценных и служебных элементов языка;
- разграничение имени и глагола;
- многозначность слов и др.

Универсальность ряда явлений может быть прямо соотнесена с особенностями физиологического устройства человека: таковы, например, фонетические универсалии, которые объясняются некоторыми общими свойствами речевого аппарата у человека. В других случаях универсалии обусловлены существованием единых для всего человечества способов осмысления действительности, которые обеспечивают возможность речевого взаимодействия между представителями разных культур, национальностей и рас). К таким универсалиям относятся, например, следующие: во всех языках есть личные и указательные местоимения; если в языке есть категория падежа, то в нем есть и категория числа; если в языке есть категория рода, то в нем есть и категория числа и т. д.

Универсальные свойства языка интересовали лингвистов с давних времен. К данному вопросу обращались еще авторы античных, а затем

средневековых грамматик. Однако впервые вопрос о возможности эмпирического выявления языковых универсалий был поставлен американским лингвистом Дж. Гринбергом в начале 60-х гг. XX в. Именно в это период начали бурно развиваться лингвистические теории, стремящиеся определить базовые свойства человеческого языка дедуктивным путем, вывести их из определенного формализма. Этому подходу, изначально представленному порождающей грамматикой, Дж. Гринберг противопоставил свой индуктивный, эмпирический метод изучения универсальных свойств языка. Суть метода состояла в обследовании языков различных семей и регионов по одним и тем же параметрам и выявлении точек совпадения обследуемых языков, которые и назывались универсалиями.

Современные типологи, вслед за Дж. Гринбергом, используют статистический подход к универсалиям, который допускает возможность существования исключений и не требует проверки универсалий в каждом существующем языке. Достаточно провести исследование на выборке языков и обобщить его результаты относительно других языков, не вошедших в выборку.

9.2. Классификации языковых универсалий

Существует несколько классификаций языковых универсалий по различным критериям.

9.2.1 По способу выявления различают: *дедуктивные* и *индуктивные универсалии*.

Дедуктивная универсалия – это теоретическое предположение о том, что некоторое свойство X должно быть присуще всем языкам. В такого рода допущениях имеет место дедукция – логический вывод о свойстве отдельных объектов на основании суждения об классе таких объектов. Примерами дедуктивных универсалий могут служить следующие высказывания: «Все естественные языки имеют уровневое строение», «В системе любого естественного языка существует противопоставление центра и периферии», «Во всех языках есть гласные и согласные» и т.д.

Индуктивная универсалия – это некоторое свойство Y , которое обнаружено во всех доступных для наблюдения языках и поэтому считается присущим всем языкам мира. Иначе говоря, свойство

отдельных объектов распространяется (индуцируется) на весь класс объектов – все языки мира. Примеры: «В каждом языке есть оппозиция шумных и сонорных», «В каждом языке есть местоимения» и др.

Реально в процессах поиска и выдвижения универсалий присутствуют и дедуктивные и индуктивные операции. Дедуктивные универсалии строятся из наблюдений и размышлений над некоторой ограниченной совокупностью конкретных языков и затем индуктивно «проверяются» на более широком языковом материале. Поиск индуктивных универсалий начинается гипотезой о том, какие свойства языков могут быть универсальными и, следовательно, где стоит искать универсалии. Нередко индуктивные универсалии не только подтверждают, но и конкретизируют, тем самым содержательно обогащают дедуктивные предположения. Например, общенаучные представления из теории информации и связи привели к выдвижению следующей дедуктивной универсалии: «Все естественные языки обладают свойством избыточности в передаче информации». Позже статистические обследования текстов на разных языках позволили существенно конкретизировать данную универсалию. Оказалось, что мера избыточности языков также универсальна: в аспекте плана выражения (предсказуемости букв или фонем) она составляет 60 - 70 % (что и создает помехоустойчивость и тем самым – надежность языков в передаче информации).

9.2.2 В зависимости от того, какую логическую структуру имеют индуктивные универсалии, выделяются: *элементарные универсалии, имплицитивные универсалии, эквиваленции*, а также *иерархии*.

Элементарные универсалии имеют вид простых нечленимых высказываний типа «во всех языках имеется X». Утверждение касается только одного варианта возможной реализации этого параметра в языковой системе, а другие варианты никак не упоминаются. Общее количество элементарных универсалий невелико, и они имеют силу относительно любого языка мира.

Имплицитивные универсалии. Логически имеют форму следствия, или импликации, структурно состоят из двух простых универсалий, соединенных связкой «если... то...», например, «для всех языков имеет место, что если есть различие по роду во множественном числе местоимений, то оно есть и в единственном числе».

Эквиваленции. Имеют формулировку следующего типа: «если в некотором языке имеется свойство X , то в этом языке имеется и свойство $У$, и наоборот». В этом случае исключается не одна комбинация свойств, как в имплицативной универсалии, а две: в языке не может наблюдаться свойство X без свойства $У$, а также свойство $У$ без свойства X . Примером эквиваленции может служить следующее утверждение: «если в языке имеются предлоги, то генитив в нем следует за определяемым именем», и наоборот.

По мере выявления новых универсалий возникла необходимость их обобщения. Одним из способов таких обобщений стало выстраивание имплицативных универсалий в своеобразные цепочки, которые получили название *иерархий*. Иерархия включает в себя не два признака, а более, причем признаки эти последовательно связаны имплицативной зависимостью (если A , то B ; если B , то C и т. д.). Примером иерархии может служить иерархия категории числа. Известно, что языки мира отличаются друг от друга способами кодирования этой категории. В русском языке единственное число противопоставляется множественному, что выражается с помощью окончаний имен.

Есть языки, в которых категория числа не имеет специальных показателей (например, японский язык). Любое имя без числового показателя может обозначать как единичный предмет, так и множество предметов. Определить число предметов, о которых идет речь, можно только с опорой на контекст.

В некоторых языках (*семитские языки*) существуют специальные грамматические средства для обозначения пары предметов. В этом случае говорят о так называемом двойственном числе. Наконец, в некоторых языках (например, *языках Океании*) особая форма имени обозначает множество, состоящее из небольшого числа объектов (от трех до пяти). Такое число называется *паукальным* (от лат. *paucus* ‘небольшой’).

Данные о способах выражения категории числа в языках мира позволяют построить следующую иерархию: «в языке есть паукальное число \rightarrow в языке есть двойственное число \rightarrow в языке есть множественное число». Эта иерархия равносильна следующей системе имплицативных универсалий:

- в языке есть паукальное число → в языке есть двойственное число;

- в языке есть двойственное число → в языке есть множественное число.

Иерархии позволяют представить универсалии как системное явление в языках мира и избежать противоречий при объяснении универсальных языковых свойств.

9.2.3 По характеру утверждения выделяют: *абсолютные* и *статистические* универсалии. *Абсолютные* универсалии справедливы для всех языков, *статистические* – для большинства.

Примером абсолютной универсалии может служить утверждение: «все языки имеют местоименные категории». Утверждение «в большинстве языков различаются высокие и низкие согласные» является статистической универсалией.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Дайте определение понятию «языковые универсалии». Приведите примеры универсальных свойств в языках мира.
2. Чем обусловлено наличие универсалий в языках?
3. Назовите критерии классификации универсалий.
4. Охарактеризуйте метод изучения универсальных свойств языка Дж. Гринберга.

§10. Функциональная (социальная) типология

Ключевые проблемы:

- предмет и задачи функциональной типологии;
- критерии функциональной классификации языков;
- формы существования языка:
 - литературный язык;
 - национальные варианты языков;
 - просторечие;
 - диалекты (территориальные и социальные);
- типы языков по объему коммуникации (мировые, международные, государственные, региональные и др. языки);
 - языки-посредники;
 - языковая ситуация. Типология языковых ситуаций.

10.1. Предмет и задачи функциональной типологии

Выявление функциональной, или социолингвистической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности.

Функциональная, или социальная, типология – раздел лингвистической типологии, связанный с изучением того, как языки функционируют в различных социальных и этнокультурных средах. Социолингвистическая типология стремится выявить типы языков в зависимости от их роли в процессах коммуникации. Социальные различия между языками бывают исключительно резкими (подобно тому, как социальное неравенство людей может существенно превышать степень индивидуальных физических различий людей на фоне анатомо-антропологического «инварианта» вида *Homo sapiens*). В социально-типологическом плане языки различаются по количеству говорящих на них людей, по распространенности языков за пределами коллектива (или коллективов) исконных носителей, по составу общественных функций и сфер употребления языков, по их социальному статусу, престижу, известности, по жизнеспособности.

Социальная и структурная типология языков в главном взаимно независимы. Однако их объединяет стремление увидеть в бесконечно разнообразном языковом ландшафте Земли явления, которые обладают

разным "весом", разной частотой в глобальной совокупности языковых феноменов: с одной стороны, есть явления уникальные и редкие, а с другой, – явления и закономерности характерные, типичные и, наконец, универсальные.

Предмет функциональной типологии – язык как коммуникативное средство, рассматриваемый сквозь призму его социальных функций и сфер употребления. Функциональные, или социально-функциональные, или просто социологические, классификации языков, как правило, многоплановы, поскольку в них необходимо учитывать множество постоянных и переменных факторов в соотношении язык и общество. Попытки дать законченную функциональную классификацию языков были не всегда успешными именно в силу многофакторности оснований подобной классификации.

10.2. Критерии функциональной классификации языков

Ученые полагают, что полная функциональная классификация языков может быть построена с обязательным учетом ряда критериев.

Основные из них таковы:

- количество носителей живых языков;
- число живых и мертвых языков в мире;
- распространение языков за пределами этнических территорий;
- роль языка в современном мире;
- наличие письменности (письменные и бесписьменные языки);
- естественные и искусственные языки;
- общественные функции языков;
- связь языка с этносом;
- формы существования языков и др.

Так, по связям языка с этнической общностью выделяют *языки народностей, племенные, национальные языки*.

Распространенность языка за пределами этнической территории и его роль в современном мире дают основания выделять *местные языки, региональные языки, языки межнационального общения и мировые языки*. По функциям, которые язык выполняет в обществе, формам его существования выделяют: *литературные языки и диалекты, государственные языки, культовые, или ритуальные, языки* и т.д.

10.3. Формы существования языка

Язык как основное как важнейшее средство человеческого общения имеет общенародный характер, является достоянием всех говорящих на данном языке людей. В то же время не все говорящие используют язык, его коммуникативные средство одинаково. Различия в использовании языковых средств разными людьми или разными группами людей, говорящих на том или ином языке, во многом зависят от социальных, возрастных, профессиональных, особенностей говорящих, их культурного, образовательного уровня и т.д. Таким образом, один и тот же язык может выступать в разных формах, среди которых основными являются следующие: *литературный язык, просторечие и диалекты.*

10.3.1 Литературный язык

Литературный язык в современной лингвистике определяется как «обработанная форма общенародного языка, обладающая в большей или меньшей степени письменно закреплёнными нормами и понимаемая говорящими на том или ином языке как образцовая».

Важнейшим отличительным признаком литературного языка является нормированность, соответствие языковых средств и правил их употребления общепринятым языковым нормам.

Под *языковыми (литературными) нормами* понимаются, прежде всего, орфоэпические, грамматические и иные правила использования в речи языковых средств, принятые в общественно-речевой практике образованных людей. Норма предполагает использование в речи выбор наиболее предпочтительных (единственно возможных) вариантов тех или иных языковых средств: слов, словоформ, синтаксических конструкций и др. По словам ученых, именно норма является тем объединяющим и цементирующим звеном в сложной структуре литературного языка, которая придает ему характер упорядоченности, избирательности и общеобязательности.

Литературный язык, основанный на единых языковых нормах, является средством общения для всего исторически сложившегося коллектива людей, говорящих на данном языке. При этом он

обслуживает все сферы человеческой жизни: научную, производственную, бытовую, образовательную и т.д.

Некоторые литературные языки в силу определенных исторических причин распространились на территориях других государств, стали государственными языками проживающих в них народов. Например, *английский язык* используется в качестве государственного языка в США, *немецкий* – в Австрии и Швейцарии, *испанский* – в странах Латинской Америки (в Аргентине, Мексике, Чили, на Кубе), *португальский* – в Бразилии, французский – в Бельгии.

10.3.2 Национальные варианты языков

Функционируя на территории других государств, языки приобретают специфические особенности в области фонетики, лексики, грамматики и начинают восприниматься как особые разновидности соответствующих национальных литературных языков. В современной лингвистике такие формы литературных языков принято называть *национальными вариантами языков*.

Варианты того или иного литературного языка отличаются друг от друга прежде всего лексикой. Так, в американском и британском вариантах английского языка по-разному называются, например, *багаж, метро, железная дорога*. В бельгийском варианте французского языка широко используются архаизмы и диалектизмы, утраченные в собственно французском варианте, а также новые лексические единицы, связанные с национальной государственностью бельгийского народа, особенностями его культуры.

10.3.3 Просторечие

Еще одной формой существования языка является *просторечие* – разновидность общенародного языка, которая находится на периферии литературного языка или же, по мнению некоторых ученых, занимает промежуточное положение между литературным языком и диалектами. Иногда просторечие рассматривается как один из стилей литературной речи с присущей ему системой особых форм, отличающих ее от других, в первую очередь книжных, стилей.

Просторечие, в отличие от литературного языка, используется только в неофициальном общении, обслуживая в первую очередь повседневную-бытовую сферу и характеризуется использованием экспрессивных и фамильярных речевых средств.

От территориальных диалектов просторечие отличается отсутствием четкой локальной закреплённости его особенностей, от жаргонов – тем, что эти особенности не осознаются его носителями как ненормативные.

В просторечии представлены языковые единицы разных уровней, которые используются в разговорной речи и в художественной литературе в качестве средства социально-речевой характеристики персонажей, сниженной стилистической характеристики лиц, предметов, событий.

10.3.4 Диалекты

Литературному языку и просторечию противопоставляются *диалекты*, под которыми подразумевается разновидность языка, являющаяся средством общения членов коллектива, связанных тесной территориальной, социальной и (или) профессиональной общностью.

Различают *территориальные* и *социальные* диалекты.

10.3.4.1 Территориальные диалекты

Территориальный диалект – язык, который распространён на сравнительно ограниченной территории и служит для обеспечения повседневных бытовых и производственных нужд местного населения. Характеризуется наличием специфических фонетических, лексических, грамматических особенностей.

Наряду с термином *диалект* употребляются также термины *говор* и *наречие*.

Говорами называют разновидности языка, используемые в общении относительно небольших территориально связанных коллективов людей (ср.: говор села, деревни, района). *Наречия* представляют собой крупные объединения разных говоров, характеризующиеся наличием общих диалектных особенностей (ср. севернорусское, южнорусское наречие). Таким образом, диалект можно рассматривать как понятие родовое по отношению к говорам и наречиям. Если диалект – это

крупное подразделение языка, то говор и наречие представляют собой разновидности диалекта и являются более мелкими языковыми образованиями.

Характерной особенностью территориальных диалектов, по сравнению с литературным языком, является то, что они используются только в устной форме, в речи сельского населения, главным образом представителей старшего поколения.

Диалектная речь может также использоваться в художественной литературе для создания определённого стилистического эффекта.

Существующие языки заметно различаются по степени близости выделяющихся в них территориальных диалектов, что обусловлено социально-историческими и политическими факторами.

В русском и в ряде других славянских языков диалектные различия относительно незначительны и, в основном, не препятствуют взаимопониманию представителей разных диалектов, хотя иногда эти различия весьма существенны. Так, в русском языке, несмотря на огромную территорию его распространения, диалектные различия относительно слабы. Слабо различаются диалекты в тюркских языках. В английском языке диалектные различия практически полностью нивелированы, тогда как, например, в польском языке диалектные различия гораздо заметнее. Один из польских диалектов (*кашубский*) по своим языковым особенностям настолько отличается от других диалектов и от литературного варианта настолько, что некоторые ученые рассматривают его как отдельный язык.

Довольно заметны диалектные различия в таких языках, как *испанский, итальянский, немецкий, литовский, китайский, хинди* и др. Общение говорящих на разных диалектах этих языков в разной мере затруднено, а в ряде случаев даже невозможно.

10.3.4.2 Социальные диалекты

Под *социальными диалектами (социолектами)* понимаются специфические разновидности общенародного языка, служащие средством общения представителей определенных социальных или профессиональных групп. В отличие от территориальных диалектов, они не связаны с определенной территорией и выделяются среди других разновидностей общенародного языка только по словарному составу,

сохраняя общепринятые в том или ином языке фонетические, грамматические и другие особенности.

Среди социальных диалектов выделяют: *арго*, *жаргон* и *сленг*.

Арго (от фр. *argot*) – разновидность социолекта, секретный язык, используемый в настоящее время преимущественно в криминальной среде с целью сделать речь непонятной для непосвященных, например: русск. *борзеть* – ‘терять чувство меры, зарываться’, *папа* – ‘уважаемый человек, вор в законе’ и др. Исторически арго связан с языком офеней. Так на Руси называли мелких торговцев, у которых существовал тайный профессиональный язык, которым они пользовались при обмане покупателей или в опасных ситуациях, когда нужно было скрыть свои намерения или действия, например, *оттыривай маз, дулец-то яманный* в переводе с офеньского означает: ‘обвешивай, приятель, мужик-то простоватый’.

К социальным диалектам относятся также *жаргон* и *сленг*.

Жаргоном называются социально обусловленные разновидности национального языка, используемые в общении людей отдельных социальных групп, объединенных общностью интересов, привычек, возраста, положения в обществе, профессии, рода занятий и т.п. Использование жаргона ситуативно обусловлено, при этом каждый из жаргонов имеет строго определенную и ограниченную среду, в которой он может использоваться и за пределами которой он не употребляется и даже непонятен. Для жаргонной лексики и фразеологии характерны метафоричность, множественность обозначений одного и того же предмета, например: *бандура*, *аппарат*, *банка*, *корогаз*, *тачка*, *числогрыз* – персональный компьютер.

Термин *сленг* в современной лингвистике не имеет однозначного толкования. Ранее данное слово использовалось исключительно по отношению к англоязычным странам для обозначения особого, сниженного подъязыка, используемого в неформальном общении. Постепенно слова *сленг* и *жаргон* стали использоваться как абсолютные синонимы, т.е. взаимозаменяемые слова, например, компьютерный сленг и компьютерный жаргон и т.д.

Существует и другая точка зрения. По мнению некоторых ученых, в отличие от жаргона, у сленга нет ограничений в отношении его носителей. На сленге говорят люди разных профессий, разного социального положения, возраста, образования и т. д. На этом

основании делается вывод о том, что сленг – промежуточное явление между просторечием и жаргоном.

10.4. Типы языков по объему коммуникации

Объем коммуникации в различных языках мира не совпадает. По данным университета Сиэтла в 1995 году на 13 самых распространенных в мире языках говорило 75 % из 5 млрд. населения Земли. К этим языкам относятся: *китайский, английский, хинди, испанский, русский, арабский, бенгальский, португальский, японский, малайско-индонезийский, французский, немецкий, урду.*

По объему коммуникации приоритетные позиции занимает *английский* язык – на нем говорят в 47 странах, *французский* язык используют в 26 странах, *арабский* – в 21, дальше следуют *испанский, португальский, китайский языки.*

В социальной типологии выделяют 5 рангов языков в зависимости от их функций в межгосударственном и межэтническом общении: *мировые, международные, государственные, региональные и местные языки.*

10.4.1 Мировые языки

Мировые языки – языки межэтнического и межгосударственного общения, имеющие статус официальных и рабочих языков ООН (*английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский*).

Мировой язык имеет следующие характеристики:

- ✓ число его носителей – от 100 млн. до 1 млрд.,
- ✓ глобально распространен за пределами исконной территории;
- ✓ сознательно принят в качестве мирового по экономическим, социально-политическим, идеологическим соображениям;
- ✓ выполняет специфические общественные функции.

Состав мировых языков исторически изменчив. Русский язык начал функционировать как мировой с 1945 г. Ранее к мировым языкам относился и немецкий язык.

К мировым языкам-гигантам относится *китайский язык*, число носителей которого превышает миллиард. Однако стоит уточнить, что само название «китайский язык» достаточно условно и применяется к конгломерату разных наречий и языков. Тем не менее глобальная

роль китайского языка в современном мире остается относительно скромной. Например, китайским языком как вторым владеет относительно небольшое количество людей и значительной экспансии китайского за пределами Китая пока не наблюдается – в этом отношении китайский заметно отличается от других мировых языков, которые он опережает по численности, и прежде всего от английского.

Совершенно другую динамику демонстрирует *английский язык*, который по количеству носителей (около 400 млн. с небольшим) занимает третье место в мире после китайского и испанского. Несмотря на это, значение английского языка в современном мире с каждым годом только возрастает. По мере развития информационных технологий и коммуникаций происходит распространение английского языка в глобальном масштабе. В настоящее время он становится главным претендентом на роль языка международного общения.

10.4.2 Международные языки

К международным относятся языки, которые широко используются в международном и межэтническом общении, имеют статус государственного (официального) языка в одном или ряде государств, но не являются языком ООН.

Язык считается международными, если:

- 1) он является родным для большого количества людей;
- 2) им как иностранным или вторым языком владеют те, для кого этот язык не является родным;
- 3) на этом языке говорят во многих странах, на нескольких континентах и в разных культурных кругах;
- 4) во многих странах этот язык изучается в школе как иностранный;
- 5) этот язык используется как официальный язык крупными международными организациями, на международных форумах, конференциях и т.д.

Статус международного языка изменчив. В разные исторические периоды в качестве международных использовались разные языки: древнегреческий (античность), латинский (до эпохи Возрождения), испанский (XVI–XVII вв.), французский язык (начало VIII в.), немецкий язык (XIX в.), английский язык (XX в.).

10.4.3 Государственный (официальный) язык

Государственный язык имеет юридический статус государственного языка в одной стране, хотя эта страна может быть и многонациональной (например, *хинди, тайский, грузинский*). Эксперты ЮНЕСКО в 1953 году предложили разграничить понятия «государственный язык» и «официальный язык».

Государственный язык выполняет интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступает в качестве символа данного государства.

Официальный язык – язык законодательства, государственного управления, судопроизводства. Чаще всего государственным языком является язык наиболее многочисленного народа (этнической группы) данного государства.

10.4.4 Региональные языки

Статус «региональные языки», или «языки меньшинств» имеют языки, которые традиционно используются на территории государства гражданами этого государства, образующими группу, меньшую в численном отношении, чем остальное население данного государства. Данные языки не имеют статуса официального государственного языка, не используются для обучения и преподавания в школах (*тибетский, британский, провансальский* и др.).

В большинстве случаев статус регионального языка присваивается в целях сохранения своеобразных черт в региональных диалектах официального языка для поддержания языкового разнообразия, и культурной самобытности региона. Например, *валлонский язык* – исконный, а ныне региональный *романский язык* на территории Франции и Бельгии; *фризский язык* – региональный язык в королевстве Нидерланды; *баскский язык* – региональный язык в Испании и Франции.

Имеются случаи, когда официальный язык одного государства является региональным в соседних с ним приграничных регионах другого государства в силу тех или иных исторических причин, например, немецкий язык как региональный в провинции Южный Тироль (Италия).

10.4.5 Местные языки

К местным языкам относится, как правило, бесписьменные языки, которые используются в устном неофициальном общении полиэтнических групп, социумов. В начальной школе эти языки используются в качестве вспомогательного языка для перехода учащихся с местного на государственный язык. Нередко на них ведутся местные теле- и радиопередачи. По некоторым оценкам, около 50 млн. граждан ЕС в его нынешних границах говорят на одном из 50 местных языков.

10.4.6 «Здоровые», «больные», исчезающие, мертвые и возрожденные языки

Ученые-лингвисты утверждают, что количество языков в мире стремительно сокращается. Исчезновение языков сравнивается, в связи с чем предлагаются различные классификации языков по критерию их жизнеспособности. Так, выделяют *здоровые, больные, исчезающие, мертвые и возрожденные языки*.

Здоровыми считаются языки, на которых говорят дети. Здоровые языки способны к воспроизводству или даже расширению своего социального статуса, сферы действия, численности носителей. Они функционируют и развиваются нормально, т. е. жизнеспособны. Вызывает тревогу сужение сфер функционирования некоторых здоровых языков. Это происходит в связи с экспансией таких языков, как английский. Засилье английского языка наблюдается в Западной Европе – Франции, Португалии, Испании и Германии.

Больные языки – языки, на которых не говорят дети. Больные языки находятся в той или иной стадии деградации, сферы их использования сужаются, уменьшается число носителей, особенно тех, для кого этот язык является родным.

Примечательно, что в настоящее время языковое разнообразие планеты стремительно сокращается: 80% жителей Земли используют лишь 80 языков, что дает основания ученым делать неутешительные прогнозы. Так, согласно их расчетам, уже через 30-40 лет более половины ныне существующих языков выйдет из употребления. Например, в доколумбовой Северной Америке было 1500 языков, сейчас их осталось

несколько десятков. В Канаде таких угасающих языков (индейских) свыше 50, в Южной Америке – более 100, в Африке – около 200.

Лингвисты сравнивают исчезновение языков с экологическими катастрофами, а также с исчезновением редких видов животных, растений, поскольку все это – разные проявления нарастающего неблагополучия в мире. Вопрос о возрождении «умирающих» языков стал основным на XV Международном лингвистическом конгрессе (1992 г., Канада), по результатам работы которого был выработан ряд конкретных рекомендаций для ЮНЕСКО, направленных на защиту исчезающих языков.

Существенные опасения вызывает не только угасание «больных» и «исчезающих» языков, но и сужение сфер функционирования «здоровых» языков, в том числе языков международного общения, вследствие экспансии мировых языков, в частности, английского. Против засилья английского языка в международных коммуникациях, в рекламе, в бизнесе аудио-, видеозаписей и шоу-бизнесе, в Интернете, постоянно выступает общественность Западной Европы, особенно во Франции, Португалии, Испании, Германии, Италии. Однако это не столько защита «родного языка в родной стране», сколько конкуренция сильных языков за регионы распространения в мире, за сохранение и упрочение своей роли в международной политике и культуре.

В ряде ситуаций речь идет о расширении социальных функций и повышении статуса языка близкородственного к основному языку государства. Таковы *каталанский* и *галисийский* языки по отношению к испанскому в Испании; *фриульский* и *тирольский* в Италии; *фарерский* в Дании (на обладающих автономией Фарерских островах); *фризский* в Нидерландах (в провинции Фрисландия).

В других, случаях усилия защитников миноритарного языка направлены на его сохранение в условиях неродственного двуязычия.

Таким языком, по отношению к испанскому является *баскский* язык – древнейший неиндоевропейский язык Западной Европы, сейчас генетически изолированный. При режиме Франко баскский язык, как и каталанский и галисийский, был запрещен; значительная часть басков утратила родной язык. По испанской Конституции 1978 г., *баскский язык*, наряду с испанским, признан официальным языком Страны Басков (автономная область Испании). Он используется в национальной школе, прессе. На Британских островах и во Франции предметом защиты

являются *кельтские* языки ранних индоевропейских поселений в этих землях: в Ирландии – *ирландский*, в Уэльсе – *валлийский*, в Шотландии – *гэльский*, на полуострове Бретань во Франции – *бретонский*.

В России «больными» считаются *эскимосский, нивхский, юкагирский, алutorский языки*.

Исчезающие языки имеют несколько десятков (сотен) носителей, преимущественно пожилого возраста. С их смертью язык однозначно вымрет. Ученые называют пять «горячих точек», где языкам грозит вымирание: север Австралии, Центральная Америка, юго-запад США, Британская Колумбия, Сибирь и Дальний Восток. К исчезающим относятся такие языки, как *ливский, водский, орокский, энецкий, негидальский, ительменский, удэгейский, маньчжурский языки*.

Под угрозой исчезновения находятся многие кавказские языки: *сванский, бацбийский, гинухский, гунзибский, арчинский, хиналугский, будухский, хваршинский, тиндинский, годоберинский, удинский, крызский*.

Мертвый язык – язык, который перестал быть основным средством общения в каком-то социальном коллективе и не имеет живых носителей. «Смерть» языка может быть обусловлена рядом причин. Во-первых, может исчезнуть народ – носитель данного языка. Например, последние тасманийцы умерли в прошлом веке, а вместе с ними исчезли и тасманийские языки. Во-вторых, народ может усвоить новый язык, забыв свой старый. В-третьих, смерть языка наступает, когда язык претерпевает эволюцию и развивается в другой язык или даже в группу языков. К мертвым языкам относятся: *латинский, шумерский, аккадский, хеттский, готский, прусский* и т. д.

Возрожденные языки. Обычно язык возрождается том случае, если в данный момент народ ведет национально-освободительную борьбу и язык становится в глазах многих символом независимости (как в случае с *чешским языком*). Один из немногих примеров возрождения языка без образования нового государства – валлийский язык, который относится к бриттской группе кельтских языков и распространен в западной части Британии – Уэльсе, а также Чубуте, колонии Аргентины. Уэльский языковой акт (1993) и Уэльский правительственный акт (1998) предполагают равенство валлийского и английского языков. Однако обретение народом независимости и придание языку государственного статуса не всегда приводит к его

возрождению. Примером является ирландский язык, который стал первым государственным языком Ирландской Республики в 1921 году. Ни обязательное изучение данного языка в школе, ни сдача экзамена по ирландскому языку при вступлении на государственную службу не смогли вернуть его к полноценной жизни. Сейчас на нем говорят только в сельских районах на западе острова.

К возрожденным языкам относится *иврит*. В Палестине и Иудее древнееврейский язык был повседневным языком еврейского народа еще в первые века нашей эры. Однако после римского завоевания и рассеяния иврит вышел из разговорной практики употребления, хотя и оставался языком религии и духовно-светской книжности. Вместо иврита стали использовать индоевропейские языки, а также *идиш* (язык германской подгруппы, сформировавшийся в X-XIV вв. на базе одного верхненемецкого диалекта). Однако со II пол. XVIII в. начинается возрождение древнееврейского языка (иврит), который вначале возвращается в просветительскую и художественную литературу, а со II пол. XIX в. начинает употребляться и в повседневном общении. С образованием государства Израиль (1948) возрожденный *иврит* становится его официальным языком (наряду с арабским).

Классический язык. Классическим называется язык:

1) на котором создан и переведен корпус текстов, сохраняющих данные традиции, максимально высокую культурную ценность. Это могут быть как светские (античная, греко-римская литература), так и религиозные тексты (Коран);

2) который вышел за пределы первоначального этнического коллектива и приобрел надэтнический характер.

Термин «классический язык» применяется к языкам, на которых больше не создаются произведения, поэтому классические языки – это мертвые языки. Однако, в отличие от мертвых языков, которые изучаются лишь в исследовательских целях (например, тохарские языки), классические языки являются предметом не только исследования, но и преподавания (школьного и /или вузовского). Преподавание на классическом языке сохраняет традицию классической филологии в культуре.

10.5. Языки-посредники естественного происхождения

В мире существуют несколько тысяч живых языков, и чтобы понять иноязычного собеседника необходимо либо воспользоваться услугами переводчика, либо перейти на известный обоим участникам диалога язык, который и обеспечит коммуникацию. Если же коммуникативная задача достаточно сложна и не может быть решена с помощью приведенных выше способов, коммуниканты создают новое средство общения – вспомогательный язык-посредник с крайне ограниченным словарем и минимальной, неустоявшейся грамматикой, который не имеет исконных носителей.

Еще в дописьменные времена контакты разноязычных племен приводили к тому, что наиболее мобильные и интеллектуально развитые мужчины овладевали чужим языком и, таким образом, выполняли функции переводчиков. В устном эпизодическом общении чужой язык видоизменялся и принимал гибридные формы: многое в нем упрощалось, происходило слияние разноязычных элементов и т.д. Так складывались особые языки межэтнического общения: гибридные по происхождению, ограниченные по функциям, не вполне чужие в своем регионе, но и не родные, поскольку осваивались не от матери, а в портах, на рынках и т.д.

Различают несколько видов языков-посредников: *лингва франка*, *койне*, *пиджины*.

10.5.1 Лингва франка – преимущественно торговые языки, используемые носителями разных, в том числе генетически далеких языков. Первоначально термин *лингва франка* обозначал конкретный гибридный язык, который сложился в Средние века в восточном Средиземноморье на основе французской и итальянской лексики. Лингва франка использовался в общении арабских и турецких купцов с европейцами. В эпоху крестовых походов роль лингва франка возросла, язык обогатился исландской, греческой, арабской и турецкой лексикой и использовался вплоть до XIX века [Мечковская 2000: 199].

В современной социолингвистике термином «лингва франка» называется любой язык-посредник в межэтническом общении. Лингва франка может восходить к языку одного из народов данного региона. Однако большинство людей воспринимают его как этнически

нейтральный язык. Нередко термин «лингва франка» используют применительно к любым языкам широкого межэтнического общения.

10.5.2 Койне – устные языки межплеменного и наддиалектного общения родственных этносов. В отличие от лингва франка, койне шире по своим социальным функциям и этно-диалектной базе, его история более эволюционна и органична. Лингва франка, по мере расширения объема и сферы коммуникации, может стать койне. Койне нередко выступает в качестве наддиалектной формы, которая предшествует литературному языку и на основе которой литературный язык складывается [Мечковская, 2000: 201].

10.5.3 Пиджины – устные языки торговых и других деловых контактов, которые возникли в результате смешения элементов того или иного европейского языка (*английского, голландского, португальского, испанского, или французского*) и элементов туземного языка.

Первые пиджины на базе английского, французского и португальского языков возникли в XV-XVII вв. на западном побережье Африки в связи с появлением там в это время первых рабовладельческих факторий. Позже, вследствие колонизаторской политики европейских государств, процесс формирования пиджинов распространился на острова Океании и латиноамериканский континент.

Всего в мире лингвистами зафиксировано около пятидесяти различных пиджинов. Существовало несколько пиджинов и на базе русского языка: *амурский пиджин, негидальско-русский, поволжский, кяхтинский*. Наиболее изученным среди них является *кахтинский пиджин*, употреблявшийся в течение всего XIX в. в районе города Кяхта, который был в то время центром пограничной торговли с Монголией и Китаем.

Лексика пиджина, как правило, более чем на 90% формируется на основе языка пришельцев-колонизаторов. Это обусловлено тем, что причиной формирования пиджина являются, с одной стороны, попытки аборигенов объясниться с пришельцами, а с другой стороны – нежелание колонизаторов знакомиться с языками коренного населения.

Фонетика пиджинов, наоборот, тяготеет к фонетике аборигенных языков: произнося иноязычные слова, туземцы артикулируют в них звуки так же, как в своих родных языках избегают труднопроизносимых для них звуков и их сочетаний. Грамматика пиджина всегда предельно аналитична. Словоизменение отсутствует. Основное средство

передачи грамматического значения – порядок слов. Основной способ словообразования – словосложение.

10.5.4 Креольские языки. В определенных ситуациях пиджин может стать единственным языком социума, члены которого достаточно тесно связаны между собой, и существенно расширить свои коммуникативные функции, например, использоваться в качестве языка семейного общения. При этом пиджин становится родным и зачастую единственным языком нового поколения. Этот процесс называется *нативизацией* (от англ. native ‘родной’), или *креолизацией*, а новая ступень развития контактного языка – *креолом*, или *креольским языком*.

С расширением функции контактного языка увеличивается его словарный состав, усложняются фонетическая и грамматическая структуры. Примерами креольских языков, ставших официальными или этнически значимыми, могут служить возникшие на английской основе языки государства Папуа-Новая Гвинея – ток-писин и хиримоту; язык крио в Сьерра-Леоне; язык *сранатонга* в южноамериканской республике Суринаме. Креольские языки на французской основе сложились на Гаити и Мартинике, на португальской основе – на Островах Зеленого Мыса и острове Кюрасао, на испанской – на Филиппинах.

Процесс креолизации происходит в течение одного-двух поколений, однако объем изменений можно сопоставить со столетиями и тысячелетиями обычной языковой эволюции. Некоторые креольские языки стали официальными, например, малайско-индонезийский (официальный в Индонезии), суахили (межэтнический язык Восточной Африки, который входит в число 25 самых распространенных языков планеты), африкаанс (распространен в двух провинциях ЮАР, на нем говорят около 20 % населения ЮАР) [Мечковская, 2000: 203-206].

10.5.5 Искусственные языки. Для устранения языковых барьеров учеными предпринимались многочисленные попытки создания искусственного языка, более простого и совершенного, чем естественные языки. Самой удачной из таких попыток следует признать *эсперанто* – международный искусственный язык, разработанный варшавским врачом Л. Заменгофом в 1887 г. В настоящее время, согласно данным Всеобщей ассоциации эсперанто, этим языком владеет в мире около 8 млн. человек.

Эсперанто строг, логичен и поэтому довольно прост для изучения, в нем нет исключений и сложных грамматических форм. Его словарный запас составляют большей частью корни западных языков (таких, как английский, немецкий, французский, итальянский), в то же время в синтаксисе и морфологии наблюдается влияние славянских языков. Морфемы эсперанто не изменяются и их можно комбинировать практически бесконечно, создавая слова с различными значениями. Таким образом, эсперанто имеет много общего с аналитическими языками, к которым относится, например, китайский. Напротив, внутренняя структура данного языка в определенной степени отражает особенности агглютинативных языков, таких, как японский, суахили или турецкий. Несмотря на то, что по сравнению с живыми национальными языками эсперанто более прост в изучении, его искусственность и изолированность от исторических и культурных корней живых языков не позволила ему стать языком всемирного масштаба.

В настоящее время на волне глобализации и развития современных технологий можно наблюдать все более широкое использование в международных контактах так называемых мировых языков – национальных языков, которыми в той или иной степени владеют многие представители других языковых коллективов. Сегодня эту функцию выполняют прежде всего английский и в меньшей степени французский, русский и испанский языки. При этом следует заметить, что широкое распространение мировых языков отнюдь не снизило потребность в переводах и переводчиках. Напротив, масштабы переводческой деятельности в современном мире только возрастают, и вполне очевидно, что в ближайшем будущем наиболее эффективным средством для понимания чужих культур все же останется перевод.

10.6. Языковая ситуация. Типология языковых ситуаций

Языковая ситуация – это совокупность языков и языковых образований, обслуживающих общество в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства.

Языковая ситуация включает следующие компоненты:

а) условия функционирования языка (уровень суверенитета, форма государственной автономии, уровень культурного развития,

численность населения, компактность его расселения, этническое окружение и т.п.);

б) сферы употребления языка (обусловлены темой коммуникации, временем и местом общения, областью общественной деятельности);

в) формы существования языка (литературная, диалектная формы, языки межнационального общения, жаргоны и др.).

Языковая ситуация – явление сложное и многоаспектное, его типологически значимые признаки разнонаправленны и не иерархичны, поэтому создание единой и всеобъемлющей классификации языковых ситуаций практически невозможно. Тем не менее в современной социолингвистике существуют типологические классификации на основе ряда значимых признаков, таких, например, как: количество языков и их носителей, число обслуживаемых коммуникативных сфер; статус языков, характер их взаимоотношений; коммуникативная значимость языков, их культурная престижность и др.

Традиционно языковые ситуации (ЯС) классифицируются на основе двух критериев:

- 1) монолингвистичность / билингвистичность;
- 2) равнозначность / иерархичность компонентов.

На основе первого критерия ЯС делятся на *экzogлосные* (билингвистические) и *эндоглосные* (монолингвистические).

На основе второго критерия выделяются: 1) *сбалансированные* (равновесные) ЯС и 2) *несбалансированные* (неравновесные) ЯС.

Исходя из этого, можно выделить 4 типа ЯС:

- 1) экzogлосная сбалансированная ЯС;
- 2) экzogлосная несбалансированная ЯС;
- 3) эндоглосная сбалансированная ЯС;
- 4) эндоглосная несбалансированная ЯС.

Экzogлосная несбалансированная ЯС – самый распространенный тип ЯС в современном мире. Для неё характерна функциональная и статусная неравноценность компонентов. По числу компонентов-языков различают три разновидности экzogлосных несбалансированных ЯС:

- 1) двухкомпонентные ЯС, в которых различаются:
 - язык, обслуживающий сферу местного общения,
 - язык межнационального общения.

Примером может служить ЯС на полуострове Бретань во Франции, где моряками и крестьянами в сфере местного общения используется бретонский язык, не имеющий литературной формы, а в других сферах социального взаимодействия – французский язык.

2) трехкомпонентные ЯС, в которых различаются:

- язык, обслуживающий сферу местного общения;
- язык, обслуживающий сферу регионального общения,
- язык межнационального общения.

Примером могут служить ЯС на Филиппинах, в Конго, Нигерии, Заире, Индонезии – странах, где осуществляются процессы этнической консолидации. При этом языки более крупных этнических групп распространяются на значительных территориях, обслуживая сферу регионального общения и вытесняя языки ассимилирующихся малых народностей, которые используются только в сфере местного общения. Языком межнационального общения здесь обычно выступает импортированный европейский язык, например, французский язык в Конго;

3) четырехкомпонентные ЯС, в которых различаются:

- язык, обслуживающий сферу местного общения;
- язык, обслуживающий сферу регионального общения;
- язык, обслуживающий сферу религиозного общения;
- язык межнационального общения.

Примером может служить ЯС в Индии, где в сфере местного общения функционируют многочисленные индийские языки, не имеющие официального статуса; в сфере регионального общения – индийские языки, признанные официальными в своём штате; в культовой сфере – санскрит; в сфере межнационального общения – английский язык.

Экzogлоссная сбалансированная ЯС встречается довольно редко. Для неё характерна статусная равноценность всех компонентов-языков.

Примером может служить ЯС в Швейцарии, где паритетно функционируют как государственные четыре языка, отражающие основной этнический состав страны. Из 26 кантонов Швейцарии 19 являются немецкоязычными, 6 – франкоязычными, 1 – италиязычным. Около 65% швейцарцев говорят на немецком языке, 18 % – на французском, 12 % – на итальянском, 1% – на ретороманском и около 4 % на других языках. Будучи наиболее распространённым, немецкий

язык, однако, не представляет собой установленного средства ни для внутривнутрифедерального межэтнического общения, ни для внешней репрезентации Швейцарии. Он является одним из трёх официальных языков страны и выполняет с ними паритетно, каждый на территории своих кантонов, максимальные общественные функции.

Другим примером является ЯС в Бельгии, где статусно равноправны два государственных языка – *французский* и *фламандский*. Фактически же функциональная нагруженность больше у французского языка. Аналогичную ЯС можно наблюдать в Финляндии, где официальный статус государственного имеют финский и шведский языки. Но поскольку финны составляют 90% населения страны, финский язык фактически доминирует во всех сферах общения.

Таким образом, языки-компоненты экзогlossных сбалансированных ЯС при равенстве статусного положения различаются шириной использования и степенью функциональной нагруженности.

Эндогlossная несбалансированная ЯС имеет место в современных однопациональных государствах. Для неё характерна функциональная неравноценность компонентов – подсистем одного национального языка. По числу языковых подсистем и их принадлежности к определённому функциональному типу эндогlossные несбалансированные ЯС имеют много разновидностей, т.к. степень дифференциации национального языка, число и функциональная нагрузка подсистем различны в разных странах и определяются степенью национальной консолидации, стратификацией общества, уровнем развития экономики и культуры.

Примерами могут служить:

1) однокомпонентная ЯС в Исландии, где используется литературная форма исландского языка, не имеющего диалектного членения;

2) двухкомпонентная ЯС в Дании, где наряду с литературным датским языком функционируют три группы его диалектов, обслуживающих устное общение;

3) трехкомпонентная ЯС в Германии, где наряду с немецким литературным языком функционируют многочисленные немецкие диалекты, используемые в сфере местного общения, а также немецкий региональный язык в 3-х формах: региональный литературный язык, областной обиходно-разговорный язык и полудиалект.

Эндогlossная сбалансированная ЯС с функционально равноценными компонентами – подсистемами одного языка в современном мире не встречается. Такие ЯС складывались в прошлом в однонациональной стране в период становления централизованного государства. Формы речи были тогда функционально равноценны, не составляя иерархии подсистем в пределах языка народности. Примером может служить Германия донационального периода, раздробленная на мелкие феодальные княжества, где коммуникацию равноценно обеспечивали местные формы речи, так как общегерманского средства языкового общения не существовало.

Все типы ЯС несомненно подвержены изменениям и зависят как от объективных социально-экономических процессов, так и от субъективных факторов, в частности, от проводимой государством языковой политики.

Изучение ЯС необходимо для выбора рациональной языковой политики. В крупных полиэтнических и многоязычных государствах (Индия, Китай, Пакистан, Россия, США) всегда несколько языковых ситуаций.

Примеры языковых ситуаций

1. На исландском языке говорит 99% населения Исландии (242 тыс. чел.), при этом язык отличается уникальной однородностью: в нем практически отсутствуют диалектные различия, а также различия между литературным языком и обиходно-разговорной речью (и это при том, что исландская письменно-литературная традиция восходит к XI в.). Таким образом, имеет место редчайшая в современном мире однокомпонентная ситуация: один этнический язык представлен одной формой существования языка. Правда, распространено так называемое культурное двуязычие: в специальном образовании широко используется английский язык.

2. На венгерском языке говорит 99,4% населения; имеется 8 диалектов, противопоставленных литературному языку. Таким образом, многокомпонентную ситуацию составляет один этнический язык, представленный диалектами и литературным языком.

3. В Беларуси два этнических близкородственных языка с равным юридическим статусом (государственных языков) – белорусский и

русский. Этнические белорусы составляют 77,9 % из 10 млн. населения Беларуси (перепись 1989 г.)

4. В Финляндии два этнических государственных языка – финский и шведский, при том что финны составляют 91% населения страны, шведы – 6 %.

5. На японском языке говорит 99,8% населения; имеется три группы диалектов, противопоставленных литературному языку. Таким образом, многокомпонентную ситуацию составляет один этнический язык, представленный диалектами и литературным языком.

6. В Швейцарии четыре государственных языка: французский, немецкий, итальянский, ретороманский; германошвейцарцы, немцы и австрийцы составляют 64% населения, франкошвейцарцы и французы – 18%, италошвейцарцы и итальянцы – 10%, ретороманцы – 0,8%.

7. В Израиле из 5 сосуществующих языков два имеют статус государственных: это два языка семитской ветви (но разных подгрупп) в афразийской семье — иврит и арабский (точнее, сиро-палестинский диалект арабского языка); кроме того, английский, русский и идиш.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Охарактеризуйте предмет и задачи функциональной типологии.
2. Какие формы существования языка вам известны? Назовите признаки литературного языка. Чем отличаются территориальные и социальные диалекты? Дайте определение понятиям «жаргон», «сленг», «арго», «просторечие». Приведите примеры.
3. Опишите коммуникативные ранги языков. Какие языки в современном мире претендуют на статус «международных»? Чем это обусловлено?
4. Какие языки называются «больными», «мертвыми»? Какие факторы влияют на жизнеспособность языков? Какие меры необходимо предпринимать для сохранения языков?
5. Определите роль языков-посредников в коммуникации (койне, пиджин, лингва франка, креольские языки). Какие потребности общества они обслуживают?
6. Охарактеризуйте особенности искусственных языков. Чем обусловлена необходимость их создания? Приведите примеры искусственных языков. Какой принцип лежит в основе их построения?

7. Дайте определение понятию «языковая ситуация». Какие компоненты включает языковая ситуация?
8. Какие ситуации называются экзогlossными / эндогlossными, сбалансированными / несбалансированными? Приведите примеры.
9. Охарактеризуйте языковые ситуации в ведущих странах мира (Япония, Швейцария, Финляндия, Германия, США, Россия и др.).
10. Подготовьте небольшое устное сообщение (5-7 мин.) об одном из вымирающих языков

§11. Перевод и сопоставительная лингвистика: общее и различное

Ключевые проблемы:

- предпосылки формирования теории перевода как лингвистического направления
- проблема соотношения теории перевода и сопоставительной лингвистики в современном языкознании;
- теория перевода и сопоставительная лексикология (семантика);
- теория перевода и сопоставительная грамматика.

11.1. Предпосылки формирования теории перевода как лингвистического направления

Несмотря на то, что перевод – древний вид человеческой деятельности, уходящий своими корнями в те далекие времена, когда праязык начал распадаться на отдельные языки и возникла необходимость в людях, способных выступать в роли посредников при общении представителей разных языковых общин, основы теории перевода как самостоятельного научного направления начали закладываться только в середине XX в.

Как отмечает В. Г. Белинский, «всякий предмет человеческого знания имеет свою теорию, которая есть сознание законов, по которым он существует. Сознать можно только существующее, только то, что есть, и потому для создания теории какого-нибудь предмета должно, чтобы этот предмет как данное или уже существовал как явление, или находился в созерцании того, кто создает его теорию». Эти слова, сказанные В. Г. Белинским о переводе, подтверждают выводы ученых о том, что теория перевода как наука является результатом различных эмпирических наблюдений и обобщений о самом переводе как особом виде человеческой деятельности, истинность которых доказана многовековой практикой.

Становление теории перевода как науки происходило на фоне кардинальных изменений во всех сферах общественной жизни. Вторая мировая война и связанные с ней последующие политические события способствовали интенсификации миграционных процессов.

Перемещение по всему миру огромных потоков разноязычного населения требовали языкового посредничества и ускоренной подготовки переводческих кадров, к которым предъявлялись принципиально новые требования. Если раньше переводчики имели дело преимущественно с художественным переводом, связанным с необходимостью передачи эстетических и индивидуально-авторских особенностей оригинала, то в условиях социально-политической ситуации послевоенного времени, отмеченной такими событиями, как распад колониальной системы, Нюрнбергский процесс (1945-1946), образование международных организаций – ООН (1945), ЮНЕСКО (1946), военных блоков НАТО (1949) и др., приоритетные позиции в переводческой практике заняли информативные переводы: политические, экономические, научно-технические, требующие глубоких лингвистических знаний. Кроме того, в сферу международного общения вовлекались новые народы и национальные языки. Как следствие – увеличение количества языков, с которых переводили и на которые переводили, а также острая потребность в качественных переводах и профессиональных переводчиках, что в свою очередь послужило мощным стимулом для роста теоретических исследований переводческой деятельности, которые нуждались в анализе и осмыслении. Активизации интереса к переводческим проблемам способствовала и смена приоритетов в языкознании.

В лингвистике XIX в. переводческие проблемы не входили в круг интересов ученых. Язык рассматривался как уникальное явление, что исключало возможность тождества двух текстов, написанных на разных языках, а значит и возможность перевода. Так, по мнению В. Гумбольдта, каждый язык есть проявление “духа” (т. е. мышления), свойственного данному народу, и поэтому несводим ни к одному другому языку, как и своеобразие “духа” одного народа несводимо к своеобразию “духа” другого народа». Ученый, в частности, отмечал: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно».

Не менее пессимистично высказывался о возможностях перевода А. Шлегель, уподобив его поединку, в котором неизбежно погибает один из участников – либо автор подлинника, либо переводчик. Скептическое отношение к переводу высказал в свое время и К. И. Чуковский. Одна из глав его фундаментальной научной работы «Высокое искусство. Принципы художественного перевода» начинается эпитафией немецкого поэта Г. Гейне: «Перевод, что женщина: если она красива, она неверна, если верна – некрасива». Подобные взгляды на перевод оформились в «теорию непереводаемости», которая стала главным препятствием на пути лингвистического анализа перевода.

Структурная лингвистика, получившая широкое распространение после выхода в свет «Курса общей лингвистики» швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра с ее стремлением к строгому (приближающемуся к точным наукам) формальному описанию языка также игнорировала переводческие проблемы, отводя им место на периферии лингвистического знания. Ни одно серьезное теоретическое исследование по общему языкознанию того времени не обращалось к вопросам перевода.

Середина 50-х гг. – важный этап в становлении теории перевода. Именно для этого периода характерны жаркие дискуссии и споры о том, возможна ли теория перевода как наука и если возможна, то как она должна строиться. Так, А. А. Реформатский в 1952 году писал, что «практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из многообразия типов и жанров перевода». В то же время другие исследователи утверждали, что теория перевода возможна, хотя ее построение и не будет простым.

В начале 60-х гг. XX в. французский лингвист, автор одной из первых крупных работ по теории перевода Ж. Мунен отмечал, что переводческая деятельность ставит одну весьма важную для современной лингвистической науки проблему: лексические, морфологические и синтаксические структуры языков если и пересекаются, то совпадают лишь в незначительных частях. «Наложение» структур разных языков друг на друга демонстрирует их явную асимметрию, поэтому теоретически перевод невозможен. Но переводчики существуют, они трудятся, и плодами их труда пользуются многие. Данное противоречие ученый называет возмутительным фактом в современной лингвистике,

которым всегда пренебрегали и рассмотрение которого всегда отодвигалось на задний план [Мунэн, 1978].

Однако к середине XX в. отношение к переводу коренным образом изменилось. Ученые пришли к выводу, что основные трудности перевода и сам характер переводческого процесса обуславливаются расхождениями в структурах и правилах функционирования языков, участвующих в этом процессе. Осознание того, что в специальном переводе именно лингвистические факторы являются основными, способствовало обращению лингвистов к переводческой проблематике, привлечению лингвистических методов к изучению закономерностей перевода.

Следует отметить, что и само развитие языкознания в этот период подготовило почву для возникновения теории перевода. Достигнув серьезных результатов в изучении формальной структуры языка, лингвисты значительно расширили область своих исследований, обратившись к рассмотрению таких фундаментальных вопросов, как речевая деятельность, механизмы порождения речи, связь языка с культурой, обществом, мышлением, ситуацией общения и др. Именно в это время в центре внимания языковедов оказались вопросы синхронного описания современных языков, выявления черт сходства и различий между ними. Возникли новые лингвистические направления: психолингвистика, социолингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, сопоставительная лингвистика и др. Языкознание трансформировалось в макролингвистику – комплекс лингвистических дисциплин, изучающих все многообразие форм, способов, результатов и особенностей существования языка в обществе. Только такая лингвистика и могла заняться теоретическим осмыслением переводческой деятельности, столь необходимым в связи с ее новыми небывалыми масштабами, возросшими требованиями к качеству переводов и задачами массовой подготовки профессиональных переводчиков.

Кроме того, ученые обнаружили, что не только лингвистика может внести большой вклад в теорию перевода, но и перевод может многое дать лингвистике. Перевод стали рассматривать как крупномасштабный естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах межъязыковой коммуникации,

изучение которого позволяет обнаружить в каждом из этих языков немаловажные особенности, которые могут оставаться не выявленными в рамках «одноязычных» исследований.

Первым обратил внимание на тесную связь переводческих проблем с актуальными вопросами лингвистики Р. Якобсон (1896-1982), который подчеркивал, что «широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность должна находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки». Исследователь представлял перевод как универсальное средство лингвистического анализа. «Эквивалентность при существовании различия, – писал он, – это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором. Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы. Любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости».

Таким образом, взаимная переводимость как главное из свойств, присущих всякой паре языков, оказывается методологической основой межъязыкового лингвистического анализа.

В российской науке поворотным моментом в исследовании перевода стала книга А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» (1953), в которой впервые давалось аргументированное определение теории перевода как преимущественно лингвистической дисциплины. Ученый признавал, что перевод можно рассматривать и в плоскости других дисциплин, в частности истории культуры и литературы, психологии. «Но поскольку перевод всегда означает работу над языком, постольку перевод всего больше требует изучения в лингвистическом разрезе – в связи с вопросом о характере соотношения двух языков и их стилистических средств», – утверждал исследователь.

Естественная связь перевода с языком, с речевой деятельностью, с ее продуктом – текстами, составляющими материальную оболочку этой деятельности, т.е. тем, что можно реально подвергнуть анализу, привело к тому, что зародившаяся в рамках литературоведения и литературной критики теория перевода трансформировалась в одну из отраслей языкознания. Теоретические изыскания способствовали формированию

понятийного аппарата лингвистической теории перевода, разработке основных ее вопросов.

В современной науке понятия «теория перевода» и «лингвистическая теория перевода» рассматриваются как тождественные по смыслу (В. Н. Комиссаров и др.) и имеют широкое и узкое толкование. В широком смысле термин «теория перевода» противопоставляется термину «практика перевода» и охватывает любые концепции, положения и наблюдения, касающиеся переводческой практики, способов и условий ее осуществления, различных факторов, оказывающих на нее прямое или косвенное воздействие. При таком походе понятие «теория перевода» совпадает с понятием «переводоведение».

В узком смысле «теория перевода» включает лишь собственно теоретическую часть переводоведения и противопоставляется его прикладным аспектам.

11.2. Проблема соотношения теории перевода и сопоставительной лингвистики в современном языкознании

Среди научных направлений, основанных на сопоставлении языков, наиболее тесные связи обнаруживаются между теорией перевода и сопоставительной (контрастивной) лингвистикой.

Что касается взаимоотношений данных научных направлений, то в научной литературе существуют различные точки зрения. Немецкий лингвист Э. Косериу отмечал по этому поводу следующее: «когда скоро контрастивная лингвистика сравнивает только структуры отдельных языков, другими словами, если она «типологична», то в лучшем случае она может быть для перевода лишь вспомогательной наукой; однако если она исследует действительное употребление содержательных – и тем самым материальных – структур, то она совпадает с теорией перевода, ориентированной на отдельные языки [Coseriu, 1981].

Американский лингвист Дуайт Болинджер о соотношении теории перевода и контрастивных исследований пишет следующее: «Контрастная лингвистика родилась из опыта преподавания. Каждый преподаватель иностранного языка знает, а каждый изучающий иностранный язык скоро обнаруживает, что родной язык в определенных и предсказуемых случаях мешает усвоению второго языка». В стремлении понять законы, управляющие этими процессами,

пересекаются теория языка и практика его преподавания. На тесной связи теории перевода и контрастивных исследований акцентирует внимание и автор одной из первых теорий перевода Я. И. Рецкер. В работе «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» ученый отмечает: «Перевод немислим без прочной лингвистической основы. Такой основой должно быть сравнительное изучение языковых явлений и установление определённых соответствий между языком подлинника и языком перевода. Эти соответствия в области лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля и должны составлять лингвистическую основу теории перевода» [Рецкер, 1950: 156].

Соотношение контрастивной лингвистики и теории перевода характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, каждая из этих дисциплин является самостоятельным научным направлением, с другой – между ними наблюдается тесная взаимосвязь: с одной стороны, «любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости» [Якобсон, 1978:18]. С другой стороны, перевод представляет собой особый вид сопоставления языков. Это объясняется самой природой переводческого процесса – тем, что переводчик, «сознательно или интуитивно, сопоставляет единицы двух языков, определяя степень их эквивалентности» [Комиссаров, 1978: 5].

При помощи данных контрастивной лингвистики теория перевода изучает влияние соотношения языков на процесс перевода. Перевод в свою очередь предоставляет контрастивной лингвистике исходные данные в виде формальных соответствий. Эти данные проливают свет на расхождения между структурными типами, системами и нормами языков и служат отправным пунктом для собственно переводческого анализа.

Между данными сопоставительной лингвистики и данными теории перевода во многих случаях наблюдается причинная связь. При этом сопоставительная лингвистика отвечает на вопрос, почему в переводе осуществляется та или иная операция. Например, в английском языке для обозначения движения часто используется глагол, содержащий сопутствующий движению признак – шум, вибрацию и т.п. В русском языке этот сопутствующий признак, как правило, описывается с помощью глагола движения в сочетании с наречием, предложно-именным сочетанием или деепричастием. Ср.

следующий пример из перевода на английский язык рассказа М. Ю. Лермонтова «Фаталист»: ... *все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно. 'With bated breath and eyes expressive of terror and a vague curiosity, we glanced from the pistol to the fateful ace which was now slowly fluttering downwards'*.

Отмеченное выше расхождение в структуре английской и русской фраз, отражающих одну и ту же предметную ситуацию, служит причиной переводческой трансформации, связанной с перераспределением семантических компонентов: русский глагол в сочетании с деепричастием (*трепеща на воздухе, опускался*) преобразуется в английский глагол со значением сопутствующего признака в сочетании с наречием, указывающим на направление движения (*was... fluttering down wards*). Одной из причин описанной выше трансформации является наличие безэквивалентных форм в одном из участвующих в процессе перевода языков. Такой формой в данном случае является деепричастие, представляющее собой специфическую черту русского языка.

Несмотря на наличие общих точек соприкосновения, между теорией перевода и сопоставительной лингвистикой есть существенные расхождения. Л. С. Бархударов, указывая на различия между сопоставительным языкознанием и теорией перевода, писал: «Сопоставительное языкознание, как и языкознание вообще, имеет дело с системами языков – в его функции входит вскрытие черт сходства и различия между системами двух языков в области звукового (фонологического) строя, словарного состава и грамматического строя. Поэтому для сопоставительного языкознания (как и для языкознания вообще) существенным является разграничение уровней языковой иерархии, т. е. отнесение тех или иных единиц языка (или двух сопоставляемых языков) к определенному аспекту или уровню языковой системы». Для теории перевода принадлежность рассматриваемых единиц к определенному уровню или аспекту языковой системы не играет никакой роли; сопоставление языковых единиц в теории перевода производится только на основе общности выражаемого ими содержания, т. е. значения, иными словами, на основе семантической общности данных единиц, независимо от их принадлежности к одному или разным уровням языковой иерархии.

В рамках сопоставительного языкознания исследования ведутся на уровне языка, в то время как для теории перевода более важно выявление сходств и различий языков на уровне речи.

Цель сопоставительной лингвистики – синхронное сопоставление языков, выявление их общих и различительных черт, на основе единого метаязыка, который выступает в качестве *tertium comparationis* (основы для сравнения), или одного из исследуемых языков, выступающего в качестве эталона для сопоставления. При этом сопоставления имеют, как правило, статический характер и не преследуют цели нахождения переводческих эквивалентов.

Что касается теории перевода, то её предметом является перевод как специфический вид межъязыковой коммуникации, а целью – выявление сущности перевода, его механизмов, способов его реализации, языковых и неязыковых факторов, влияющих на него, реализации регулирующих его норм.

11.3 Теория перевода и сопоставительная лексикология (семантика)

В силу универсальности человеческого мышления и механизмов познания окружающего мира в каждом языке, особенно в его лексическом составе, отражается определенное представление о мире, его законах, о пространственных, временных связях предметов и природных явлений и т.д. Большая вариативность в использовании лексических средств при передаче информации об объективной реальности обусловлена сложным устройством человеческого сознания, способного осмыслить одно и то же явление разными способами. Как отмечает В. Скаличка, «поскольку все языки обладают достаточной полнотой выразительных средств и выражают один и тот же внеязыковой мир, различия между языками следует искать в различных способах выражения внешнего мира» [Скаличка, 1989: 29].

Например, крона дерева в английском языке видится как некоторое трехмерное пространство, поэтому положение любого объекта (например, птицы) будет осмысливаться как нахождение внутри него и передаваться с помощью предлога *in* (русский предлог «в»). В русском языковом сознании поверхность ветки воспринимается как

часть общей поверхности дерева, поэтому в русском языке для передачи данных пространственных отношений используется предлог «на».

Различия в концептуализации и категоризации окружающего мира с помощью языковых средств ярче всего прослеживаются в ситуации языковых контрастов. Ш. Балли отмечал по этому поводу, что различия между языками подобны различиям в национальных характерах: «если французский язык любит ясность, то немецкий склонен к уточнениям, один прямо идет к цели, другой – всюду ставит точки над «и». По мнению Ю. С. Степанова, «сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, незаметные изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком» [Степанов, 1965: 120]. Решением данных проблем занимается *сопоставительная лексикология* – один из разделов сопоставительной лингвистики, направленный на установление сходств и различий в словарном составе различных языков. Результаты теоретических и практических разработок в области сопоставительной лексикологии позволяют глубже понять общие законы, управляющие лексической семантикой, вскрыть тончайшие механизмы формирования представлений носителей языка о реальности, вывести общие лексико-семантические закономерности, что важно как для сопоставительной лингвистики, так и для теории перевода.

Особое значение для лингвиста, посвящающего свои исследования сопоставительному анализу лексики различных языков, или переводчика, подбирающего адекватные межъязыковые соответствия, имеет выбор эффективных методов отбора и анализа языкового материала.

Наиболее результативными для сопоставительных лексико-семантических исследований является компонентный и дистрибутивный анализ. Первый позволяет определить сходства и различия в семном составе рассматриваемых соответствий в сопоставляемых языках, второй – скрытые различия в значениях отдельно взятых единиц на основе изучения их сочетаемости, что, при достаточном объеме исследовательского материала, способствует выявлению национально-культурных коннотаций, представляющих интерес не только для сопоставительных исследований, но и для перевода.

Применение компонентного анализа для выделения в значениях языковых единиц элементарных смыслов (сем) позволяет сопоставлять семный состав единиц оригинала и перевода и выявлять степень их соответствия друг другу.

Приведем несколько примеров.

(1) в славянских языках для обозначения конечностей человека существует двучленная модель (*рука, нога*), тогда как в романских и германских языках – четырехчленная, например, англ. *hand* ‘кисть руки’, *arm* ‘рука от кисти до плеча’; *foot* ‘ступня ноги’, *leg* ‘нога до ступни’;

(2) английскому слову *dog* в русском языке соответствуют два слова – *собака и пес*, а двум русским словам *лошадь и конь* соответствует одно английское слово *horse*;

(3) турецкое слово *kök* покрывает значения трех русских слов – *голубой, синий, зеленый*;

(4) английскому *dream* соответствуют два русских слова *сниться и мечтать* и др.

Несовпадение семантического объема слов в разных языках должно обязательно учитываться переводчиком. Так, при использовании английского *student* для перевода русского «студент» воспроизводятся семы «обучаемый» и, «единственное число», но утрачиваются семы «учащийся высшей школы» и «мужской род». Очевидно, что если утраченные семы оказываются коммуникативно значимыми, то они должны быть воспроизведены в переводе с помощью других языковых единиц. Напротив, при нейтрализации отдельных сем в оригинале их утрата в переводе вполне оправдана. Например, в русской фразе *Хороший студент не будет прогуливать лекции* сема «мужской род» нейтрализуется (речь идет не только о студентах-мужчинах), а сема «учащийся высшей школы» подразумевается и в значении слова «лекция». Поэтому при переводе этой фразы на английский язык слово «student» будет вполне достаточно: *A good student would not stay away from his lectures.*

Ситуация усложняется в случае наличия у слова социокультурных коннотаций – дополнительных оттенков значений слов, обусловленных особенностями культуры (культурные коннотации) и общественной жизни (идеологические и политические коннотации). Например, слово *баран* в русском языке означает ‘бестолковый человек’, а в китайском –

‘работающий член коллектива’; *дракон* – ‘отрицательный сказочный персонаж’ и ‘добрый защитник, без которого не обходится ни один большой китайский праздник’; *персик* в русской культуре ассоциируется с молодой прекрасной девушкой, в Китае – с дряхлой старухой.

Часто в процессе перевода переводчик сталкивается с явлением обманчивой эквивалентности. Так, слова *home* и *house* в английском языке означают ‘дом’. Но используются они в различных контекстах. Например, *They have a beautiful house but it doesn't feel like home* (букв. ‘У них есть красивый дом, но в нем они не чувствуют себя дома’). Вместе с тем буквальный перевод не отражает смысла данного высказывания, поскольку слово *home* – не здание, это место, где мы можем расслабиться и почувствовать себя в безопасности.

В основе номинации часто лежат определенные признаки, которые могут существенно отличаться в различных языках. Рассмотрим, например, слово *очки* (для глаз). В русском языке это слово произошло от слова ‘очи’ – ‘глаза’, в основу английского слова *glasses* положен материал из которого они сделаны: стекла, стекло. А французское слово *lunettes* происходит от слова ‘Луна’ (круглая форма).

Существенные различия наблюдаются не только в семантике сопоставляемых лексем, но и в различной сочетаемости соответствующих единиц, точнее, ограничениями на их сочетаемость, которая, в свою очередь, представляет собой идиоматичность (их употребления) в широком смысле. Примером может служить английское слово *flat*, которое имеет значение ‘плоский’ только в словосочетании *flat surface* ‘плоская поверхность’. В сочетании данного слова с другими словами придется подбирать другие соответствия, например, *flat tyre* ‘спущенная шина’, *flat battery* ‘разрядившаяся батарея’ и др.

Каким бы богатым и разнообразным ни был словарный состав языка, слова в нем живут не изолированно, а вступают в определенные отношения друг с другом, входят в различные лексические системы, и места, которые занимают эти слова в лексической системе разных языков всегда разные. Еще Ф. де Соссюр определил, что между элементами языковой системы устанавливаются два типа отношений: *парадигматические* (ассоциативные) и *синтагматические*. Определить место языковой единицы в лексической системе – значит выявить ее синтагматические и парадигматические свойства в их взаимосвязи.

Парадигматические отношения – это нелинейные отношения (отношения в вертикальном ряду), выполняющие классифицирующую, «инвентаризирующую» функцию, упорядочивая всю совокупность слов по общим и различительным признакам. На основе парадигматических отношений слова объединяются в классы, множества, парадигмы на основе полисемии, синонимии, антонимии и др.

Примером парадигматических отношений могут служить лексико-семантические группы (близкие по смыслу группы слов одной части речи, которые имеют как минимум одну общую сему).

Основой синтагматики являются закономерности нормативной сочетаемости слов в речи. Иными словами, синтагматические отношения определяют связь слов в пределах одного и того же речевого отрезка.

При сопоставительном анализе необходимо принимать во внимание все лексико-семантические процессы, происходящие в языке (развитие полисемии, омонимии, переносных значений, формирование этнокультурных коннотаций в семантике слова, образование синонимических, антонимических рядов, семантических полей и т.д.), т.е. использовать принцип системности.

Выявлению различий в концептуализации окружающего мира посредством лексических единиц в значительной степени способствует сопоставление лексико-семантических полей (ЛСП) – иерархической организации слов, объединенных одним родовым значением и представляющей в языке определенную семантическую сферу, покрывающую определенную область действительности. В основе ЛСП находится родовая сема или гиперсема, обозначающая класс объектов. Единицы ЛСП характеризуются одной понятийной соотнесенностью.

В качестве простейших примеров того, как по-разному языки членят (концептуализируют) внеязыковую реальность, часто приводят такие фрагменты лексических систем, как названия частей тела, средства речевого этикета, термины родства или системы цветообозначения.

Примером может служить ЛСП «родство» в славянских и кавказских языках. Так, в русском языке наименования близких родственников – отца, матери, сестры, брата – одночленны, тогда как в лезгинском языке (один из языков Дагестана), а также в тюркских и финно-угорских языках наблюдается детализация данных понятий. Например, в лезгинском языке наблюдается четкая дифференциация обращений к родственникам по материнской и отцовской линиям, при

этом более высокий ранг в семейной иерархии занимают родственники со стороны отца. При обращении к тете в лезгинском языке используется несколько лексем: *эме*, *хала*, *имидсвас*, *халудсвас*, *бах*, выбор которых определяется характером родственных связей. Так, к сестре отца, а также всем родственникам женского пола по отцовской линии (речь идет о взрослых адресатах, которых не принято называть просто на имя) обращаются *эме* (в некоторых диалектах *мума*, *биби*, *бубавах*), а к сестре матери и родственницам по матери – *хала*.

В японском языке данный фрагмент системы терминов родства также предполагает более дробное членение: обязательным является указание на относительный возраст родственника. Например, вместо двух слов со значением ‘брат’ и ‘сестра’ используется четыре: *ани* ‘старший брат’, *ане* ‘старшая сестра’, *отоото* ‘младший брат’, *имотоо* ‘младшая сестра’. Кроме того, в японском языке имеется также слово с собирательным значением – *кюодай* ‘брат или сестра’, ‘братья и / или сестры’, обозначающее ближайшего родственника (родственников) одного с говорящим поколения вне зависимости от пола и возраста (подобные обобщающие названия встречаются и в европейских языках, например, английское *sibling* ‘брат или сестра’). Таким образом, можно говорить о том, что способ концептуализации мира, которым пользуются носители кавказских языков, японского языка и др., предполагает более дробную понятийную классификацию по сравнению со способом концептуализации, который задан русским языком.

В языках могут не совпадать границы определенного семантического континуума. В первую очередь это касается часовых отрезков, в частности, членения суток на части. Так, в различных лингвокультурах понятие ‘утро’ соответствует различным временным интервалам, например, англ. *morning* – с часу ночи до 12 часов дня, нем. *Morgen* ‘утро’ – с 6.00 до 10.00 и т.д. Английский вечер (*evening*) начинается с пяти-шести часов и заканчивается к восьми часам русского вечера. С восьми вечера до полуночи длится короткая английская ночь. Для испанца временной отрезок с 19.00 до 20.00 – ночь, тогда как для француза это вечер и т.д.

Существенные различия наблюдаются в способах передачи различными языками психических состояний человека (эмоций, процессов мышления, памяти и т.д.). Так, в русской лингвокультуре наблюдается естественная связь между интеллектуальной

деятельностью человека и головой, между эмоциями и сердцем, о чем свидетельствуют следующие фразы: *подумай своей головой!*; *сердцем чувствую, что все будет хорошо*; *тупоголовый* или *жестокосердный человек* и др. Между тем, в языках других народов в качестве центров психических функций: мышления, памяти, воли, желания, черт характера, эмоций – могут выступать иные органы человеческого тела: кишки, желудок, печень или брюшная полость в целом. Ср. следующие языки:

- амхарский – *ḳʷäšt arrärä* ‘бессильная ярость’ (букв. ‘кишки опалило’);
- японский – *хара га ниэру* ‘приходить в бешенство’ (букв. ‘живот закипает’), *хара о иясу* ‘переставать сердиться’ (букв. ‘живот вылечили’), *хара о ёму* ‘угадывать чужие мысли’ (букв. ‘читать живот’);
- удмуртский – *кõt бõрдэ* ‘переживать’ (букв. ‘живот плачет’), *кõt куректэ* ‘переживать’ (букв. ‘живот жжет’), *кõtэ кельше* ‘прийтись по вкусу’ (букв. ‘в живот нравится’);
- маньчжурский – *фахун дэ фалимби* ‘помню’ (букв. ‘содержу в печени’);
- индонезийский *patah hati* ‘разбитое сердце’ (букв. ‘сломанная печень’), *direnungkan dalam lubuk hati nurani yang paling dalam* ‘это нужно обдумать в глубинах своей печени’ и др.

Подобные примеры можно найти и в армянском языке, во многих языках Африки и Юго-Восточной Азии, в тюркских языках.

В китайском языке мысли, воля, чувства, ощущения, эмоции, нравственные качества традиционно соотносятся с сердцем (*xin*), но грустные переживания, тоска, чувство одиночества, тревога связаны с кишками (*chang*). В классической китайской поэзии распространено выражение *duang chang* ‘обрывать кишки’:

На красной бумаге коротко записал глубокую печаль.

Смотрел парчовые фразы – и обрываются кишки.

[Су Ши (1037-1101), в подстрочном переводе Тань Аошуан].

В семитских языках сердце часто выступает как орган мысли (прасемитский корень *libb-), а печень или органы брюшной полости, живот – как орган эмоций (*kabid(at)-).

Подобные несовпадения являются сигналом различного осмысления и членения того или иного фрагмента человеческого опыта в различных лингвокультурах.

Примечательно, что различия в восприятии и категоризации окружающего мира средствами языка часто обусловлены внешними условиями существования этноса (природно-климатическими, физиолого-антропологическими, культурно-бытовыми и др.).

Например, для обозначения *снега* в большинстве европейских языков существует одно-единственное слово. В наречии эскимосов это природное явление обозначается несколькими десятками терминов, в зависимости от цвета, температуры, консистенции и т.д.

Таким образом, каждый этнос имеет собственное представление о мире, об общих явлениях в различных сферах человеческой жизни – материальной, духовной, организационной и поведенческой. Речь здесь идет не только о том, что в одной этнической культуре могут отсутствовать некоторые элементы, имеющиеся в другой культуре, но и о том, что отношение к тем или иным объектам, существующим в общечеловеческой культуре, может быть различным. Эти объекты могут вызывать разные ассоциации, т. е. по-разному сопоставляться с культурным опытом народа. Такие случаи часто приводят к недоразумениям при межкультурных контактах и создают сложности при переводе. Вместе с тем эти препятствия вполне преодолимы.

Межкультурное общение эффективно только тогда, когда коммуниканты, являющиеся носителями разных культур и языков, осознают тот факт, что каждый из них является “другим” и каждый принимает “чужеродность” своего партнера.

Знакомство с культурой других народов – одна из важнейших социальных функций перевода. Переводчик-билингв является как бы двойной языковой личностью. Он воспринимает иноязычную текстовую информацию с позиций лингвокультуры иноязычного социума. А затем переходит на родной языковой и социокультурный коды (в их неразрывном единстве).

11.4. Теория перевода и сопоставительная грамматика

В теории перевода важное место занимают грамматические проблемы. Для осуществления грамматических трансформаций переводчик прежде всего должен знать грамматические сходства и расхождения между исходным языком и языком перевода, которые изучаются сопоставительной грамматикой. Р. О. Якобсон подчеркивал,

что наряду с двуязычными словарями для теории и практики перевода необходимы двуязычные грамматики, «в которых указывалось бы, что объединяет и что разъединяет эту пару языков в выборе и разграничении грамматических категорий» [Якобсон 1978:19]. Следует отметить, что соотношение сопоставительных грамматик ученые приравнивают к соотношению языка к речи [Ющук, 1992: 88].

Как отмечает Д. И. Руденко, «в целом грамматические категории вполне адекватно фиксируют общую концептуальную картину мира, отражая ее наиболее базисные, инвариантные аспекты, узловые точки» [Руденко, 1992: 19]. Однако в грамматических формах даже одноименных грамматических категорий наблюдаются некоторые расхождения, которые, по мнению некоторых лингвистов, обусловлены семантическими различиями, т. е. являются следствием особых мировидений, или специфичных языковых картин мира» [Вежбицкая и др.].

Например, при сопоставлении грамматических категорий и форм английского и русского языков обнаруживаются следующие несовпадения. В русском языке, по сравнению с английским, отсутствуют такие грамматические категории, как артикль или герундий, а также инфинитивные и причастные комплексы и абсолютная номинативная конструкция.

Встречается и частичное совпадение или несовпадение в значении и употреблении соответствующих форм и конструкций. Например, грамматическая категория числа характерна для существительных как английского, так и русского языков. Однако между числовыми формами этих языков нет полного семантического и функционального соответствия. В некоторых случаях форме единственного числа в английском языке соответствует форма множественного числа в русском языке, например, англ. *chess* – русск. ‘шахматы’; англ. *money* – русск. ‘деньги’, и наоборот, форме множественного числа в английском языке соответствует форма единственного числа в русском языке: англ. *onions* – русск. ‘лук’; англ. *clothes* – русск. ‘одежда’.

В русском языке абстрактные существительные *дружба*, *любовь*, *гнев*, *борьба* употребляются только в единственном числе (группа *singularia tantum*). В английском языке аналогичные существительные могут употребляться во множественном числе для обозначения конкретных проявлений качеств или процессов: *Women's friendships*

are rarer than men's friendships (J. Braine); *All her struggles and fears and labours in rain and cold had been wasted* (J. Galsworthy). Отсюда необходимость замены форм числа при переводе.

Существенные расхождения между языками мира наблюдаются в системе грамматических категорий глагола.

В большинстве языков флективного и агглютинативного типов глаголу присущи грамматические категории времени, вида, наклонения, залога. При этом в *английском, французском, немецком и русском языках* глагол характеризуется рядом общих грамматических категорий: времени, вида, наклонения, залога, лица и числа.

Область интерференции при переводе с английского, французского и немецкого языков на русский язык может быть обусловлена наличием нескольких временных форм для передачи одновременности, следования или предшествования моменту речи в плане прошедшего, настоящего, будущего в английском, французском, немецком языках.

Если в русском языке только три времени: настоящее, прошедшее и будущее, то в указанных языках существует разветвленная система прошедших и будущих времен и строгая система согласования времен. Так, в английском языке насчитывается 26 временных форм глагола, которые могут не только передавать отношение действия к моменту речи, но и разграничивать определенность / неопределенность действия, законченность / незаконченность, длительность / мгновенность и т.д.

Категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения. Категория вида в языках может иметь разное формальное выражение (синтетическое и аналитическое) и разное содержание.

В славянских языках различают совершенный и несовершенный вид. Глаголы совершенного вида выражают действие, достигшее своего предела, исчерпавшее себя с момента его достижения (например, *свеча догорела*); глаголы несовершенного вида выражают действие, не достигшее своего предела, более того, не предусматривающее предела в своем протекании (например, *я говорю*). Глаголы несовершенного вида имеют 3 формы времени: настоящее, прошедшее и будущее, глаголы совершенного вида – только 2: прошедшее и будущее. В сослагательном и повелительном наклонении противопоставление времен отсутствует.

В английском, испанском и некоторых других языках выделяется так называемый прогрессивный вид (континуатив), передающий

действие в процессе его осуществления в конкретный момент времени, и общий вид (непрогрессив).

В немецком и французском языках нет категории вида, видовое значение «достижение/недостижение» предела передается другими средствами, например, во французском языке – формами прошедшего времени, одна из которых характеризует прошедшее действие как завершённое, другая – как незавершённое.

В некоторых языках время, вид и наклонение выступают в глаголе нерасчлененно, например, в арабском языке.

Количество наклонений вариативно в языках и может достигать десяти. В большинстве языков флективного типа, в частности в славянских, различают три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. В некоторых южнославянских языках выделяется еще и пересказывательное наклонение (комментатив), выражающее оттенок недоверия, сомнения.

В агглютинативных языках количество наклонений колеблется от 4 (например, в караимском языке: изъявительное, повелительное, желательное-сослагательное и условное) до 10 (например, в нахских языках: изъявительное, повелительное, безотлагательно-повелительное, желательное, просительно-желательное, категорически-повелительное, понудительное, сослагательное, потенциальное, неопределенное).

В тюркских языках помимо изъявительного и повелительного наклонений, выделяются желательное и условное, которые имеют свое формальное выражение.

В английском языке, как и в русском, различают 3 наклонения: изъявительное, повелительное, сослагательное, а во французском – 4: изъявительное, повелительное, сослагательное, условное.

Глагол может обозначать действие, по-разному направленное на субъект и объект, в связи с чем в глаголе выделяется категория *залога*.

В залоговой системе каждого языка содержатся как минимум две формы: формы активного залога (действительного) и формы пассивного (страдательного) залога. В форме активного (действительного) залога субъект действия занимает позицию подлежащего, а объект действия занимает позицию прямого дополнения.

В форме пассивного (страдательного) залога субъект действия занимает позицию присказуемого дополнения, а объект действия – позицию подлежащего.

Некоторые языки имеют более разветвленную систему залоговых форм. В якутском языке, например, их насчитывается 5: активный, страдательный, возвратный, совместно-возвратный и побудительный залог. Тюркские языки, кроме действительного и страдательного залогов, имеют также возвратный, взаимный, понудительный залогов, каждый из которых (кроме действительного) имеет свои формообразующие аффиксы.

В разных языках мира глагол, обозначая действие (состояние) через отношение к лицу или субъекту действия (за исключением инфинитива и безличных глаголов), может иметь категорию лица, как например, в английском, французском, немецком и русском языках. Однако известны языки, в которых глагол не имеет форм лица ни в одном из наклонений, кроме повелительного, например, монгольский, китайский, вьетнамский, датский, шведский.

Наличия данной категории в различных языках не означает, однако, ее одинакового объема. Так, в некоторых языках категория лица глагола осложняется дополнительными социальными моментами. Например, во французском и русском языках формы второго лица множественного числа используются как формы вежливости. А в корейском языке рядом с категорией лица (которая грамматически практически не выражена) развилась даже грамматическая категория социальной ориентации, позволяющая пятью различными глагольными «формами вежливости» передавать отношение говорящего к различным лицам (к ребенку, родственнику, незнакомцу, к старшему и т.д.).

Глаголом может быть выражено и отношение к объекту действия, с чем связано такое его свойство, как переходность. В некоторых языках (например, *картвельских, абхазско-адыгских*) лицо объекта имеет самостоятельное выражение, отличное от лица субъекта.

В языках флективного типа с богатой морфологией существует классификация глаголов и по формально-грамматическим разрядам, определяющим типы их спряжения. Например, в русском языке – глаголы первого и второго спряжения, в германских языках – сильного и слабого спряжения.

В языках флективного типа с богатой морфологией существует и классификация глаголов по лексико-грамматическим разрядам, обозначающим способ глагольного действия, например, способы глагольного действия в русском языке: начинательный – *зачесть*,

ограничительный – *постоять*, многократный – *хаживать*, окончательный – *отзвучать* и др.

Подобные структурные расхождения создают для переводчика особые трудности: в тексте на языке перевода должны быть обязательно представлены грамматические элементы, которые не имеют формальных соответствий в исходном языке. По замечанию Р. О. Якобсона, «языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено» [Якобсон, 1978:19].

Если в языке перевода отсутствует какая-либо морфологическая категория языка оригинала, то и ее можно передать лексическими или синтаксическими средствами. Например:

(1) *Tom started writing a letter. He had read his article* ‘Том начал писать письмо. Раньше он прочитал свою статью’. – Значение предшествующего действия в прошлом в английском языке выражается с помощью перфектной формы глагола, а в русском и украинском языках – наречием времени.

(2) *The boy entered the room* ‘Мальчик вошел в комнату’; *A boy entered the room* ‘В комнату вошел мальчик’. – Значение артиклей передано с помощью порядка слов.

А. Д. Швейцер называет подобные переводческие трансформации морфологически обусловленными [Швейцер 1973: 89].

Если в языке перевода отсутствует какая-либо синтаксическая конструкция, ее можно передать другой синтаксической конструкцией – с тем же денотативным значением. Примером может служить перевод английских абсолютных причастных оборотов с помощью придаточных предложений: *The weather being fine, they went for work* ‘Так как погода стояла хорошая, они пошли на прогулку’. – синтаксически обусловленные трансформации (по А. Д. Швейцеру).

Сопоставляя строй английского предложения со структурой в русском языке, грамматист отмечает, что английскому предложению присущ более фиксированный порядок слов. В русском языке порядок слов более гибкий. Отсюда следует важный для переводчика вывод о том, что для передачи некоторых значений, выражаемых в русском языке с помощью порядка слов, в английском языке приходится обращаться к другим грамматическим средствам, например, использовать артикль: *An old man entered the room* ‘В комнату вошел

пожилой человек'. Таким образом, сопоставительная грамматика позволяет сделать ряд интересных выводов, которые могут быть использованы в практике перевода. Приведем еще несколько примеров.

(1) *The split in the Democratic Party elected Lincoln.*

(2) *The letter added that the Committee was prepared to discuss the proposals at a later date.*

С точки зрения грамматики между данными предложениями нет принципиальной разницы, поскольку грамматика рассматривает определенные структуры, абстрагируясь от семантики слов, входящих в их состав, т.е. исследует грамматические, а не лексические значения. Для теории перевода одинаково важны и те, и другие, т.к. переводчик всегда имеет дело с конкретными предложениями, в которых лексическое и грамматическое значения тесно переплетаются, образуя единое целое. Вместе с тем, как известно, соотношение между лексическим и грамматическим значением в разных языках существенно отличается.

Так, английское предложение *The split elected Lincoln* нельзя перевести на русский язык как 'Раскол избрал Линкольна', т.к. в данном случае структура предложения в английском и русском языках определяется особенностями лексико-семантической сочетаемости слов.

В английском языке существительное *split* может выполнять функцию подлежащего при глаголе-сказуемом *elected*. В русском языке использование слов *раскол* и *избрал* в качестве грамматической основы предложения ввиду их лексико-семантической несочетаемости. Поэтому правильный перевод данного предложения – 'Линкольн был избран благодаря расколу в демократической партии'. Отсюда можно сделать вывод, что одни и те же лексико-семантические отношения в данных языках выражаются по-разному: в английском языке – конструкцией «подлежащее + сказуемое», а в русском – «сказуемое + обстоятельство». Учитывать данную особенность языков весьма важно для переводчика и совершенно не обязательно для грамматиста, который преследует другие цели и поэтому сопоставляет языки в иной плоскости.

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод, что если грамматика, сопоставляя различные конструкции, не принимает во внимание лексические значения входящих в них слов, то теория перевода рассматривает и то и другое в тесном и неразрывном единстве. Это обусловлено тем, что для грамматиста в первую очередь

необходимо установить наличие или отсутствие в ИЯ и ЯП тех или иных грамматических категорий, а также сходство и отличие в способах их выражения в сопоставляемых языках. Для переводчика эти данные имеют лишь предварительный характер. Поскольку значение и диапазон использования грамматических форм и конструкций отличаются от языка к языку, то некоторые смысловые оттенки, привносимые в язык оригинала лишь контекстом, в языке перевода могут выражаться с помощью различных форм и конструкций.

Кроме того, если в одном языке возможности использования данной конструкции ограничены лексико-семантической сочетаемостью слов, то в другом языке этих ограничений может и не быть. Поэтому теория перевода фактически сопоставляет не грамматические формы, как таковые, а наиболее типичные контексты, в которых грамматические и лексические значения тесно переплетаются. В этом и заключается специфика перевода. Как отмечает А. Д. Швейцер, в теории перевода недостаточно указать, что та или иная грамматическая конструкция может быть переведена несколькими способами в зависимости от контекста. Необходимо объяснить принципы выбора того или иного варианта в зависимости от контекста, то есть от того лексико-семантического окружения, в котором встречается данная конструкция. Теория перевода должна рассматривать все средства передачи содержания подлинника – грамматические и лексические – комплексно.

Контрольные вопросы и задания к теме:

1. Охарактеризуйте соотношение теории перевода и сопоставительной лингвистики. Можно ли утверждать, что данные научные направления взаимозаменяют друг друга?

2. Определите роль сопоставительной лексикологии в решении проблем перевода. Чем обусловлены различия в концептуализации и категоризации окружающего мира с помощью лексических единиц? Приведите примеры таких различий.

3. Какие проблемы сопоставительной грамматики особенно важны для переводчика? Какие трудности для перевода создают различия в грамматической структуре языков?

§12. Теория перевода и сопоставительная стилистика

Ключевые проблемы:

- сопоставительная стилистика как раздел сопоставительной лингвистики, цели и задачи, основные направления и принципы исследования;
- перевод и сопоставительная стилистика: вопросы корреляции

12.1. Сопоставительная стилистика как раздел сопоставительной лингвистики: цели и задачи, основные направления и принципы исследования

Сопоставительная стилистика – один из разделов сопоставительного языкознания, основанный на сравнении двух (и более) языков с целью выяснения их общих и отличительных стилистических свойств, структурных и функциональных отношений между языковыми средствами сравниваемых языков в различных сферах коммуникации, определения правил отбора и организации этих средств в различных стилях речи.

Основы сопоставительной стилистики были заложены Ш. Балли, который впервые научно обосновал и наглядно показал необходимость и перспективность сопоставительного изучения стилистической системы языка. Для обозначения стилистически-сопоставительной области исследования ученый использовал термин «внешняя стилистика», что свидетельствовало о расширении масштабов стилистических исследований за рамки одноязычного материала. Автор сопоставил стилистические системы немецкого и французского языков и пришел к выводу, что исследование стилистических фактов одного языка через призму корреляции с фактами другого языка позволяет получить наиболее достоверные результаты.

Кроме того, Ш. Балли обратил внимание на то, что современные европейские языки несут на себе отпечаток некоего общего психического склада и что в своем непрерывном развитии они отнюдь не расходятся между собой, а, наоборот, стремятся ко все большему сближению. Общие черты европейских языков и служат, по мнению Ш. Балли, основой, позволяющей сопоставлять их с точки зрения стилистики. Ученый обозначил широкий спектр стилистически-

сопоставительных проблем: исследование образности, экспрессивности, социальной дифференциации речи и т.д.

Идеи Ш. Балли получили развитие в трудах многих российских ученых, в частности, в «Сравнительной типологии французского и русского языков», «Сопоставительной лексикологии» В. Г. Гака, во «Французской стилистике» Ю. С. Степанова, в «Очерках общей и сопоставительной стилистики» А. В. Федорова и др. работах, которые так или иначе связаны с теорией перевода. Ощутимые результаты в разработке данного направления связаны с работами франкоязычных ученых – Ж. П. Вине, Ж. Дарбельне, А. Мальблана.

Одним из основоположников компаративной стилистики считается А. Мальблан. Ученый основал серию «Библиотека сопоставительной стилистики», в которую вошли первые работы, посвященные сопоставительному исследованию стилистических особенностей пар языков и задуманные как методики перевода: «Сопоставительная стилистика французского и английского языков» Вине и Дарбельне, «Сопоставительная стилистика французского и немецкого языков» Мальблана и др. Ж. Вине и Ж. Дарбельне отмечали, что перевод неотделим от сопоставительной стилистики, так как всякое сравнение должно основываться на эквивалентных фактах. Сопоставительная стилистика исходит из данных перевода, выводя свои законы, переводчик же использует законы сопоставительной стилистики для осуществления перевода. Более того, в статье «Стилистика и трансформация» Ж. Вине ставит знак равенства между терминами «теория перевода» и «сопоставительная стилистика».

Сопоставительная стилистика имеет свои задачи. А. Д. Швейцер делит их на конкретные и специфические. К конкретным задачам ученый относит «установление общих и различительных черт, обнаруживаемых системами экспрессивно-эмоциональных и оценочных средств двух языков, а также системами их функциональных стилей [Швейцер, 1993: 11]. Специфическими задачами, по мнению автора являются: «сопоставительный анализ системных отношений между языковыми средствами, используемыми в тех или иных сферах общения, определение принципов их отбора, сочетаемости и организации в текстах» [Там же].

Различают *теоретическую* и *практическую* сопоставительную стилистику. В рамках теоретической стилистики рассматриваются

фундаментальные основы данного научного направления (цели, задачи, общие и частные проблемы, тенденции, терминологический аппарат и т. д.). Практическая сопоставительная стилистика концентрируется на обобщении языковых данных и выработке рекомендаций для обучения иностранному языку, правильной реализации процесса межъязыковой коммуникации, а также осуществления адекватного перевода.

Для любого сопоставительного исследования важно установить основу сопоставления. В сопоставительной стилистике в качестве такой основы из совокупности значений, формирующих функциональную эквивалентность языковых форм, выбирается какое-либо одно обобщенное значение, одна функция или категория.

Основой сопоставления могут быть: семантические категории (например, бытийность, посессивность, временная и пространственная локализованность и др.); стилистические категории: социально-жанровая (книжность, просторечие, профессионализм, экзотизм и т.п.), эмоционально-оценочная (диминутивность, пейоративность и т.д.); историко-стилистическая (историзм, архаизм, неологизм); категории логики (типы отношений между понятиями, типы логических связей между суждениями и др.).

Очерчивая перспективы сопоставительной стилистики, Мальблан отмечал, что подобные исследования должны проходить в два этапа. На первом этапе изучаются ресурсы сопоставляемых языков, пути перехода от одного языка к другому, т. е. путем перевода описываются эквивалентные формы выражения в сопоставляемых языках. На втором этапе сопоставляются жанры и стили языков и определяется, что в сравнительных языках принадлежит языку (общему), а что – речи (индивидуальному). На этом же этапе сравниваются средства, которыми располагает каждый из сопоставляемых языков для выражения сатиры, юмора и др. Таким образом, на первом этапе исследования решаются сугубо лингвистические задачи – задачи контрастного описания стилистических ресурсов языков. На втором же этапе сопоставительная стилистика «должна строиться комплексно как дисциплина одновременно лингвистическая и литературоведческая, требующая привлечения не только данных из сферы поэтики или теории литературы, но и широких историко-литературных сведений».

Второй этап определяется как функционально-стилистический. В этом случае цель сопоставительно-стилистического исследования – выявление сходств и различий в организации речевых произведений средствами сравниваемых языков с учетом целей и сфер общения. На данном этапе сопоставительная стилистика также должна строиться комплексно, привлекая данные из области теории текста, социальной лингвистики, культурной антропологии, этнографии, истории и многих других наук.

Объектом наблюдения на втором этапе сопоставительно-стилистического исследования должен стать текст – завершённое речевое произведение, созданное в соответствии с определенной целью, прагматической установкой и традиционно принятыми нормами в определенной ситуации общения. Именно на уровне текста проявляются контрастные черты различных «жанров и стилей» сопоставляемых языков. В сфере «интересов» сопоставительной стилистики оказываются тексты разных жанров; ее внимание сосредоточено на вариативности употребления в речи средств выражения, возникающей вследствие различия целей и ситуаций общения, т.е. под воздействием внешних по отношению к языку факторов.

12.2. Перевод и сопоставительная стилистика: вопросы корреляции

Одной из причин становления сопоставительной стилистики послужили потребности перевода. Несмотря на то, что в современной науке сопоставительная стилистика и теория перевода – два автономных научных направления, между ними обнаруживается тесная связь.

Решения о выборе той или иной формы при переводе нередко оказываются обусловленными стилистическими факторами. Так, французское высказывание *Ils ont eu ensemble une violente discussion* (букв. ‘они имели жестокую дискуссию’), в котором говорится о ссоре супругов, скорее всего будет переведено ‘между ними произошел жаркий спор’. При переводе потребуются не только лексическая замена, но и изменение грамматической формы.

Например, французское слово *discussion*, несмотря на наличие в русском языке сходно звучащей лексики *дискуссия*, будет заменено словом *спор*, так как речь идет не о парламентских дебатах, а о ссоре

супругов. Грамматически возможная в русском языке синтаксическая конструкция *они имели + имя существительное* не сочетается с существительным *спор*. Такова норма русской речи. А норма речи – это одна из центральных категорий стилистики.

Одним из наиболее интересных аспектов теории перевода является проблема передачи различных стилистических приёмов. Перед переводчиком стоит выбор: либо попытаться скопировать стилистический прием оригинала, либо, если это невозможно, создать в переводе собственное стилистическое средство, обладающее аналогичным эмоциональным эффектом. Данный подход называется принципом стилистической компенсации, о котором К. И. Чуковский писал следующее: не метафору надо передавать метафорой, сравнение сравнением, а улыбку – улыбкой, слезу – слезой и т.д. Для переводчика важна не столько форма, сколько функция стилистического приема в тексте. Это означает определенную свободу действий: грамматические средства выразительности возможно передать лексическими и наоборот; опустив непередаваемое на иностранный язык то или иное стилистическое явление, переводчик компенсирует его, создав в другом месте текста – там, где это наиболее удобно, другой образ, но схожей стилистической направленности [Прозоров, 1998: 234].

Новое значение, приобретаемое образным средством в контексте, является элементом его семантической структуры. Данному элементу в этом же языке обычно соответствует слово или выражение в прямом значении, которое используется при истолковании образа. В случае, когда не найдена компенсация образа и невозможна его передача, передаётся только понятийное содержание образа.

Примером могут служить случаи, когда из-за невозможности сохранения метафоричности текста-оригинала передается только его смысл. Например: *he was extravagantly ambitious* ‘он был до крайности честолюбив’. В данном случае переводчик прибегает к замене метафорического эпитета *extravagantly* выражением ‘до крайности’, которое само по себе не обладает образностью, но вызывает благодаря необычной своей сочетаемости те же ассоциации, что и в исходящем тексте.

Среди трансформаций самым сложным является приём компенсации – передача смыслового значения или стилистического

оттенка не там, где он выражен в оригинале, или не теми средствами, какими он выражен в оригинале.

В любом языке есть элементы, не поддающиеся отдельной передаче средствами другого языка, поэтому очевидна необходимость компенсировать эту потерю при переводе. Речь идёт о потерях и смыслового, и стилистического порядка.

Если переводчик вынужден жертвовать или стилистической окраской, или экспрессивным зарядом слова при переводе, то, конечно, он должен в первую очередь сохранить экспрессивное значение слова или словосочетания, а в случае невозможности найти такое соответствие, возместить эту потерю приёмом компенсации.

Независимо от того, о каком этапе сопоставительного исследования идет речь, т.е. о сопоставлении стилистических ресурсов языков или о сопоставлении «жанров и стилей» языков, сопоставительная стилистика имеет ономаσιологическую направленность: она изучает, какими средствами сравниваемые языки выражают аналогичные значения. Кроме области значений и области языковых форм, существует еще одна сфера, которая может предоставить аналоги и параллели для сопоставления. Эта сфера располагается вне языка и включает комплекс факторов, предопределяющих характер выбора и организации языковых средств в речи, таких как цель, прагматическая установка, условия общения, межличностные отношения между коммуникантами и т.д.

Данный комплекс экстралингвистических факторов, определяемый как типовая ситуация общения, обуславливающий функционально-стилистическую дифференциацию речи, и должен составить базу для сопоставления «жанров и стилей» языков.

Таким образом, сопоставительная стилистика и теория перевода являются взаимосвязанными, но не взаимозаменяемыми отраслями языкознания. Являясь основой лингводидактики, сопоставительная стилистика непосредственно связана с теорией перевода, точнее с частными теориями перевода, изучающими возможности межъязыковых преобразований в пределах конкретной пары языков. Данные, полученные в результате сопоставительно-стилистического анализа, оказываются необходимыми для определения степени адекватности перевода той или иной ситуации общения. Они позволяют переводчику свободнее оперировать речевыми средствами переводящего языка, используя те формы, которые оказываются наиболее приемлемыми в

повторяющихся ситуациях речевого общения. Кроме того, эти данные дают возможность определенным образом решить проблему единицы перевода. Ситуативные клише, т.е. готовые речевые формы, регулярно воспроизводящиеся в определенных речевых ситуациях (например, военные команды, формы речевого этикета, речевые клише в стандартных ситуациях общения и др.) составляют одну из единиц перевода.

Теория перевода предоставляет сопоставительной лингвистике обширный материал, априорно воспринимаемый исследователями как аналогичный, а значит – поддающийся сравнению. Категории общей теории перевода лежат в основе одного из основных методов сопоставительной стилистики – «метода перевода».

Сопоставительная стилистика, в свою очередь, предоставляет частным теориям перевода важную информацию о вариативности речевого общения. Она обращает внимание переводчиков и теоретиков перевода на закрепленность традициями речевого общения определенных форм за теми или иными ситуациями коммуникации. Сопоставительная стилистика обогащает теорию перевода данными о речевых жанрах – функционально-стилистических вариантах речи, соотносящихся с определенными коммуникативными ситуациями, а также данными о нормах речевого поведения в стандартных ситуациях общения.

Контрольные вопросы к теме:

1. Охарактеризуйте сопоставительную стилистику как раздел сопоставительной лингвистики. Каковы ее цели, задачи, методы исследования.
2. Работы каких ученых имели определяющее значение для формирования сопоставительной стилистики?
3. Что может служить основой для сопоставления при сопоставительно-стилистическом исследовании.
4. Проанализируйте этапы сопоставительно-стилистического исследования.
5. Какое место в теории перевода занимают стилистические проблемы?
6. Охарактеризуйте взаимосвязь сопоставительной стилистики и теории перевода.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная:

1. Бархударов Л. С. Общелингвистическое значение теории перевода / Л. С. Бархударов // Теория и практика перевода. – Л. : ЛГУ, 1962. – С.7-13.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 237 с.
3. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – 1989. – Вып. XXV. – С.5-17.
4. Калиущенко, В. Д. Лингвистическая типология: учеб. пособие / В. Д. Калиущенко. – Донецк : ДонНУ, 2011. – 150 с.
5. Кацнельсон, С. Д., Типология языка и речевое мышление / С. Д. Канцельсон. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.
6. Кашкин, В. Б. Сопоставительная лингвистика: учеб. пособие для вузов / В. Б. Кашкин. – Воронеж, 2007. – 88 с.
7. Климов, Г. А. Типология языков активного строя / Г. А. Климов. – М. : Наука, 1973. – 320 с
8. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 167 с.
9. Комиссаров В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования (вступительная статья) / В. Н. Комиссаров // Вопросы теории перевода в заруб. лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С.3-15.
10. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для институтов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
11. Кочерган, М. П. Основи зіставного мовознавства: підручник / М. П. Кочерган. – К. : Видавничий центр «Академія», 2006. – 424 с.
12. Кузнецов, П. С. Морфологическая классификация языков: Материалы к курсам языкознания / под общ. ред. В. А. Звегинцева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 36 с. (Лингвистическое наследие XX века.).
13. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании / А. Мейе. – М., 1994. – 97 с.

14. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. специальностей / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта; Наука, 2011. – 312 с.
15. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 536 с.
16. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М. : Р. Валент, 2007. – 240 с.
17. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика / И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2006. – 340 с.
18. Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во Белгосуниверситета, 1983. – 48 с.
19. Супрун, А.Е. Принципы сопоставительного изучения лексики / А. Е. Супрун // Методы сопоставительного изучения языков. – М. : Наука, 1988. – С. 26-31.
20. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – М.: Высш. шк., 2002. – 216 с.
21. Федоров, А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики / А.В. Федоров. – М. : Высшая школа, 1971. – 196 с.
22. Хоккет, Ч. Проблема языковых универсалий / Ч. Хоккет // Новое в лингвистике. Вып. Языковые универсалии. – М. : Прогресс, 1970. – С. 45-76.
23. Шадрин, Н. Л. Сопоставительная стилистика и теория перевода / Н. Л. Шадрин // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1982. – Т. 4. – № 1. – С. 13-26.
24. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
25. Швейцер, А. Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
26. Юсупов У. К. Теоретические основы сопоставительной лингвистики / У. К. Юсупов. – Ташкент: Фан, 2007. – 127 с.
27. Якобсон, Р. О. О лингвистических аспектах перевода / Р. О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международ. отношения, 1978. – С. 16-24.

Дополнительная:

1. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / В. Д. Аракин. – М. : Высшая школа, 2005. – 232 с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. 1. – С. 47-77.
3. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / В. Г. Гак. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
4. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 303 с.
6. Мартине, А. Распространение языков и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике: Языковые контакты. – Вып. VI. – М. : Прогресс, 1972. – С. 81 – 93.
7. Мунэн, Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт / Ж. Мунэн // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 36-41.
8. Прозоров, В. Г., Основы теории и практики перевода с английского языка на русский / В. Г. Прозоров. – М., 1998. – 234 с.
9. Реформатский, А. А. О сопоставительном методе / А. А. Реформатский // Лингвистика и поэтика. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – С. 40-52.
10. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
11. Серебрянников, Б. А. Всякое ли сопоставление полезно? / Б. А. Серебрянников // Русский язык в национальной школе. – 1957. – № 2. – С. 7–10.
12. Скаличка, В. Типология и сопоставительная лингвистика / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. – 1989. – Вып. XXV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://classes.ru/grammar/166.new-in-linguistics-25/source/worddocuments/_2.htm.
13. Степанов Ю. С. Французская стилистика / Ю. С. Степанов. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 359 с.
14. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово Slovo, 2000. – 624 с.

15. Халлидей, М. А. Сопоставление языков / М. А. Халлидей // Вопросы теории перевода в заруб. лингвистике. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С.16-24.

16. Швейцер, А. Д. К вопросу об анализе грамматических явлений при переводе. Тетради переводчика / А. Д. Швейцер. – Вып. 1. – М., 1963.

17. Швейцер, А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М. : Высшая школа, 1978. – 215 с.

18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева; 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 303.

19. Ярцева, В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1981. – 112 с.

20. Ярцева, В. Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков / В. Н. Ярцева // Проблемы языкознания. – М., 1967. – С. 203-207.